

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XII (V)

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА КУЗИЩИНА
1930-2013

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XII (V)

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**Севастополь
2013**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XII(V). Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией **В.И. Кузищина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2013. – 108 с.**

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных 3-4 октября 2012 г. на заседаниях X Международной научной конференции «Лазаревские чтения».

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории, политологии и краеведения.

Редакционная коллегия:

Иванов В.А.	доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Кузищин В.И.	доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
Буйских А.В.	доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.
Петрова Э.Б.	доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ имени В.И. Вернадского.
Усов С.А.	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.	доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой российской истории ТНУ имени В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Юрченко С.В.	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений ТНУ имени В.И. Вернадского, профессор кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Цимбаев Н.И.	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
Бойцова Е.Е.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
Мартынкин А.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ставицкий А.В.	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ушаков С.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины.
Хапаев В.В.	кандидат исторических наук, зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие _____	4
<i>Мемории</i>	
<i>Филимонов С.Б.</i> Отечественная война 1812 года и Таврическая ученая архивная комиссия	6
<i>Новая история</i>	
<i>Горелов В.Н.</i> Отправление рекрутской повинности населением России в годы Крымской войны	9
<i>Крестьянников В.В.</i> Боевые действия Черноморского флота в восточной части Черного моря в годы I мировой войны	17
<i>Малиновская О.И., Ляшук П.М.</i> Захоронения участников Крымской войны на старом Севастопольском городском кладбище	25
<i>Сидорович Е.С.</i> Вильгельмин Рувье в экономической жизни Новороссийского края	37
<i>Ставицкий А.В.</i> Данные археологии о так называемой «Батуринской резне» 1708 года и проблема их интерпретации	41
<i>Новейшая история</i>	
<i>Гибова Е.С.</i> Роль крымско-татарских общественно-политических изданий в межнациональных отношениях в Крыму	47
<i>Кузьмина А.В.</i> Первые шаги Советской власти по восстановлению Черноморского флота после гражданской войны (1921-1923 гг.)	52
<i>Терецук Н.М.</i> Лишение избирательных прав севастопольских караимов в 20-е годы XX в. (по материалам Государственного архива города Севастополя)	55
<i>Научное творчество студентов</i>	
<i>Авсенёва С.Н.</i> Керчь в описании маркиза Габриэля де Кастельно	60
<i>Малиновская Е.С.</i> К вопросу об иностранных консульствах в Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX веков	64
<i>Оленченко С.А.</i> Развитие Севастопольского военно-морского госпиталя в первой половине XIX века	80
<i>Перепелица Л.В.</i> Историография истории деятельности Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны	87
<i>Хоменко С.В.</i> Влияние мер по укреплению трудовой дисциплины на работу узловой поликлиники станции Джанкой в 1944-1953 годах	95
<i>Чибисова А.А.</i> Украинская православная церковь Киевского патриархата как религиозно-политическая структура в освещении украинских и российских исследователей	99
<i>Сведения об авторах</i> _____	106

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый на суд читателя сборник посвящен памяти выдающегося отечественного ученого-антиковеда, создателя кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе и ее бессменного заведующего † **Василия Ивановича Кузицина (01.11.1930-28.02.2013)**.

В.И. Кузицин был инициатором проведения «Лазаревских чтений» в Филиале МГУ в г. Севастополе и их неизменным участником. Под его руководством конференция из камерного мероприятия, каким она была еще в 2002 году, уже к 2004 году превратилась в крупный научный форум, в котором принимают участие ученые из ведущих научных центров России, Украины, Молдовы и стран дальнего зарубежья. Усилиями Василия Ивановича на конференции задана высокая планка научной достоверности и актуальности представляемых докладов и, в то же время, демократизм и свобода выражения мнений. Маститые ученые и начинающие исследователи, в том числе студенты, выступают на общих секционных заседаниях конференции, в которых В.И. Кузицин всегда стремился сочетать мудрость признанных специалистов с пылкостью начинающих исследователей.

Издание по материалам конференции сборника «Причерноморье. История, политика, культура» в трех тематических сериях – также инициатива Василия Ивановича, с 2009 года воплощенная уже в 13 вышедших номерах. Три из них (XI(IV), XII(V) и XIII(IV)), выходящие одновременно, мы посвящаем светлой памяти нашего наставника и старшего товарища **Василия Ивановича Кузицина**.

* * *

В четырех разделах пятого выпуска серии Б «Новая и новейшая история» сборника представлены статьи, подготовленные участниками конференции «Лазаревские чтения» 2012 года. Разделы отражают основные направления научной дискуссии в рамках секции: мемории, новая история, новейшая история. По традиции, статьи, написанные студентами, выделены в особый раздел.

В **первом** разделе публикуется статья профессора **С.Б. Филимонова**, посвященная 200-летию Отечественной войны 1812 года. Статья знакомит читателя с тем, как Таврическая ученая архивная комиссия ровно 100 лет назад отмечала 100-летие победы русского оружия над Наполеоном. Подробно рассказывается о заседаниях и публикациях ТУАК, посвященных этому событию.

В разделе «**Новая история**» размещены исследования по истории Причерноморья XVIII – начала XX веков.

В преддверии 160-летия начала Крымской войны, **В.Н. Горелов** обращается к проблеме проведения рекрутских наборов в российскую армию накануне и в период боевых действий. **О.И. Малиновская** и **П.М. Ляшук** публикуют статью о незаслуженно забытых захоронениях участников Крымской войны на старом Севастопольском городском кладбище, с приложением списка таких захоронений и основных данных о погребенных.

В.В. Крестьянников анализирует роль Черноморского флота в боевых действиях на Кавказском театре в годы I Мировой войны.

Херсонский исследователь **Е.С. Сидорович** (наш постоянный автор) обращается к роли видного французского предпринимателя В. Рувье в экономическом развитии Новороссийского края.

Большой интерес представляет полемическая статья **А.В. Ставицкого**, посвященная анализу результатов археологических раскопок, проводившихся на месте так называемой «Батуриной резни» 1708 года. Сопоставляя их с данными письменных источни-

ков, автор присоединяется к точке зрения, что взятие Батурина войсками князя А.Д. Меншикова массовыми убийствами не сопровождалось.

В разделе «**Новейшая история**» публикуются три статьи, посвященные различным периодам этой эпохи в истории Крыма

Е.С. Гибова, анализируя материалы современной крымско-татарской печати, рассуждает об их противоречивой роли в поиске межнационального согласия в Крыму.

А.В. Кузьмина в небольшой заметке обращается к истории первых шагов по восстановлению Черноморского слота после гражданской войны.

Н.М. Терещук на материалах Государственной архива города Севастополя восстанавливает судьбы крымских караимов, лишенных избирательных прав в 20-е – начале 30-х годов XX века.

Разнообразна тематика исследований, представленных в заключительном разделе «**Научное творчество студентов**». Здесь рассматриваются не только вопросы истории Крыма и Севастополя XIX-XX вв., но и проблемы истории православной церкви в России и Украине.

С.Н. Авсенёва изучает труд Габриэля де Кастельно, изданный в Париже в 1820 году, как источник по истории города Керчи.

Е.С. Малиновская представляет результаты новаторского исследования об иностранных консульствах, действовавших в Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX веков. Из исторического «небытия» исследовательницей возвращены десятки фамилий дипломатических представителей европейских и азиатских государств, работавших в Крыму.

С.А. Оленченко представила авторское видение истории Севастопольского военноморского госпиталя в первый период его истории, предшествовавший Крымской войне.

Л.В. Перепелица предприняла изучение историографии истории Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. Молодой исследовательницей вводится периодизация изучения данного вопроса, прослежены его основные тенденции.

С.В. Хоменко в небольшом исследовании предпринял опыт экстраполяции данных о дисциплинарных взысканиях, налагавшихся на сотрудников железнодорожной поликлиники города Джанкоя в первые послевоенные годы для выявления основных тенденций развития железнодорожной медицины в 40-50-е годы XX века.

А.А. Чибисова анализирует взгляды российских и украинских историков на феномен Украинской православной церкви Киевского патриархата и их оценки роли данной религиозной организации в становлении независимого украинского государства и украинской политической нации.

* * *

Оргкомитет Международной научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I

МЕМОРИИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И ТАВРИЧЕСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ

Филимонов С.Б.

Таврический национальный университет

В 2012 году в Российской Федерации на государственном уровне отмечалось 200-летие Отечественной войны 1812 года. 100 лет назад, в 1912 году, на государственном же уровне в Российской империи отмечался 100-летний юбилей этой войны. Деятельное участие в торжествах принимала старейшая и авторитетнейшая крымская историко-краеведческая организация – Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК). Вот, о чем поведал печатный орган ТУАК – ее «Известия».

100-летнюю годовщину Отечественной войны ТУАК отметила торжественным публичным заседанием, состоявшимся 26 августа 1912 года, т.е. в день 100-летнего юбилея Бородинской битвы. Заседание проходило в зале Таврического дворянского депутатского собрания под председательством неперемного попечителя ТУАК таврического губернатора графа П.Н.Апраксина. На заседании присутствовали: председатель ТУАК знаменитый краевед А.И. Маркевич, епископ Таврический и Симферопольский Димитрий (Абашидзе) (в 2012 году он причислен к лику святых), начальник штаба 7-го армейского корпуса генерал-майор М.А. Сулькевич (в годы Гражданской войны он возглавит Крымское краевое правительтельство), таврический муфтий Карашайский, выдающийся просветитель крымско-татарского народа Измаил мурза Гаспринский, другие члены ТУАК, представители духовенства, армейские чины, преподаватели учебных заведений и многочисленная публика.

Началось торжественное заседание с того, что все присутствующие вставанием почтили «память Императора Александра Благословенного, сподвижников его, воинов и всех тех русских людей, которые сто лет тому назад вместе со своим Царем принесли на алтарь отечества свои труды, жертвы и свою жизнь». Хор пропел «Вечная память».

От имени собрания императору Николаю II была послана телеграмма с выражением верноподданнических чувств.

Затем губернатор граф П.Н. Апраксин обратился к собранию с речью, которую завершил словами: *«Воспользуемся же сегодняшним днем, чтобы укрепить в своем сознании необходимость изучения родной истории, которую труженики архивов воскрешают своими трудами».*

Были заслушаны сообщения: Н.С. Беляева «Отечественная война в манифестах, указах и других официальных документах и в сознании русского народа»; А.И. Маркевича

«Таврическая губерния в связи с событиями Отечественной войны», а Л.А.Беляева прочла собственное стихотворение «Бородино».

Все выступления сопровождались продолжительными аплодисментами.

Протокол заседания ТУАК от 26 августа 1912 года, а также тексты всех заслушанных на этом заседании сообщений были напечатаны на страницах № 49 «Известий ТУАК» (Симферополь, 1913).

Ознакомление с этими публикациями показало, что в наши дни особый интерес представляет сообщение классика крымоведения А.И. Маркевича. Публикация сообщения А.И. Маркевича занимает 100 страниц и имеет более широкое, чем зафиксированное в протоколе, название, а именно: «Таврическая губерния в связи с эпохой 1806 – 1814 годов: исторический очерк: по архивным материалам».

А.И. Маркевич использовал в своем исследовании многочисленные делопроизводственные документы архива Канцелярии Таврического губернатора и Таврического губернского правления. Вместе с тем, автор отмечал: *«К сожалению, мы не располагаем всеми данными по этому вопросу. По словам таврического губернатора Казначеева в письме к историку Отечественной войны Михайловскому-Данилевскому, многие бумаги, относящиеся к данной эпохе, остались на руках бывшего таврического губернатора Д.Б. Мертваго и в архив не поступили [...] Многие дела, с другой стороны, бывшие в губернском архиве и значащиеся по старым описям, не сохранились».*

Тем не менее, использованные источники позволили А.И.Маркевичу рассмотреть следующие сюжеты (эти сюжеты были распределены автором по XV разделам):

- I. Вступление.
- II. Образование милиции в Таврической губернии в 1806 г.
- III. Сформирование татарских конных полков. Жертвы обывателей Таврической губернии.
- IV. Война с Турцией и перевод татар с южного берега Крыма. Настроение татарского населения.
- V. Отправление Симферопольского и Перекопского полков на прусскую границу.
- VI. Выступление Евпаторийского и Феодосийского полков. Настроение татар.
- VII. Укомплектование татарских полков. Наводнение 1811 г. Меры правительства относительно татарского населения Таврической губернии.
- VIII. Конец Турецкой войны. Отечественная война. Воодушевление населения Таврической губернии. Пожертвования.
- IX. Чума в Крыму. Жестокая зима 1812 г.
- X. Участие крымских конно-татарских полков в Отечественной войне. Настроение татар в Крыму.
- XI. Пожертвования. Рекрутские наборы.
- XII. Комплектование крымских конно-татарских полков. Возмущение татар Симферопольского и Евпаторийского уездов.
- XIII. Укомплектование Евпаторийского и Феодосийского полков.
- XIV. Составление капитала для пособия раненым ратникам крымско-татарских полков. Сведения о раненых.
- XV. Высочайшие милости населению Таврической губернии. Заключение.

Статья А.И. Маркевича завершалась следующими выводами: *«Таковы данные в наших архивах о связи Таврического края с событиями и обстоятельствами 1806 – 1814 гг. и, в частности, Отечественной войны. Их немного, но и они красноречиво говорят о патриотизме населения Тавриды, преданности его Отечеству и Престолу. Несмотря на то, что край этот еще так недавно вошел в состав России (в 1783 году. – С.Ф.), несмотря на то, что население его было крайне пестро, а в Крыму состояло почти из одних инородцев, несмотря на целый ряд ужасных бедствий, которые постигли тогда Таврическую губернию и подорвали благосостояние ее населения, - Таврида с честью и самоотвержением исполнила свой гражданский долг и не щадила никаких средств для спасения достоинства, свободы и целостности государства. Не говоря о материальных жертвах*

населения, особенно русского всех сословий, кровь жителей Тавриды, к тому же инородцев, была пролита в защиту России и у стен Смоленска, древнего оплота Москвы против западных врагов, и на святых полях Бородине, и у Москвы – сердца России, и под Вильной, древней столицей Литвы, и под Данцигом, Дрезденом, и на высотах Монмартра. Плохо одетые и вооруженные, незнакомые с военной службой, не знавшие русского языка, среди чуждых условий жизни, крымские татары честно исполнили свой долг, и за их верную службу потомки их 26 августа 1912 года, вместе с представителями таврического дворянства и земства, представляли Тавриду на Бородинском поле пред лицом Государя и всей России».

Необходимо подчеркнуть, что это исследование А.И. Маркевича, посвященное истории Таврической губернии в эпоху Отечественной войны 1812 года, вероятно, было признано исчерпывающим: в дальнейшем ни на заседаниях Таврической ученой архивной комиссии, ни на заседаниях сменившего ее в 1923 году Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ), ни одного доклада на эту тему заслушано не было, а на страницах 57-ми томов «Известий ТУАК» (Симферополь, 1887 – 1920) и 4-х томов «Известий ТОИАЭ» (1927 – 1931) иные публикации о войне 1812 года, помимо рассмотренных выше, отсутствуют.

Увы, в 2012 году ни государство Украина в целом, ни Автономная Республика Крым никак не отреагировали на официальном уровне на юбилей войны 1812 года. В этой связи убежден, что разработку такой темы, как 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в многонациональном и многоконфессиональном Крыму необходимо продолжить. Полезно было бы рассмотреть степень и формы участия в юбилейных торжествах со стороны различных учреждений, организаций и особенно – учебных заведений; несомненный интерес представляло бы исследование, посвященное персональному составу и деятельности той упомянутой А.И. Маркевичем делегации, которая представляла Тавриду на Бородинском поле 26 августа 1912 года. Как справедливо заметил в своей недавней статье «Долгая история и короткая память» директор Института стран СНГ Константин Затулин, *«всем нам [...] не следует полагать рук, чтобы история первой отечественной войны не стала чуждой для живущих в странах Содружества. Хотя бы на Украине и в Белоруссии»*. (Крымская правда. – Симферополь, 2012. – 8 сентября).

II

НОВАЯ ИСТОРИЯ

ОТПРАВЛЕНИЕ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

ГОРЕЛОВ В.Н.

Российский государственный гуманитарный университет.
Историко-архивный институт (г. Москва)

Отправление рекрутской повинности населением России – сюжет не новый. Его издавна исследуют как военные, так и гражданские историки. Например, обширный библиографический список приведён в автореферате кандидатской диссертации Ф.Н. Иванова, который в обзорной статье «Рекрутская повинность населения России в XIX столетии в освещении отечественной историографии» отмечает, что большая часть специалистов считает историю рекрутской повинности в России изученной [9, 10].

Тем не менее, в последние годы активно разрабатываются всё новые и новые аспекты, в числе которых:

- а) региональная проблематика;
- б) вопросы, связанные с историей появления и развития различных льгот и изъятий;
- в) темы, обусловленные спецификой отправления рекрутской повинности определенными сословиями или группами населения (например, крестьянами удельного ведомства) [4, 12].

Нас в этой работе интересует узкий, но важный хронологический интервал, а именно – период Крымской (Восточной) войны, а также предшествующие и последующие годы. Именно в это время в отпадлении рекрутской повинности тесно переплелись две её стороны: для населения – тяжкая, но неизбежная необходимость, для армии и флота – действующий способ комплектования. Изучение этих взаимосвязанных и взаимозависимых вопросов невозможно без понимания количественных характеристик явления.

Наиболее полно параметры рекрутских наборов представлены в известной работе Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX в.», однако сведения, относящиеся к Крымской войне, изложены скупо, обобщённо и не описывают структуру исполнения рекрутской повинности различными категориями населения [3, 7]. Послевоенный период, интересный по целому ряду причин, автором не рассматривается.

Цель этой работы состоит в том, чтобы на основании Высочайших манифестов о производстве рекрутских наборов оценить назначаемый этими манифестами и сопутствующими указами вклад разных сословных групп в комплектование армии и флота в годы Крымской войны, а также в том, чтобы выявить динамику рекрутских наборов при пере-

ходе страны от мирного времени к военному и при возвращении от военных тягостей к мирной жизни.

Прежде всего, покажем, каким был законодательный базис для отправления населением России рекрутской повинности в середине XIX столетия.

К этому времени окончательно устоялась новая организация управления военным ведомством. В соответствии с Учреждением Военного министерства от 29 марта 1836 года, рекрутские наборы находились в ведении Четвертого отделения Инспекторского департамента, которое состояло из трёх столов [2, т. 11, № 9038, с. 254]. Распоряжения о наборе рекрутов, назначении и отправлении их в войска, счисление денег, взыскиваемых вместо поставки рекрутов натурою, соби́рание списков о принятых и распределенных рекрутах относились к предметам первого стола.

Правила отправления рекрутской повинности регламентировал Устав рекрутский от 28 июня 1831 г. [2, т. 6, № 4677, с. 501-657]. Суть Устава предельно точно была сформулирована при введении дополнительных к нему статей: *«Рекрутским Уставом 1831 г. приведены в один состав разнообразные и многосложные прежних лет узаконения о рекрутской повинности в государстве, и вместе с тем, к облегчению её и удобнейшей раскладке, постановлены новые правила»* [2, т. 9, № 7535, с. 146]. Статья 3 Устава определяла перечень сословий, подлежащих рекрутской повинности. К ним относились мещане, казенные крестьяне разных наименований, крестьяне удельные, крестьяне помещичьи, свободные хлебопашцы и другие *«доселе рекрутству подлежавшие и по §10 от него не изъятые»*, а также дворовые люди.

Для исполнения рекрутских наборов территория Российской империи (исключая Царство Польское и Великое княжество Финляндское) была разделена на две полосы, западную и восточную. По Манифесту от 8 июля 1839 г. к западной полосе относились 26 губерний и Белостокская область, к восточной – 23 губернии, войско Донское и Кубанская область [2, т. 14, № 12513, с. 608-609]. Орловская губерния, поначалу отнесённая к западной полосе, в годы Крымской войны приписывалась к губерниям восточной полосы [11]. Рекрутские наборы велись поочередно с губерний восточной и западной полосы.

Действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое предоставляло широкую трактовку тех преступлений и проступков, за которыми могла следовать солдатская служба, а именно: к отдаче в военную службу рядовыми могли присуждаться все те, кому в качестве альтернативы полагалась ссылка в Сибирь на поселение с изъятием от телесных наказаний.

Чтобы уменьшить пагубное воздействие на армию лиц девиантного поведения, в 1835 г. было утверждено *«Положение об исправлении порочных людей, прежде поступления на службу в войска действующие»* [2, т. 10, № 7869], статья 1 которого звучала так: *«Для отклонения вредного на войска влияния сообществом бродяг, преступников и вообще людей порочных, по приговорам судебных мест в военную службу отдаваемых, предполагается, прежде зачисления их на службу в войска действующие, <...>, подвергать их предварительной мере исправления»*. С этой целью в резервной дивизии 3 пехотного корпуса были выбраны два батальона, находясь в которых порочные люди обязаны были доказать твердую решимость *«оставить прежние пороки и вести себя как должно добрым солдатам»*.

Сложились и правила отправления рекрутской повинности казенными крестьянами. С декабря 1837 г. *«государственные крестьяне всех наименований, кроме приписных к особым ведомствам»*, были отнесены к Министерству государственных имуществ [2, т. 12, № 10834, с. 1041], [6, с. 18]. В 1838 г. в губерниях были учреждены подчиненные этому министерству Палаты государственных имуществ с весьма разветвлёнными полномочиями и обязанностями [2, т. 13, № 11189, с. 406-486]. Одно из отделений Палаты, хозяйственное, попечительствовало над государственными крестьянами и отвечало, в частности, за распоряжения по части рекрутской повинности.

В 1850-е гг. препровождение рекрутов с мест сбора в полки и команды находилось в ведении Отдельного корпуса внутренней стражи, которая принимала и провожала рекрутов, а также обучала их *«военной экзерциции и движениям»* [1, т. 31, № 24704, с. 785], [5].

Каждую партию рекрутов сопровождал к месту службы партионный офицер, которому придавались унтер-офицеры и рядовые. В наставлении партионному офицеру предписывалось, чтобы он поступал с рекрутами *«как отец с детьми, наставляя каждого в познании обязанностей внятно, просто, без строптивости, но терпеливо и кротко, не ослабляя, однако ж, должного порядка, законом предписанного»* [1, т. 32, № 25477, с. 664-683].

Итак, к началу 1850-х гг. рекрутская система комплектования регулярной армии и флота поддерживалась консистентным набором узаконений. Количество людей, назначаемых в рекруты, определялось правилами рекрутского устава и соответствующими манифестами, причем накануне и в годы Крымской войны для этого использовались данные девятой ревизии 1850-1851 гг. Все родившиеся в податном состоянии, в интервале между двумя ревизиями, рекрутской повинности не подлежали, что регламентировалось §10, п. 9 Устава рекрутского 1831 г. [2, т. 6, № 4677, с. 504], [10, с. 51, 71]. При этом некоторые словесные категории освобождались от государственных повинностей (например, по религиозным причинам) и не учитывались при исчислении необходимого числа рекрут. Так, крымские татары были отнесены к государственным крестьянам (хотя жили частью на казённых, частью на помещичьих землях), но пользовались личной свободой и были освобождены от постоянной и рекрутской повинности [7, с. 17].

Расчеты, выполненные в данной работе для 1851-1855 гг., основаны на сводных таблицах из исследования П. Кеппена и представляют собой исчисление плановых рекрутских наборов в 1851-1855 гг. Не учитывались некоторые группы населения, численность которых относительно совокупного числа государственных, удельных и помещичьих крестьян, дворовых людей, а также однодворцев, граждан и евреев в западных губерниях, была невелика.

14 июня 1851 г. был подписан Манифест «О производстве девятого частного очередного набора в губерниях восточной полосы империи». Было предписано набрать *«с тысячи душ по пяти рекрут»*, а с губерний Орловской, Калужской и Тульской, которые в 1849 г. дали более рекрут, чем иные губернии восточной полосы, необходимо было взять «для уравнения» только по одному рекруту с тысячи ревизских душ. Набор рекрут с государственных крестьян вёлся с губерний, представленных в особом списке. Кроме того, поскольку по указу от 19 октября 1831 г. при каждом наборе рекрут в государстве полагалось *«призывать к личной воинской повинности однодворцев и граждан западных губерний»*, назначалось собрать с них по десяти человек с тысячи душ. К западным губерниям относились Витебская, Могилёвская, Киевская, Подольская, Волынская, Минская, Гродненская, Виленская и Ковенская. С евреев Витебской губернии также набиралось по десяти человек с тысячи. К отдаче полагались: помещичьих крестьян и дворовых людей 19900, государственных крестьян 25729, удельных крестьян 3613. Однодворцы, граждане западных губерний и евреи Витебской губернии поставляли 1824 рекрута. Всего по наборам 1851 г. под знамёна должны были встать 51066 рекрутов.

Десятый частный очередной набор 1852 г. вёлся с губерний западной полосы, по семи человек с тысячи ревизских душ удельных, помещичьих и казённых крестьян. По десять человек, как и в 1851 г., должны были поставить однодворцы и граждане девяти вышеперечисленных западных губерний, а также все евреи, по десяти человек с тысячи душ [2, т. 27, № 26460, с. 481]. Кроме этого, было указано, что Псковская, Витебская и Могилёвская губернии начнут погашать долг по рекрутским наборам 1846 и 1847 гг., когда они были изъяты от поставки рекрутов по случаю неурожая. В дополнение к вышеозначенным семи человекам с тысячи они должны были дать ещё одного, а взыскание остальных трех откладывалось до будущих наборов. Общий план для губерний западной полосы в 1852 году выглядел так: 38396 рекрутов с помещичьих крестьян и дворовых людей, 23830 – с государственных крестьян, 599 – с удельных, 6091 рекрута поставляли однодворцы, граждане и евреи. Псковская, Витебская и Могилёвская губернии часть своего долга за 1846-1847 гг. гасили рекрутами в количестве 690 человек. Общее число рекрутов должно было составить 69607.

Десятый частный набор 1853 г. с губерний восточной полосы империи был объявлен Манифестом от 8 июля 1853 г. Набиралось с тысячи душ по семь рекрутов. Кроме того,

указано было *«независимо от сего взять с губерний восточной полосы по три рекрута с тысячи в число шести человек, которых эта полоса в предшествовавшие наборы поставила менее противу западной»*. Итого с губерний восточной полосы в 1853 г. набиралось по десяти рекрут с тысячи ревизских душ. Псковская, Витебская и Могилёвская губернии давали по три человека с тысячи душ, чем окончательно гасили долг за 1846-1847 гг. Поставка рекрутов с государственных крестьян оговаривалась по отдельному списку. Наконец, как и прежде, предписывалось взять с однодворцев, граждан и евреев западных губерний по десяти человек с тысячи. Общий план набора 1853 г. на 73% превышал набор 1852 г. и составил 120459 рекрутов, из которых государственных крестьян, помещичьих крестьян и дворовых людей 104457, удельных крестьян 7225. Число однодворцев, граждан и евреев по сравнению с предыдущим 1852 г. не изменялось. Губернии-должники поставляли 2686 рекрутов.

В Манифестах о рекрутских наборах 1854 г. слышны грозные мотивы войны. Если до этого формулировка преамбулы была нейтральной (*«для укомплектования сухопутных войск и флота произвести, на основании особого распорядительного указа...»*), то теперь, в Манифесте от 29 января обоснование рекрутского набора звучало так: *«По настоящим военным обстоятельствам, признавая необходимым содержать нашу армию и флоты на военном положении и иметь готовые резервы для безостановочного комплектования действующих частей войск повелеваем...»*. Объявленный через три месяца очередной набор был призван *«усилить армию и флоты наши сформированием новых запасных войск»*. Наконец, в августе того же года повторился набор с губерний западной полосы, поскольку надлежало *«сформировать окончательно запасные войска»*. Всего в течение 1854 г. было произведено три набора: два с губерний западной полосы и один – с восточной.

Особенностью 11 частного набора с западной полосы 1854 г. стало освобождение от поставки рекрутов Херсонской и Таврической губерний и Бессарабской области, как находящихся на военном положении, а также освобождение прибалтийских губерний (Эстляндской, Курляндской и Лифляндской) от поставки рекрутов с государственных крестьян. В 11 наборе с восточной полосы не набирались рекруты с государственных крестьян Кавказской области и Симбирской губернии. В Манифесте о 12 наборе с западной полосы нет указаний об участии в отправлении рекрутской повинности однодворцами и гражданами западных губерний. Таврическая губерния была освобождена от этого набора отдельным распоряжением.

Расчёты показывают следующее:

- 11 набор с губерний западной полосы давал 82650 рекрутов (государственных крестьян, помещичьих крестьян и дворовых людей 77349, удельных крестьян 769, евреев 4532);
- 11 набор с губерний восточной полосы – 137636 рекрутов (государственных крестьян, помещичьих крестьян и дворовых людей 124434, удельных крестьян 8671, евреев 4532);
- 12 набор с губерний западной полосы – 93448 рекрутов (государственных крестьян, помещичьих крестьян и дворовых людей 88060, удельных крестьян 856, евреев 4532).

Таким образом, в 1854 г. государство предполагало поставить под знамёна 313734 человека, из которых 92% – крестьяне государственные и помещичьи и дворовые люди.

В 1855 г. также было произведено последовательно три рекрутских набора: с восточной полосы (по десяти с тысячи душ), с западной полосы (по двадцати) и общий набор по десять человек с тысячи душ со всего государства, исключая Псковскую, Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии. Всего ожидаемое пополнение армии и флотов в 1855 г. составляло почти 420 тыс. человек. Структура каждого из рекрутских наборов 1855 г. выглядит так.

- 12 набор с губерний восточной полосы давал 116548 рекрутов (государственных крестьян, помещичьих крестьян и дворовых людей 104791, удельных крестьян 7225, евреев 4532);
- 13 набор с губерний западной полосы – 124981 рекрут (государственных крестьян, помещичьих крестьян и дворовых людей 122515, удельных крестьян 2466);

- Общий набор с империи – 178428 рекрутов (государственных крестьян, помещичьих крестьян и дворовых людей 165438, удельных крестьян 8458, евреев 4532).

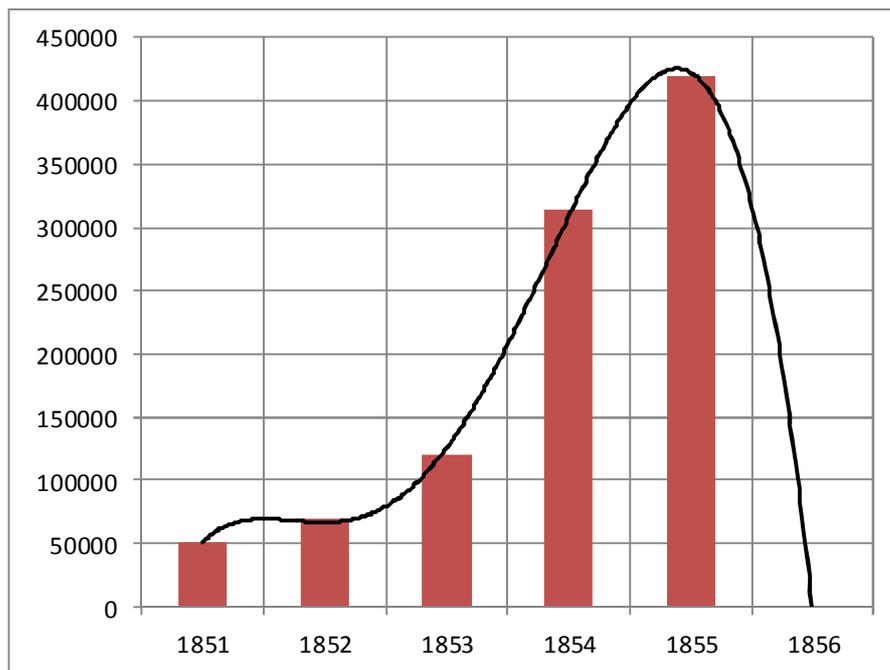

Рис. 1. Количество рекрутов с обеих полос империи, назначаемое манифестами 1851-1856 гг.

Динамику рекрутских наборов в предвоенные и военные годы отражает диаграмма, представленная на рис. 1. Всего с 1851 по 1855 гг. планировалось собрать 975 тыс. рекрутов, из них немногим более 854 тыс. за период с 1853 по 1855 гг. Л.Г. Бескровный это число определяет как 878 тыс. [3, с. 79], что с точностью до 3% соответствует нашим расчётам.

Крымская война, как и любая другая, завершилась подписанием мирного договора. Произошло это в Париже в марте 1856 г. Менее полугода спустя, 26 августа, был подписан и в тот же день опубликован знаменательный Манифест «О Всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений по случаю коронавания Его Императорского Величества».

В Манифесте было отдано должное героизму защитников Севастополя, выдержавших одиннадцатимесячную осаду на укреплениях, *«почти мгновенно ими самими воздвигнутых»*, а также всем воинам, которые участвовали в военных действиях в азиатской Турции, при обороне Петропавловска и в Синопском сражении. Для награждения оных была учреждена бронзовая медаль, сходная с той, что вручалась защитникам Севастополя, с изображением императора Николая I и словами *«На Тя Господи увахом, да не постыдимся во веки»*. Этой медалью награждались нижние чины, офицеры, ратники ополчения, казаки малороссийских конных полков, а также представители духовенства, которые были в походах и *«с нежной заботливостью и самоотвержением помогали приившим тяжкие за родину язвы»*. Такая же медаль предназначалась для почетных граждан и купцов, *«которые отличили себя приношениями на издержки войны, или на пособия раненым и семействам убитых»*.

Особое внимание в Манифесте уделялось Тавриде, Бессарабии, губерниям Херсонской, Екатеринославской, Архангельской и прибалтийским как наиболее потерпевшим от нападений и разорения, а также приложившим наибольшие усилия для отвращения близкой к ним опасности. Было признано справедливым предоставить этим местам особые облегчения и пособия. Но и другие части империи *«с мужеством и терпением, достойным народа русского»*, переносили потери и тягости войны. Результатом стала значительная убыль населения – только в военную службу, как показывают наши расчёты, должно было

поступить 854 тыс. человек. Чтобы сделать последствия войны менее ощутимыми и не обременять население платежом податей и исправлением повинностей, несоразмерных истинному его (населения) количеству, было постановлено:

а) провести немедленно новую общую народную перепись;

б) зачесть возможную переплату податей, которые с 1 января 1857 г. до завершения новой переписи будут вноситься по данным девятой ревизии, «в подати следующих за тем лет по числу душ уже новой ревизии».

Кроме того, статья II Манифеста гласила: «*Рекрутских наборов в настоящем 1856 году и в течение трёх следующих за сим лет, не производить, если Бог благословит нас продолжением твёрдого мира и никакие чрезвычайные обстоятельства не сделают набора необходимым*». Но фактически рекрутские наборы не осуществлялись гораздо дольше. Лишь в 1862 г. был издан манифест «О производстве в 1863 году рекрутского набора с обеих полос империи». С 15 января до 15 февраля 1863 г. предписывалось набрать по пяти человек с тысячи душ. Вместе с тем, были представлены изменения правил рекрутского устава, призванные облегчить исполнение рекрутской повинности и дать всем сословиям, отправляющим такую, возможность иметь своих представителей в рекрутских присутствиях.

Как указывает А.Ф. Редигер в работе «Устройство и комплектование вооруженной силы», во время Крымской войны в губерниях западной полосы было взято по 57 человек с тысячи ревизских душ, а в восточной полосе по – 70 человек [10, с. 50], однако высочайшими Манифестами подтверждаются иные значения: 49 и 42 человека с тысячи душ соответственно.

По нашим оценкам, в 1853-1855 гг. губерниям западной полосы назначалось 385322 рекрута, губерниям восточной – 468819 рекрутов, что на 22% больше, но это не является следствием того, что на восточную полосу возлагалось большее бремя за счет иного числа рекрутов, назначаемых к отдаче в армию и флот. Число обязанных отправлять рекрутскую повинность в губерниях восточной полосы составляло 11 млн. 200 тыс. человек против 9 млн. 750 тыс. в губерниях западной полосы, то есть изначально было выше на 15% (в основном за счет удельных крестьян). На эту особенность наложилась специфика рекрутских наборов, когда некоторые губернии исключались из списков (как, например, находящиеся на военном положении), а другие, напротив, должны были компенсировать недоимочных рекрутов. Поэтому при сопоставлении тяжести возложенной на разные полосы империи рекрутской повинности следует учитывать как численность их населения по данным актуальной ревизии (в нашем случае – девятой), так и предысторию отправления этой повинности разными губерниями.

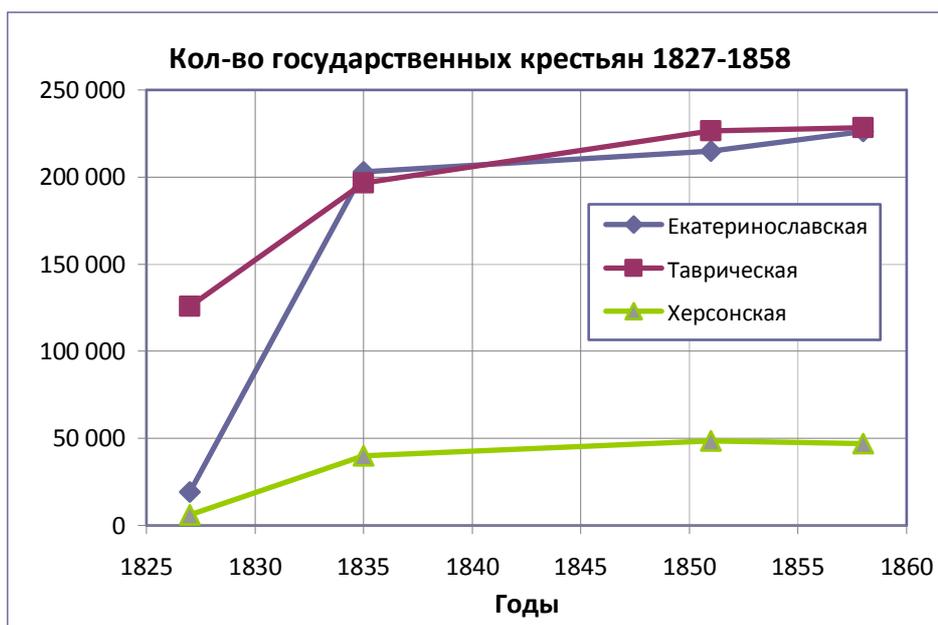

Рис. 2. Численность государственных крестьян в южных губерниях России в 1827-1858 гг.

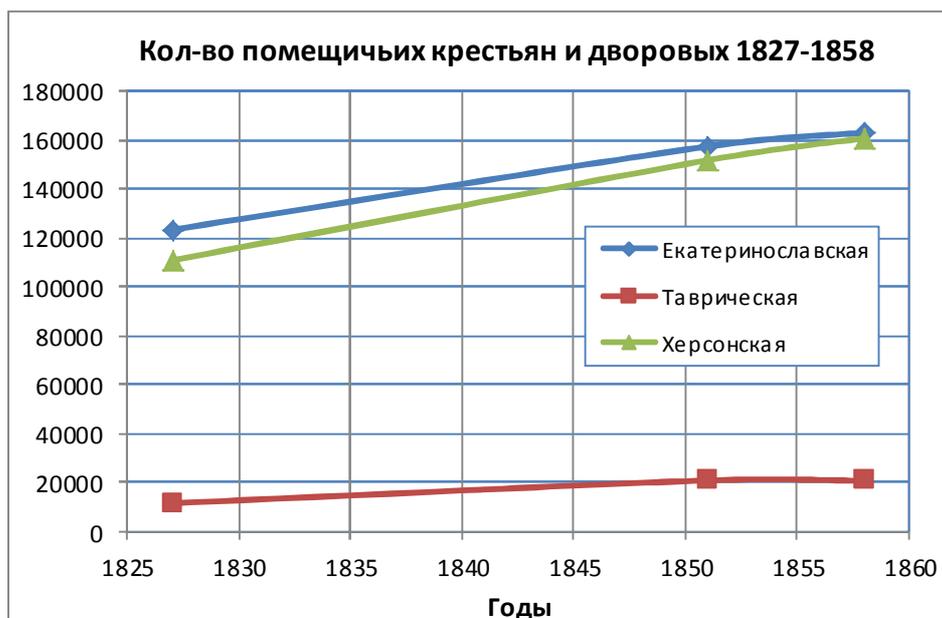

Рис. 3. Численность помещичьих крестьян и дворовых людей в южных губерниях России в 1827-1858 гг.

Наконец, на основании данных, представленных в четырех ревизиях (1827, 1835, 1851 и 1858 гг.), можно установить, какое влияние оказала Крымская война на численность государственных и помещичьих крестьян в южных губерниях России: Екатеринославской, Херсонской и Таврической [6, 11].

Как показано на рис. 2, численность государственных крестьян активно увеличивалась в 1830-х годах, при заселении новых территорий. Затем, к концу 1840-х годов, рост замедлился, а в начале 1850-х прекратился. Война 1853-1856 гг. существенного влияния на количество государственных крестьян не оказала. В 1858 г. в Таврической губернии, которая в наибольшей степени испытала на себе гнёт военных действий, прирост равен 0,8% относительно 1851 г. В Херсонской губернии убыль против прошлой ревизии составила 2,8%, в Екатеринославской губернии число государственных крестьян увеличилось на 5,3%. Разнонаправленно изменилась также численность помещичьих крестьян и дворовых людей (см. рис. 3): в Екатеринославской и Херсонской губерниях она выросла на 3,6% и 5,9% соответственно, в Таврической уменьшилась на 0,4%.

Можно предположить, что сбережению численности сельского населения способствовала политика освобождения его от части рекрутских наборов. Например, как уже отмечалось, Таврическая губерния была освобождена от 11 и 12 наборов 1854 г., а также от общего набора 1855 г. По этим наборам губерния должна была бы поставить 7412 рекрутов (по 30 с тысячи душ).

Примечательно, что освобождение от рекрутской повинности южнорусских губерний, находившихся в 1854-1855 гг. на военном положении, не повлекло за собой необходимости восполнять недопоставку рекрутов в последующие за 1863 г. очередные рекрутские наборы.

Источники и литература.

1. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собр. 1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://runivers.ru/lib/book3130/>.
2. ПСЗРИ. Собр. 2. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://runivers.ru/lib/book3136/>.
3. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. 616 с.
4. Вакулова Л.Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в. Автореферат канд. дисс. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rekrutskie-nabory-v-tambovskoi-gubernii-v-xix-v>.
5. Внутренняя и конвойная стража России 1811-1917 гг. Документы и материалы. М., 2002. 576 с.
6. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825-1860 гг. М., 1981. 214 с.

7. Дьяконов М.В. История проведения рекрутских наборов в России середины XIX столетия. [Электронный ресурс] // 2011. Т.2 № 3 (10). Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/021-012.pdf>.
8. Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в 1831-1874 годах: на материалах Европейского Севера. Автореферат канд. дисс. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rekrutskaya-povinnost-naseleniya-rossii-v-1831-1874-godakh-na-materialakh-evropeiskogo-sever>.
9. Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в XIX столетии в освещении отечественной историографии // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора). СПб., 2008. С. 193-200.
10. История русской армии / Под ред. А.Е. Савинкина [Электронный ресурс] // Российский военный сборник. Вып. 4. Режим доступа: <http://www.rp-net.ru/book/publications/rvs.php>.
11. Кеппен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857. 297 с.
12. Трошина Т.И. Рекрутская повинность в Архангельской губернии // Защитники Отечества: Материалы XXIII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2007. Вып. 10. С. 118-133.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЧЕРНОГО МОРЯ В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КРЕСТЬЯННИКОВ В.В.

Исследователь (г. Севастополь)

После поражения России в русско-японской войне, из-за нехватки средств Военное ведомство стремилось сократить расходы, в том числе и на строительство и содержание крепостей. В 1909-1912 годах было принято решение об упразднении ряда второстепенных крепостей, в том числе – составлявших береговую оборону Черноморского побережья, среди которых – Керченская, Михайловская (Батум) и Очаковская. В 1910 году из Михайловской крепости в Севастополь была перебазирована Михайловская крепостная минная рота и переименована во 2-ю Севастопольскую крепостную минную роту [4]. Но в связи с тем, что Михайловская крепость являлась единственной маневренной базой флота на восточном побережье Черного моря, Морскому ведомству удалось доказать необходимость ее существования, и крепость не была разоружена.

В 1911 году исполняющий должность помощника начальника минного отдела ГУК капитан 1 ранга Н.Н. Шрейбер проверил состояние минного дела на Черноморском флоте, в результате было намечено три района, где требовались постоянные партии траления – Севастополь, Одесса и Керчь, а с началом войны и в Батуме. Приказом командующего флотом 15 декабря 1914 года была создана Батумская рейдовая партия траления [7, с. 64-65].

Предвидя войну с Турцией, командование Черноморского флота, учитывая малочисленность гарнизона крепости, направило в августе летучий авиаотряд [1, с. 19] и сформированные из призванных из запаса офицеров и матросов 1ый и 2ой морские батальоны под командованием капитана 2 ранга В.Д. Чайковского [5]. Не имея возможности послать в Батум боевые суда, командование флота в начале сентября направило в распоряжение коменданта расположенной здесь крепости отряд судов в составе транспорта «Березань» и минного заградителя «Дыхтау» под командованием капитана 2 ранга К.К. Шуберта. «Дыхтау» должен был с началом войны поставить минные заграждения у Батума и Поти [18, с. 118; 14, с. 25-26]. Боевые действия на Черном море начались германо-турецким флотом без объявления войны 16(29) октября 1914 года. Бомбардировке подверглись Одесса, Севастополь, Феодосия. Новороссийск был обстрелян крейсером «Бреслау» и минным крейсером «Берк-И-Сатвет». Артиллерийским огнем были разрушены радиостанция и элеватор, загорелись в порту нефтяные баки и перегонный завод, повреждены портовые сооружения и стационарные постройки, затонуло и повреждено несколько пароходов и парусников [8, с. 147-149]. 19 октября (1 ноября) начальник Штаба Верховного Главнокомандующего сообщил в штаб Кавказской армии (которому подчинялась Михайловская крепость), что приказано Россию считать в состоянии войны с Турцией, перейти границу и начать наступление против турецких войск [13, с. 72].

Кавказская армия на всех направлениях продвинулась вперед, и только на Приморском участке фронта, в районе Хопы, туркам удалось высадить 5 (18) ноября два полка 1го Константинопольского корпуса под командованием германского майора Штанке. При поддержке местного мусульманского населения турецкий отряд отеснил русские части к р. Аджарису-холи и занял пункты Ардануч, Артвин и Борчха и создал серьезную угрозу Батуму [10, с. 307].

В связи с успехами русской Кавказской армии, Турции потребовалась срочная переброска резервов в Трапезунд, откуда шло снабжение турецкой армии. 23 октября (6 ноября) германо-турецкие крейсера «Бреслау» и «Гамидие» отконвоировали в Трапезунд три транспорта с войсками и вооружением. На следующий день «Бреслау» обстрелял Поти, выпустив по городу 81 снаряд [11, с. 63]. 26-27 октября (9 ноября) турецкие крейсера со-

проводили в Трапезунд еще 5 транспортов с войсками. В этот же день командование Кавказской армии сообщило командованию Черноморского флота, что *«для предстоящих операций Кавказской армии важно не допустить возможности для турок получить подкрепление и боевые припасы через ближайший и удобнейший для Эрзерума порт Трапезунд. Поэтому продолжение действий вверенного Вам Черноморского флота на перерез морских снабжений с Самсуном и Трапезундом имеет для Кавказской армии весьма важное значение»* [29]. Однако флот не располагал достаточными силами для одновременной блокады Босфора, портов Восточной Анатолии и перехвата турецких судов на морских сообщениях, так как новые боевые суда, строящиеся в Николаеве, еще не вступили в строй. Из-за нехватки сил командование флота избрало комбинированный метод. 2(15) ноября эскадра в составе 5 линкоров, 2 крейсера, вспомогательного крейсера «Алмаз» и 13 эскадренных миноносцев вышла к берегам Восточной Анатолии и обстреляла Трапезунд. Через три дня, вышедшие из Батума заградители «Ксения» и «Константин», выставили мины у Трапезунда (123), Полатхане (77), Унье (100) и Самсуна (100) [17, с. 57].

Получив сообщение о бомбардировке Трапезунда, германо-турецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» вышли на перехват русской эскадры и 5(18) ноября встретились с ней у мыса Сарыч. Эта разовая операция флота не прекратила подвоза турецких войск на Кавказ. Крейсера «Гебен», «Гамидие», «Берк-И-Сатвет» и «Пейк» сопровождали в Трапезунд и Ризе в этот период еще семь транспортов, после этого обстреляв Батум и Туапсе. Обстрел Батума не стал неожиданностью для гарнизона крепости, так как старшина наблюдательного поста на форту № 2 сигнальный боцманмат Михаил Мадан первым обнаружил появление «Гебена», что дало возможность батареям заблаговременно подготовиться к отражению бомбардировки [26]. К этому времени на батареях Михайловской крепости в Батуме находилось 6 дюймовые пушки Канэ (4), 6 дюймовые пушки в 190 пудов обр. 1876 г. (4), 75 мм морские пушки (2), полевые поршневые пушки (8), 10 дюймовые пушки (4), доставленные по просьбе морского командования в октябре 1914 года, и четыре прожектора [18, с. 223]. Положение крепости и Батумского района оставалось тяжелым. Фронт Приморского отряда проходил на большом участке в гористой труднодоступной местности. В тылу восстало мусульманское население Чорохского края. Приморский отряд в составе 264 пехотного Георгиевского полка, двух морских батальонов, батальона пластунов, нескольких сотен пограничников и срочно переброшенного в этот район в октябре-ноябре 19го Туркестанского стрелкового полка, противостоял переброшенной из Константинополя 3ей пехотной дивизии в составе 8 тыс. солдат и 24 орудий. Для поддержки Приморского отряда «Буг» и «Дыхтау» были вооружены артиллерией, частично взятой в крепости, и с катеров лоцмейстерской службы. В конце октября в Батумский отряд выделен эскадренный миноносец «Жаркий», в ноябре (начале декабря) прибыл эскадренный миноносец «Живой», которые своей артиллерией блокировали район Архаве-Хопа-Макриал [18, с. 128-129]. Батумскому порту пришлось нести большую нагрузку по снабжению Кавказской армии. В январе 1915 года в порту была организована брандвахтенная служба, которую несли пароходы «Лазарев», «Таврида», «Теодор» и моторный катер «Дозор». Из забранных по военно-судовой повинности транспортов составлен отряд, в который вошли пароходы «Цесаревич Алексей Николаевич», «Св. Николай», «Принцесса Евгения Ольденбургская», «Романов», «Ай-Тодор», «Черномор», «Северная звезда», «Трапезунд» и «Принцип» [12, с. 142]. В период с 16 октября 1914 по 29 января 1915 года у Батума и Поти наши минные заградители выставили 226 мин. В декабре 1914 года генерал Елшин был переведен на австро-германский фронт, и начальником Приморского отряда и комендантом Батумской крепости был назначен генерал-майор В.П. Ляхов.

В январе 1915 года Ставка категорически приказала Черноморскому флоту совершенно прекратить подвоз подкреплений и снабжение Анатолийской армии морем, а 17 января поставила задачу флоту на 1915 год, в которых первым пунктом значилось – *«в настоящий момент задача флота заключается в недопустимости высадки крупных сухопутных сил на нашей территории и в районе Юго-Восточной Анатолии»* [13, с. 109]. Вступление в строй в октябре 1914 года четырех быстроходных эскадренных миноносцев типа «Новик» позволило усилить Батумский отряд. Согласно директиве Ставки, в Батум был перебазирован 5 дивизи-

он миноносцев («Завидный», «Заветный», «Звонкий» и «Зоркий»), что позволило высылать на неприятельские коммуникации одновременно до трех миноносцев, район действий которых был расширен до мыса Керос. В конце февраля (начале марта) миноносцы «Жаркий» и «Живой» были выведены из состава Батумского отряда.

В декабре 1914 – январе 1915 года германо-турецкий флот был ослаблен, в связи с чем резко снизилась, из-за отсутствия конвоя, переброска турецких войск на Кавказ морем. 13(26) декабря 1914 года подорвался на минах у входа в Босфор крейсер «Гебен», а 20 декабря (2 января 1915) подорвался на mine и вышел из строя до конца войны крейсер «Берх». Крейсер «Бреслау» в феврале-марте 1915 года находился в ремонте, а 18 июля подорвался на mine при выходе из Босфора и находился в ремонте до февраля 1916 года.

В первой половине января 1915 года Кавказская армия разгромила у Ардагана и Саракамыша IX и X турецкие корпуса, а затем разбила турецкие войска у Караургана и Ени-Кея. В феврале-марте 1915 года, используя общую обстановку на Кавказе, Приморский отряд очистил Чорохский край от турок и восставших аджарцев, устранив опасность для Батума. В этот период турецкие крейсера иногда появлялись в районе наступления Приморского отряда. Так, в первых числах января крейсер «Бреслау» обстрелял кордон у границы, в конце января (6 февраля) 1915 года крейсер начал обстрел Батума, но увидев отряд из четырех миноносцев, сделав по ним 50 выстрелов, ушел в море [11, с.75, 80; 17, с. 70]. Через два дня русские крейсера обстреляли Трапезунд.

На морских сообщениях у побережья Восточной Анатолии летом 1915 года действовали, в основном, миноносцы Батумского отряда. Иногда в этот район выслались поодиночке или группами миноносцы из Севастополя для действий на коммуникациях противника. 12(25) июля 1915 года миноносцы в районе Самсун – Батум потопили 175 турецких парусников с грузом провианта и военных припасов и обстреляли портовые сооружения в Самсуне, Унге и Ризе. С 11 по 16 (24-29) июля четыре миноносца уничтожили возле Самсуна более 150 парусников, с 18 по 21 июля (31 июля-4 августа) три миноносца в районе Самсуна, Чива, Фац, Орду, Вона и Керасунда потопили свыше 120 парусников. 18 июля (1 августа) в районе Хопа и Ризе эскадренные миноносцы «Живой» и «Живучий» отправили на дно 46 парусников, а с 15(28) августа по 20 августа (3 сентября) миноносцы «Лейтенант Пущин», «Завидный», «Заветный» и «Зоркий» уничтожили в районе Керасунда, Вона и на берегу 319 парусников, в ряде пунктов обстреляв мосты и административные здания [15; 30, с. 391].

В июне-сентябре 1915 года в Черное море вошли германские подводные лодки. В сентябре 1915 года Болгария объявила войну странам Антанты и предоставила в Есинограде под Варной базу для германских лодок. Опасения подводной угрозы казались столь серьезными на Черноморском флоте, что эскадренные броненосцы в июне-сентябре выходы к берегам противника прекратили, и только с вводом в строй новых линейных кораблей «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая» и эскадренных миноносцев выходы основных сил флота возобновились.

Во второй половине 1915 года германские подводные лодки совершали, в основном, походы в районы Одессы и Крыма. В восточный район Черного моря в этот период было совершено только два похода – в сентябре и ноябре. Лодки потопили в районе Абуиса, Сочи и Туапсе четыре парусника и два транспорта, и поставили минные заграждения [2, с. 405; 11, с. 174-176]. Учитывая возросшую минную опасность, Батумскую партию траления к августу 1915 года укомплектовали восемью пароходами (1000-2000 т.), полученных от РОПиТ и других обществ [7, с. 68].

9 сентября директивой Ставки была определены задачи Черноморскому флоту – препятствовать подвозу угля и военной контрабанды в Босфорский район и оказывать содействие Кавказской армии, для чего выделить в распоряжение начальника Батумского района соответствующие силы [30, с. 396].

Накануне наступления Кавказской армии на Эрзерум, 17(30) января 1916 года в распоряжение генерала Ляхова для поддержки отряда с моря были отправлены линкор «Ростислав», канонерская лодка «Кубанец», миноносцы «Лейтенант Пущин» и «Живой», присоединившиеся к Батумскому отряду в составе канонерской лодки «Донец» и миноносцев «Строгий» и «Стремительный». Возглавил Батумский отряд капитан 1 ранга М.М. Римский-Корсаков.

23 января (5 февраля) 1916 года при поддержке Батумского отряда судов началось наступление Приморского отряда в районе Архаве-Вице. Для поддержки наступления вдоль побережья и одновременно с целью возможного набега германо-турецких крейсеров, 24 января (6 февраля) в район наступления пришла 2я маневренная группа Черноморского флота и линкоры «Пантелеймон» и «Иоанн Златоуст» поддержали огнем наступающие части. Через пять дней маневренная группа вернулась в Севастополь [17, с. 124].

В ходе Эрзерумской операции турки мобилизовали все возможности флота для срыва наступления Приморского отряда. На быстроходных «Гебене» и «Бреслау» в Трапезунд были доставлены пополнение и грузы. [11, с. 186,188]. Активизировали деятельность германские подводные лодки в восточной части Черного моря. В марте 1916 года в этом районе оперировали подводные лодки U-33 и UB-14. U-33 во время похода 30-31 марта утопила парусник, пароход и госпитальное судно «Португалия» и обстреляла Сухум [2, с. 408; 11, с. 66]. На госпитальном судне погибли уполномоченный Красного Креста граф Татищев, врач, 16 сестер милосердия и 79 санитаров и членов команды.

Эрзерум был взят Кавказской армией 3(16) февраля 1916 года; успешно продвигались вперед и части Приморского отряда, взяв 22 февраля (7 марта) Ризе. Успехам отряда способствовала высадка десантов в тылу неприятеля с мелкосидящих азовских шхун.

28 февраля (13 марта) мичман Плеханов высадился с восемью матросами одного из морских батальонов в тылу турок, взял в плен десять солдат, устроил переправу через р. Колопотамус и этим *«способствовал захвату наступающими частями неприятельских позиций»*. За свой подвиг лейтенант Плеханов был награжден орденом Св. Георгия 4 ст. [22].

Отступающей турецкой армии необходимы были резервы, которые двигались к фронту по горным дорогам. Удобный путь доставки резервов и воинских грузов по морю был ненадежен из-за отсутствия транспортов и надежного конвоя. Крейсеру «Бреслау» удалось прийти в Трапезунд в этот период только два раза. Обстреляв позиции русских войск в заливе Сурмине, 21 марта (3 апреля) крейсер двинулся к Батуму, но встретившись с маневренной группой во главе с линкором «Императрица Мария», ушел в море, пользуясь преимуществом в скорости [19, с. 69].

Но и для успешного наступления Приморского отряда нужны были свежие силы. По приказу Ставки, для усиления отряда были направлены 1ая и 2ая пластунские бригады, снятые с Западного фронта. Посадка батальонов была произведена в Одессе. Далее пластуны на транспортах под охраной гидрокрейсеров и миноносцев шли к Ризе. Мористее конвой прикрывали линкоры «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая» и миноносцы. Накануне высадки в Ризе пришли транспорты «Тревориан» и «Бурдейль» с личным составом двух баз для высадки с плавучими средствами. Сетевой заградитель «Аю-Даг» поставил противолодочные сети, ограждая стоянку транспортов [18, с. 158-159]. Германская подводная лодка пыталась помешать высадке, но была отогнана эскадренными миноносцами и гидросамолетом. 31 марта (13 апреля) для усиления Батумского отряда пришел линкор «Пантелеймон». 1(14) апреля части Приморского отряда заняли Сурмене, а 3(16) апреля турки оставили Трапезунд, главную базу снабжения своей 3ей армии. В ходе боев за Трапезунд флот высадил в период с 4 по 7(17-20) марта в тылу противника три тактических десанта.

Начальником Трапезундского укрепрайона был назначен генерал-майор А.В.Шварц, бывший до этого комендантом Карской крепости, начальником Трапезундского порта стал контр-адмирал В.И.Лукин. После решения задач в порту, он вернулся на должность флагмана 2ой бригады линкоров. Для обороны Трапезунда и его района с моря в Батумский отряд вошли линкоры «Евстафий» и «Иоанн Златоуст». Эскадренные миноносцы продолжали бороться с военной контрабандой в этом районе, только 1(14) апреля эскадренные миноносцы «Пронзительный» и «Беспокойный» уничтожили к западу от Трапезунда 58 парусников [18, с. 130]. Для усиления Приморского отряда по решению Ставки из Мариуполя в Трапезунд флотом в мае 1916 года были переброшены 127, а затем 123 пехотные дивизии. Первая дивизия на тридцати транспортах вышла из Мариуполя 3(16) мая под конвоем двух крейсеров, двух гидрокрейсеров и эскадренных миноносцев. Линкор «Императрица Мария» в сопровождении миноносцев шел мористее конвоя, а линкор

«Императрица Екатерина Великая» держался у Босфора, блокируя возможный выход германо-турецких крейсеров. 6(19) мая была высажена 127 пехотная дивизия, 123 пехотная дивизия была высажена 20 мая (2 июня).

Не имея возможности направлять постоянно в этот район крупные боевые суда, германо-турецкое командование постоянно держало здесь подводные лодки. В конце апреля – конце июля на позициях от Туапсе до Керасунда находились подводные лодки: UB-7 (4 раза), UB-14 (2 раза), U-38 (2 раза), U-33 и UB-8 по одному разу [11, с. 202]. Лодка U-38 была самой результативной, потопив три транспорта, пароход и три парусные шхуны, UB-45 потопила два транспорта, UB-7 – транспорт и пароход. Подводные лодки потопили у Батума 25 июня (9 июля) 1916 года еще одно госпитальное судно – «Вперед» [11, с. 202].

Для борьбы с подводными лодками неприятеля командование Черноморского флота пыталось по примеру англичан использовать суда-ловушки, которые они использовали с марта 1915 года [31, с. 135]. С этой целью были переоборудованы парусно-моторные шхуны «Елизавета Волонтиадиано» и «Евангелистрия» и зачислены в состав средств борьбы с подводными лодками. Первое и единственное столкновение судна-ловушки произошло под Севастополем 19 апреля (2 мая) 1916 года с германской подводной лодкой UB-7. Г. Лорей описывал эту встречу так : *«После длительного преследования выстрелом и сигналом шхуне было предложено остановиться. Когда при дальнейшем преследовании дистанция начала уменьшаться, UB-7 открыла огонь. Шхуна спустила паруса, но мотор ее продолжал работать, в виду чего, подводная лодка продолжала стрелять. С дистанции 20 м (11 кабельтовых) парусник внезапно открыл орудийный и ружейный огонь, так что UB-7 была вынуждена быстро погрузиться. Противолодочное судно-ловушка, здесь впервые наблюдавшееся, работало чрезвычайно удачно»* [11, с. 198]. Однако при переоборудовании, были допущены досадные промахи – судам был придан боевой вид вытянутым рангоутом, а корпус окрашен в шаровый цвет и, поэтому, они легко угадывались впоследствии противником. В дальнейшем суда-ловушки действовали в районе *«турецких вод между Керасундом и Терибли»*, о чем сообщалось приказом по флоту [20], в августе 1917 года обе шхуны были зачислены в состав отряда судов Восточной части Черного моря [21].

Приморский отряд продолжал с боями продвигаться вдоль побережья Анатолии. В июле 1916 года был взят г. Фолу между Трапезундом и Киресуном. Кавказская армия вышла на линию фронта г. Фолу – южнее озера Ван – юго-западнее озера Урмия (в Иране).

В боях 20 июня – 22 июля (4 июля – 8 августа) отличились матросы 1го батальона Черноморского флота, награжденные Георгиевскими крестами и медалями [23]. В июне Приморский отряд был преобразован в 5ый армейский корпус. В это время в Батуме базировалась 2ая бригада линкоров («Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон»), крейсера «Память Меркурия» и «Алмаз» и 5ый дивизион эскадренных миноносцев. Кроме того, в Батуме, Ризе и Трапезунде базировались четыре миноносца, две канонерские лодки, две подводные лодки («Налим» и «Скат»), два отделения тральщиков, отряд сторожевых катеров и два отряда гидросамолетов. В июле 1916 года адмирала А.А. Эбергарда на посту командующего Черноморским флотом сменил вице-адмирал А.В.Колчак, проведший целый ряд операций по минированию пролива Босфор и портов Болгарии и Румынии. В результате, после октября 1916 года германо-турецкие надводные и подводные суда у берегов Восточной Анатолии не появлялись. В сентябре-октябре были усилены группировка морской авиации и береговая оборона. В Ризе, Трапезунде, Батуми, Сухуми и Платане базировались гидросамолеты 9го и 12го авиационных отрядов 2ой бригады Черноморской Воздушной дивизии [17, с. 163; 1, с. 22]. 15 августа у мыса Пицунда три гидросамолета 9го авиаотряда шестью бомбами атаковали подводную лодку U-33, находившуюся в надводном положении. Лодка, после атаки, не исчерпав запаса автономии, возвратилась на базу в Варну [9, с. 86].

В августе-сентябре 1916 года на всех важнейших приморских пунктах были установлены береговые батареи (см. таблицу 1[3; 30, с. 433].):

Таблица 1

Место расположения	Номер	Тип	Калибр
Новороссийск	3	отдельная позиционная батарея Канэ	152 мм.
Туапсе	6	отдельная позиционная батарея Канэ	152 мм.
Хоста	3	прибрежная батарея 6 дюйм. пушек в 190 пуд.	
Сухум	10	отдельная позиционная батарея Канэ	152 мм
Поти	4	прибрежная батарея 6 дюйм. пушек в 190 пуд.	
Ризе		две батареи пушек Канэ	152 мм
Трапезунд		Батарея Кане	152 мм
		Батарея 254 мм. пушек	254 мм

В конце июля – августе 1916 года, в связи со вступлением 12(25) августа Румынии в войну на стороне Антанты и открытием нового фронта, в Севастополь ушли канонерские лодки, линкоры и подводные лодки. В конце года с фронта были сняты 1ый и 2ой морские батальоны и отправлены в Севастополь на укомплектование формируемой Отдельной Черноморской морской дивизии. В середине августа была учреждена должность начальника Отряда судов и портов Восточной части Черного моря, на которую был назначен контр-адмирал князь Н.С. Путятин. В состав отряда входили восемь эскадренных миноносцев, четыре тральщика, транспорты и вспомогательные суда. С 19 декабря 1916 по 13 апреля 1917 года транспортом было перевезено в порты Кавказа и Лизистана около 62 тысяч человек, более 9 тысяч лошадей и голов скота и 145 тысяч тонн грузов [6, с. 390]. В виду стабилизации фронта, усилились разведывательно-диверсионные операции в тылу турецких войск. Десанты отвлекали значительные силы противника для обороны береговых объектов, заставляя держать в каждом прибрежном пункте не менее роты ополченцев и до 100 жандармов, а в наиболее крупных пунктах – целые воинские части. Успехи русской армии на Кавказе вызвали и активизацию борьбы армянского и греческого населения в восточных районах Турции. С 10 июля по 25 августа было высажено восемь партий разведчиков численностью 160 человек [30, с. 434].

В сентябре 1916 года одна из разведывательных партий, возвращаясь из разведки на берег, захватила лодку и пошла на веслах в Трапезунд. В море лодку атаковал турецкий катер, но несмотря на пулеметный и ружейный огонь с катера, разведчики забросали его гранатами и дошли в пункт назначения. Эта группа высаживалась в тылу неприятеля более десяти раз [27]. 11(24) октября группа разведчиков высадилась у р. Терме между турецкими постами, доставила оружие в горы и сформировала из соотечественников отряд в 150 человек 20 октября (2 ноября) отряд подошел к местечку Терме и напал на него. Одновременно с эскадренного миноносца «Капитан Сакен» были высажены еще одна партия разведчиков и десант матросов. Совместным ударом местечко было захвачено и удерживалось сутки. Были уничтожены линии связи, склады и много фелюг с грузом [24]. 2(15) декабря с того же миноносца был высажен десант у с. Бафра, 15(28) января 1917 года эскадренные миноносцы совершили набег на Самсун, где артиллерийским огнем уничтожили большое количество парусных судов.

В задаче, поставленной Ставкой Верховного Главнокомандующего Черноморскому флоту, говорилось: *«прекратить каботажное плавание мелких судов противника вдоль побережья Анатолии периодическими внезапными набегами эскадренных миноносцев на пункты скопления судов (Самсун, Синоп, Эрегли и другие)»*. [13, с. 222]. Эта задача успешно выполнялась до сентября 1917 года, несмотря на революционные события в России. В начале апреля был высажен десант в устье р. Терме, который сжег турецкий наблюдательный пост, сожжены парусные суда, а десять с грузом отведены в Трапезунд. [16] 23 марта (5 апреля) был снова высажен десант в том же районе с миноносца «Завидный», который несмотря на ожесточенное сопротивление противника, уничтожил связь и парусные суда [26]. 13(26) мая разведгруппа, высаженная с миноносца «Стремительный» на мысе Чива, разгромила жандармский пост, уничтожила склад и четыре парусные лодки

[28]. 4(17) мая высаженный десант с подводной лодки «Кашалот» в районе Керемпе-Амастро уничтожил верфи и корпуса строящихся лодок на стапелях [25]. В середине августа (начале сентября) с миноносцев был высажен десант в Орду. Миноносцы обстреляли порт, а десант разрушил казенные здания, взорвал одиннадцать моторных и семь парусных судов [16, с. 121]. Выполняя указание Ставки, в июле с Черноморского флота отправлены несколько сот матросов на укомплектование флотилий на озерах Ван и Урмия.

25 октября (7 ноября) 1917 года произошло два события, которые стали поворотными в жизни государства. В этот день на Дону начался контрреволюционный мятеж генерала А.М. Каледина, а вечером в Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший Советскую власть. В октябре германские подводные лодки вновь появились в районе Туапсе – Анакрия, потопив несколько судов и обстреляв береговую батарею в Туапсе [11, с. 268-269]. Созданный 15 (28) ноября Закавказский комиссариат (правительство Закавказья – Азербайджана, Армении и Грузии), проводивший политику отторжения Закавказья от России, 5(18) декабря подписал соглашение с Турцией о прекращении военных действий, опередив заключение перемирия между Россией и Германией на десять дней. Кавказский фронт развалился, и перед Транспортной флотилией Черноморского флота стала задача – эвакуировать из кавказских портов десятки тысяч солдат, причем в обстановке развала фронта и недоверия к офицерам. В декабре 1917 года в районе Трапезунд – Батум вспыхнула эпидемия чумы, и для борьбы с ней в район эпидемии направлены санитарно-дезинфекционный и эвакуационный отряды во главе с флагманским врачом штаба начальника высадки в Черном море профессором Г.Д. Белановским. 24 февраля 1918 года турецкие войска вошли в Трапезунд. Находившиеся там русские войска, в количестве восьми тысяч человек, еще ожидали отправки на Родину.

Источники и литература.

1. Александров А.О. Победы, потери ... СПб: ИП «Комлекс», 2000. 182 с.
2. Боевая летопись русского флота. М.: Воениздат, 1948. 492 с.
3. Боевое расписание Черноморского флота // Фонды Национального музея героической обороны и освобождения Севастополе (далее – НМГОиОС). А-1131.
4. Военная энциклопедия. СПб, 1914. Т.14.
5. Государственный архив города Севастополя (далее ГАГС). Ф. Р-567, оп.6, картотека – послужной список В.Д.Чайковского.
6. История Первой мировой войны 1914—1918 гг. / под редакцией И. И. Ростунова. М.: Наука, 1975. Т. 2. 608 с.
7. Климовский С.Д. Тральщики Черноморского флота, переоборудованные из торговых судов // Судостроение. Л., 1989. № 9. С. 64-65.
8. Козлов Д.Ю. Странная война на Черном море (август–октябрь 1914 года). М.: Квадрига, 2009. 223 с.
9. Козлов Д.Ю. Топить лодки ... тараном // Морской сборник. 1994. № 8.
10. Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М.: воениздат, 1946. 100 с.
11. Лорей Г. Операции Германо-турецких морских сил в 1914-1918 гг. М., 1934.
12. Лукин В.К. Заметки о боевой деятельности Черноморского флота в период 1914-1918 гг. СПб: Petronius. 276 с.
13. Ляхович А.А. Боевые действия Черноморского флота во время блокады пролива Босфор в первой мировой войне. Диссертация на соискание ученой степени кандидата военно-морских наук. 1951. // Фонды НМГОиОС.
14. Монастырев Н.П. На «Жарком». (Действия эсминца на Черном море в ноябре 1914 года) // Бизертинский морской сборник 1921-1923. Избранные страницы. М: Согласие, 2003 С.25-26.
15. Морской сборник. 1915. № 8. неоф. отд. С.217.
16. Морской сборник. 1917. №5-6. неоф. отд. С.102.
17. Некрасов Г. У врат Царьграда. Боевые действия Черноморского флота в войне 1914-1917 гг. СПб: РИФ Стела, 2002. 256с.
18. Новиков Н.В. Операции на Черном море и совместные действия армии и флота на побережье Лизистана. Л.: В.-Морская академия РККА, 1927. 120 с.
19. Операции на Черном море в Мировую войну в освещении германской официальной морской истории // Морской сборник. 1934. № 10.
20. Приказ Командующего Черноморским флотом №103с от 24.03.1917.
21. Приказ Командующего Черноморским флотом №194с от 5.08.1917.
22. Приказ Командующего Черноморским флотом №2209 от 30.05.1917.
23. Приказ Командующего Черноморским флотом №2705 от 2.06.1917.

24. Приказ Командующего Черноморским флотом №2905 от 10.07.1917.
25. Приказ Командующего Черноморским флотом №3268 от 5.08.1917.
26. Приказ Командующего Черноморским флотом №3597 от 26.08.1917.
27. Приказ Командующего Черноморским флотом №3598 от 26.08.1917.
28. Приказ Командующего Черноморским флотом №4941 от 1.12.1917.
29. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф.609. Оп.3. Д.519. Л.57.
30. Флот в первой мировой войне. М.,1964. Т.1.
31. Читтертон К. Суда-ловушки. М.,1940.

ЗАХОРОНЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ НА СТАРОМ СЕВАСТОПОЛЬСКОМ ГОРОДСКОМ КЛАДБИЩЕ

МАЛИНОВСКАЯ О.И., ЛЯШУК П.М.

Севастопольский городской национально-культурный центр,
Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя

Говоря о захоронениях участников Крымской войны и обороны Севастополя, исследователи, прежде всего, обращаются к мемориальным Михайловскому и Братскому кладбищам на Северной стороне Севастополя. Это не случайно, ведь именно там похоронено подавляющее большинство погибших в дни осады города защитников и мирных жителей. Между тем, не меньший интерес для исследователей представляет старое городское кладбище. Возникшее в первое десятилетие существования города, оно по своему статусу было общественным кладбищем, на котором погребали представителей всех сословий, принадлежавших различным христианским конфессиям (православных, католиков, лютеран и пр.). При очевидной важности, этот памятник истории города никогда не подвергался систематическому исследованию. В 1980-х годах фиксацией эпитафий дореволюционных захоронений занимались члены Клуба любителей истории. В начале 1990-х годов сохранившиеся надгробия обследовали сотрудники Музея героической обороны и освобождения Севастополя, однако, результаты этой работы недоступны широкому кругу исследователей и лишь иногда публикуются в краеведческой литературе.

Первым и, пожалуй, единственным исследователем, опубликовавшим достаточно полно эпитафии городского кладбища и других некрополей Севастополя, многие из которых, к сожалению, не сохранились, был В.И. Чернопятов, издавший в 1910 году справочник «Некрополь Крымского полуострова», а в 1911 году дополнение к нему [26; 27]. Поводом для автора стало приведение в порядок *«данных, собранных из литературы, о смерти в Крыму во время Севастопольской кампании г.г. офицеров, сестер милосердия»* [26, с. 3.]. К сожалению, список эпитафий, собранных Чернопятовым и его помощниками, далеко не полон, ограничен 1908 годом, а их тексты не всегда соответствуют оригиналам и содержат ряд ошибок в датах, написании фамилий, месте погребения. Однако, учитывая, что исследований, посвященных этому кладбищу, до недавнего времени не было, как нет и алфавитного списка захоронений, приходится признать, что работа Чернопятова, несмотря на все свои недостатки, не потеряла актуальности и сегодня.

Между тем, необходимость исследования, описания и последующей публикации материалов некрополей в России стала очевидной еще в начале XX века. К этому времени относится масштабный проект создания «Русского некрополя». В его основу была положена идея великого князя Николая Михайловича - описать надгробные памятники на кладбищах Москвы, Петербурга, а затем и во всех уголках Российской Империи. Обследования провинциальных кладбищ проводились в 1908-1914 годах. В марте 1910 г. были присланы донесения из Таврической епархии, содержавшие и данные о севастопольских кладбищах. В 1916 г. началось занесение сведений на карточки, но опубликованы эти материалы тогда не были [32]. Лишь в 1996 г. увидели свет материалы «Русского Провинциального некрополя», касающиеся южных и западных губерний Российской империи [19].

В последние годы появился ряд публикаций, в той или иной степени затрагивающих захоронения старого севастопольского городского кладбища. Так, В.Г. Шавшин в своих краеведческих изданиях даёт краткую характеристику этого некрополя и приводит ряд фамилий участников Крымской войны и обороны Севастополя, похороненных на нём (в разных его публикациях это число варьируется от 16 до 30 человек) [29, с. 118-120; 30, с. 226-230; 28, с. 294-296]. Несомненно, участников первой обороны, покоящихся здесь, было гораздо больше. Ведь на бастионах сражались не только офицеры, дослужившиеся до

больших званий, но и значительное число обер-офицеров, вышедших в отставку и после Крымской войны проживавших в Севастополе, а также немало нижних чинов, состоявших в гарнизоне Севастополя в дни осады. Именно о таких безвестных защитниках города рассказывают эпитафии вроде этой: *«Здесь покоится прах воина Севастопольской войны Памфила. Родившегося 16 Февраля 1821 г. скончавшегося июня 15 дня 1910 г.»*

Представителям севастопольского купечества, многие из которых продолжали торговать в осажденном городе, обеспечивая войска и мирных жителей всем необходимым, посвящена статья севастопольского историка-архивиста Н.М. Терещук [21, с. 51-53]. Среди них купцы Лушниковы, Долголенко, Базовы, Ветчинкины, Кашины, Кисты, Петропуло, Тацы, Карпенко, Телятниковы. Это – фамилии лишь тех, чьи захоронения, иногда семейные, сохранились на кладбище. Известно, что ряд купцов за участие в обороне Севастополя был отмечен наградами.

Одной из первых Н.М. Терещук обратилась к такому важному источнику, как метрические книги севастопольских церквей, хранящиеся в фондах Государственного архива г. Севастополя. Несмотря на отсутствие метрических книг за отдельные годы, ей удалось выявить ряд имен участников обороны, похороненных на городском кладбище в годы Крымской войны [22, с. 43-52].

В 2002-2004 гг. журнал «Новый часовой» опубликовал две статьи севастопольца А.Е. Осташевского, посвященных обзору дореволюционных захоронений военнослужащих на старом городском кладбище [16, с. 399-404; 17, с. 331-334]. Автор привел 63 фамилии, в том числе участников Крымской войны. К сожалению, материалы некрополя оказались представлены весьма небрежно, тексты эпитафий содержали большое количество ошибок. Радовало лишь то, что наконец-то обратились к теме этого некрополя, незаслуженно обойденного вниманием исследователей. В рецензии на публикации А. Осташевского О.И. Малиновская исправила ряд ошибок и привела неадаптированные эпитафии на памятниках, среди которых были надгробия участников Крымской войны и членов их семей [11, с. 409-418].

Краткие упоминания о захоронениях на старом городском кладбище содержатся в биографических статьях участников обороны Севастополя [6; 31].

Об отдельных захоронениях на севастопольском городском кладбище упоминается в исследовании сотрудника Музея героической обороны и освобождения Севастополя П.М. Ляшука, посвященном дворянам Таврической губернии – участникам обороны Севастополя 1854-1855 гг. [5].

Сведения о севастопольцах, похороненных на городском кладбище, содержатся и в книгах Е.И. Чверткина «Кое-что про Севастополь» и недавно изданных томах «Незабывтый Севастополь» [23-25]. Автор широко использовал материалы дореволюционных периодических изданий, тексты некрологов, публиковавшихся в газетах «Севастопольский справочный листок», «Крымский вестник» и др. Он не только приводит даты смерти отдельных персоналий, но иногда дает описание надгробных памятников на старом севастопольском городском кладбище (памятник на могиле Н.К. Вейса) [25, с. 199]. И хотя недостатком работ Е.И. Чверткина является отсутствие ссылок на источники, они, тем не менее, служат хорошим подспорьем в работе исследователей.

Полезную информацию о захоронениях на городском кладбище содержат подчас мемуары, хотя круг их достаточно узок. Интерес представляют воспоминания Александры Спиридоновны Бальзам – дочери участника обороны Севастополя капитана 2 ранга С.Д. Бальзама. Выражаем благодарность Л.А. Ротгольцу – потомку С.Д. Бальзама, за возможность ознакомиться с текстом воспоминаний, подлинник которых хранится в фондах Российской государственной библиотеки.

Фиксация эпитафий на сохранившихся памятниках старого городского кладбища, начатая севастопольскими краеведами еще в конце 80-х годов XX века, была продолжена в 2007 году. По результатам полевых исследований и работы с архивными документами из фондов Государственного Архива в Автономной Республике Крым (ГААРК) и Государственного Архива города Севастополя (ГАГС) в 2009-2011 гг. был опубликован ряд статей, посвященных истории старого севастопольского кладбища и отдельным персоналиям, похороненным на нём [7-10; 12; 13].

Завершая краткий обзор библиографии, следует отметить, что с распадом Советского Союза разрушилось единое научное пространство. Новые границы, экономические трудности, малые тиражи изданий и другие факторы привели к тому, что публикации местных историков практически неизвестны за пределами Севастополя и Крыма. Вероятно, поэтому в обширном своде источников по некрополистике, опубликованном В.Н. Рыхляковым, нет последних работ по этой тематике [20].

Севастопольское городское кладбище – одно из старейших в городе, расположено в Кладбищенской балке между горой Рудольфа и Карантинной бухтой, и отделено от Загородной балки Кладбищенской высотой. Занимаемая им ныне площадь составляет 20,51 гектара.

Захоронения участников Крымской войны на этом кладбище появились почти сразу после начала военных действий. В бою пароходо-фрегата «Владимир» с турецким пароходом «Перваз-Бахри» 5 ноября 1853 г. был убит лейтенант Г.И. Железнов. Памятник ему сохранился до наших дней на центральной аллее кладбища. После Синопского боя 18 ноября 1853 г. на городском кладбище был погребен боцман 33 флотского экипажа Виктор Денисович Васюков (1809?-01.12.1853), скончавшийся в возрасте 44-х лет в севастопольском морском госпитале «от ушиба на брани» [2, л. 81 об.-82.]. В июне 1854 г. на городском кладбище появились могилы боцманмата 38 флотского экипажа Емельяна Ивановича Величко (1820?-21.06.1854) и мичмана Аполлона Дмитриевича Скарятин (1832-22.06.1854), скончавшихся в морском госпитале от ран, полученных в бою с французскими пароходами. Всего же при обследовании городского кладбища удалось обнаружить лишь 7 захоронений, относящихся к периоду Крымской войны. Из них 5 принадлежат мирным жителям города.

Кладбище действовало, по крайней мере, до 13 сентября 1854 г., когда город был объявлен на осадном положении. Это подтверждается записями в метрической книге Петропавловской церкви за сентябрь 1854 года, последняя из которых относится к 5 сентября. Скончавшиеся же 5 октября отставной унтер-офицер 13 ластового экипажа Аким Иванович Мироненко и сын Николаевского мещанина И.П. Цуконова младенец Леонид были похоронены 8 октября уже «*близ армейской церкви внутри города*», располагавшейся на современной пл. Восставших [9, с. 113]. Начиная с 11 октября 1854 г. метрическая книга севастопольской Петропавловской церкви фиксирует только захоронения на «*кладбище убитых*» на Северной стороне города [1, л. 70 об.-71.].

В то же время, в метрической книге адмиралтейского Николаевского собора за 1854 г. вплоть до декабря местом захоронения указывалось городское кладбище. Среди этих метрических записей есть упоминания активных участников обороны и безвинных жертв войны. И хотя у всех местом погребения записано городское кладбище, думается, это не соответствует действительности. Скорее всего, они были погребены на кладбищах Северной стороны.

После окончания Крымской войны захоронения на городском кладбище возобновились не сразу. Лишь в 1858 году большинство из них стало вновь совершаться на «*общем городском кладбище*», а не «*на Северном кладбище убитых*».

Несмотря на существование мемориального Братского кладбища, участников Крымской войны и обороны Севастополя на городском кладбище хоронили вплоть до начала XX века. Причин тому много. По свидетельству современников, сразу после войны Братское кладбище на Северной стороне представляло печальное зрелище [18, с. 31]. Оно было обустроено, получив статус мемориального, к 1870 году, поэтому, умерших в 1850-1960-е годы ветеранов, живших в городе, погребали на городских кладбищах. Например, на городском общественном кладбище был похоронен участник обороны Севастополя генерал-лейтенант флота в отставке Захарий Андреевич Аркас, скончавшийся 21 марта 1866 года [3; л. 161об.-162].

Особый статус Братского кладбища требовал для захоронения на нём санкции императора, погребение рядом родственников не допускалось. Однако многие предпочитали следовать сложившейся традиции семейных захоронений. Так, рядом с рано умершим от чохотки сыном – инженером путей сообщения Н.И. Савельевым, был похоронен на город-

ском кладбище скончавшийся 17 февраля 1888 г. контр-адмирал в отставке Иван Илларионович Савельев, участник Синопского боя, сражавшийся в дни осады на бастионе № 3.

Известны случаи, когда умерших в других городах участников обороны Севастополя погребали на городском кладбище согласно завещанию. Например, 7 января 1889 г. здесь, рядом с могилой отца Д.И. Скарятин и брата Апполона, по завещанию был похоронен участник Альминского сражения, командир Селенгинского редута капитан 2 ранга в отставке Н.Д. Скарятин, скончавшийся в Москве проездом из Петербурга в Севастополь [4, с. 2; 14, с. 1; 15, с. 1]. Памятник на его могиле не сохранился.

При обследовании кладбища было обнаружено разрушенное надгробие ещё одного участника обороны – корпуса инженер-механиков флота штабс-капитана в отставке Василия Андреевича Даценко. Начав службу юнгой в 12 лет, он вместе с отцом был в Синопском сражении на фрегате «Кагул». Состоял в гарнизоне Севастополя с 13 сентября 1854 г., находясь вместе с отцом на 4-м бастионе, где 23 августа 1855 г. его ранило при разрыве бомбы. Выйдя в отставку, он в течение ряда лет являлся городским головой Николаева, был избран почетным гражданином этого города. По завещанию похоронен 8 января 1901 г. в склепе на севастопольском городском кладбище рядом с могилой отца – отставного комиссара Андрея Наумовича Даценко. На памятнике выбиты слова В.А. Даценко: *«Энергия и материя неуничтожаемы, т.е. вечны. След. душа будет – ли энергией или Материей, также неуничтожаема, т.е. бессмертна»*. Но современные вандалы совместно с сотрудниками кладбища доказали, что ничего вечного нет. К 2007 г. надгробие было разрушено, тем не менее, его можно было восстановить. Однако костёр из срезанных деревьев, разведенный прямо на памятнике, привёл к полному растрескиванию гранитного обелиска. К юбилею Синопского сражения, который будет отмечаться в 2013 году, следы захоронения одного из его участников могут исчезнуть окончательно.

В настоящее время старое городское кладбище находится в весьма запущенном состоянии. Для него не прошли бесследно разорение периода гражданской войны, утилизация «стратегических материалов» начала 1930-х годов. Именно к этому времени относится уничтожение наиболее ценных в художественном отношении надгробных памятников. По свидетельству очевидцев, кладбище незначительно пострадало в годы Великой Отечественной войны. Большой урон нанесли ему вандалы и грабители. Расхищение и разрушение памятников усилилось после официального закрытия кладбища в 1969 году. Это касается как дореволюционных захоронений, так и надгробий советского периода. При этом само кладбище официально памятником истории не является. На учет взяты лишь отдельные захоронения.

Основным источником сведений об участниках Крымской войны, похороненных на старом городском кладбище, были метрические книги севастопольских церквей из фондов ГААРК и ГАГС. Большим недостатком является то, что метрические книги Адмиралтейского Николаевского собора имеются только до 1860 г. (в ГАГС) и 1862 г. (в ГААРК). К сожалению, работа не была окончена, поскольку в ГАГС доступ к делам Фонда № 30 «Коллекция метрических книг церквей Севастопольского благочиния» (1878-1919 гг.) (153 ед. хран.) в 2010 г. был закрыт для исследователей. Для поиска сведений о персоналиях использовались послужные (формулярные) списки, списки по старшинству чинов армии и флота, Адрес-календари с росписью чиновных особ, некрологи участников обороны Севастополя, публиковавшиеся в городских газетах и других периодических изданиях.

Общее число похороненных на кладбище участников Крымской войны назвать сложно. В настоящее время выявлено около 200 человек, из них представители морского ведомства составляют большинство (75 – штаб и обер-офицеры, 9 – нижние чины). Такая диспропорция объясняется спецификой Севастополя как базы Черноморского флота, а также невозможностью в настоящее время проверить участие в Крымской войне большинства выявленных нижних чинов. Среди других категорий участников Крымской войны – армейские офицеры и нижние чины (15); гражданские чины (23); купцы (28); сестры милосердия (2). На данный момент на территории некрополя обнаружено 27 памятников разной степени сохранности, принадлежащих участникам Крымской войны и обороны Севастополя.

Для настоящей публикации были отобраны похороненные на старом городском кладбище офицерские чины морского ведомства, участвовавшие в Крымской войне и обороне Севастополя 1854-1855 гг. Из 75 человек – 4 вице-адмирала, 8 контр-адмиралов, 2 генерал-лейтенанта и 7 генерал-майоров флота. За участие в обороне двое стали кавалерами ордена Св. Георгия 4 ст., пять человек были награждены знаком отличия Военного ордена, 12 офицеров стали кавалерами орд. св. Владимира 4-й ст., 17 – ордена Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», 13 – кавалерами орд. св. Станислава (3-й и 2-й степеней). Четверым было вручено Золотое оружие с надписью «За храбрость». Основанием для внесения в список участников обороны Севастополя являлось награждение медалью «За защиту Севастополя» (1855 г.). Все упомянутые в списке участники были награждены медалью «В память Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг.» (в Приложении не указывается). Настоящий список будет пополняться по мере получения новых сведений о персоналиях.

В дальнейшем планируется посвятить отдельные работы и другим категориям участников Крымской войны, покоящимся на старом городском севастопольском кладбище.

Надеемся, что настоящая публикация позволит привлечь внимание исследователей и общественности к этому некрополю и будет интересна всем, кто занимается изучением истории Черноморского флота, Крымской войны, а также генеалогией российского дворянства.

Источники и литература.

1. ГААРК. Ф. 142. Оп. 5. Д. 117. Л. 70 об.-71.
2. ГАГС. Ф. 23. Оп.1. Д. 63. Л. 81 об.-82.
3. ГАГС. Ф. 33. Оп. 1. Д. 5. Л. 161 об.-162.
4. Васильев С. Последние «Севастопольцы» (Н.Д. Скарятин) // Крымский вестник. 1889, 1 апреля, № 72. С. 2.
5. Ляшук П.И. Потомственные дворяне Таврической губернии на бастионах Севастополя 1854-1855 гг. // Крымская война в лицах. Симферополь, 2009. С. 56-219.
6. Малиновская Е.С. Захарий Аркас: штрихи к биографии // Язык и личность в поликультурном пространстве. Севастополь, 2011. Вып. 1. С. 500-510.
7. Малиновская О.И. Англичанин Томас Мессер на службе России // XI Таврические научные чтения, г. Симферополь, 28 мая 2010 г. Сборник научных статей. Симферополь, 2011. С. 191-200.
8. Малиновская О.И. Захоронения врачей Севастопольского морского госпиталя на старом севастопольском городском кладбище // Вестник морского врача. 2008. № 5. С. 74-77.
9. Малиновская О.И. Из истории первых севастопольских кладбищ // XII Таврические научные чтения, г. Симферополь, 27 мая 2011 г. Сборник научных статей. Симферополь, 2012. С. 101-114.
10. Малиновская О.И. Культовые сооружения старого севастопольского городского кладбища // Человек в мире религиозных представлений // Тезисы докладов и сообщений XIV Международной конференции по истории религии и религиоведению (Севастополь 27-31.05.2012). Севастополь, 2012. С. 39-40.
11. Малиновская О.И. Отклик на публикации А.Е. Осташевского // Новый часовой. 2010. № 19-20. С. 409-418.
12. Малиновская О.И. Севастопольское городское кладбище – памятник истории Севастополя // XIII Таврические научные чтения, г. Симферополь, 25 мая 2012 г. Сборник научных статей. Симферополь, 2013. С. 180-199.
13. Малиновская О.И. Сотрудники Севастопольского морского госпиталя – новые имена // Вестник морского врача. 2010. № 10. С. 88-95.
14. Некролог Н.Д. Скарятин // Крымский вестник. 1889, 1 января, № 1. С. 1.
15. Некролог // Крымский вестник. 1889, 5 января, № 4. С. 1.
16. Осташевский А.Е. Севастопольское кладбище на улице Пожарова. Захоронения военных // Новый часовой. 2002. № 13-14. С. 399-404.
17. Осташевский А.Е. Севастопольское кладбище на улице Пожарова. Дополнения и исправления // Новый часовой. 2006. № 17-18. С. 331-334.
18. Пономарёв С.И. Всероссийская усыпальница (Церковь святителя Николая и кладбище севастопольских героев). К., 1869. 32 с.
19. Река времен. Книга истории и культуры. Книга 4. Русский Провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М.: Река времен, 1996. 416 с.
20. Рыхляков В.Н. Избранная библиография отечественной некрополистики. Справочник генеалога. / Под ред. А.А. Бовкало. СПб., 2003. Том 2. Вып. 1. 51 с.
21. Терещук Н.М. Документальные источники по истории севастопольского купечества периода Крымской (Восточной) войны 1853-1856 // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006. С.51-53.
22. Терещук Н.М. Цифры, факты, события Крымской войны в метрических книгах Государственного архива г. Севастополя // Оборона Севастополя 1854-1855 гг. – главное событие Крымской войны 1853-1856 гг.; Балаклава в Крымской войне 1853-1856 гг.: Материалы междунар. науч.-ист. конф., 16-17 сент. 2004, Севастополь, 15 сент. 2004, Балаклава. Севастополь, 2006. С. 43-52.

23. Чверткин Е.И. Кое-что про Севастополь. В 14 книгах. Хайфа, 1999-2002.
24. Чверткин Е.И. Незабытый Севастополь. Севастополь, 2010. Ч. 1. Изд. 2-е, доп. 336 с.
25. Чверткин Е.И. Незабытый Севастополь. Севастополь, 2008. Ч. 2. 352 с.
26. Чернопятов В. И. Некрополь Крымского полуострова. М., 1910. Отдельный оттиск из «Записок Московского археологического института». Т. 11. 314 с., VIII с.
27. Чернопятов В.И. Некрополь Крымского полуострова. Дополнение к XI тому «Записок Московского археологического института». М., 1913. Отдельный оттиск из «Записок Московского археологического института». Т. 32. 98 с.
28. Шавшин В.Г. Имя дома твоего. Книга II. Киев-Севастополь, 2012. 384 с.
29. Шавшин В.Г. Каменная летопись Севастополя. Севастополь-Киев, 2003. 319 с.
30. Шавшин В.Г. Севастополь в истории Крымской войны. Севастополь-Киев, 2004. 304 с.
31. Шевченко С.М., Ляшук П.М. Род Горенко в Севастополе: новые данные к родословной Анна Ахматовой // Севастополь: взгляд в прошлое: Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 302-306.
32. Шилов Д.Н. «Русский некрополь» Великого князя Николая Михайловича: История создания, неопубликованные материалы и проблемы их изучения и издания: автореферат диссертации на соискание ученой степени. РАН, С.-Петерб. ин-т истории. СПб., 2004. 22 с.

**УЧАСТНИКИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ И ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ,
ПОХОРОНЕННЫЕ НА СТАРОМ СЕВАСТОПОЛЬСКОМ ГОРОДСКОМ КЛАДБИЩЕ
(ШТАБ И ОБЕР-ОФИЦЕРЫ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА)**

Первое звание дано на начало Крымской войны; приведены награды только за отличие в Крымской войне и обороне Севастополя.

Список сокращений:

губ. – губерния

КИМ – Корпус инженер-механиков; **КИМСЧ** – Корпус инженеров морской строительной части; **ККИ** – Корпус корабельных инженеров; **КМА** – Корпус морской артиллерии; **КФШ** – Корпус флотских штурманов

орд. – орден

отс. – отставка

п/х – пароход

р. – ранга

св. – святой

ст. – степени

фл. – флотский

эк. – экипаж

* – памятник сохранился.

1. **Аркас Захар Андреевич** (10.01.1793–21.03.1866). Генерал-майор; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по февраль 1855; генерал-лейтенант флота в отс. (1860).
2. **Бальзам Спиридон Дмитриевич** (1821, Таврическая губ.–27.05.1867).* Лейтенант (1846) по флоту, ассессор комиссии военного суда при Севастопольском порте; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 29.12.1854; по случаю тяжёлой болезни отослан в Николаев; капитан 2-го р. (1864).
3. **Барановский Петр Иванович** (1809, Могилевская губ.–05.12.1886).* Капитан 2-го р. (1851) 40-го фл. эк; командир линейного корабля «Императрица Мария» в Синопском сражении, ранен и контужен, капитан 1-го р. (1853); в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 01.04.1855; командир батареи на Северной стороне; орд. св. Станислава 2-й ст. с мечами (1855); вице-адмирал в отс. (1885).
4. **Бертье-Делагард Константин Александрович** (1814, Севастополь–05.04.1886). Капитан (1851) 2-й половины 4-го ластового эк.; в 1854–1855 в составе Дунайской флотилии; орд. св. Анны 3-й ст. с бантом (1855); в гарнизоне Севастополя с 14 по 27.08.1855; в конце обороны заведовал плавучим мостом через Севастопольскую бухту; контр-адмирал в отс. (1873).
5. **Бертье-Делагард Лев (Людвиг) Александрович** (1810?–18.11.1883). В 1853 командуя фрегатом «Сизополь» участвовал при бомбардировании поста Св. Николая, занятого турками. В 1854 командовал тем же фрегатом на севастопольским рейде; 01.09.1854 переведен в 35 ФЭ с назначением в Николаев; орд. св. Анны 3 ст. с бантом (1854); контр-адмирал в отс. (1865).
6. **Вейс Николай Карлович** (18.01.1820–18.12.1894). Лейтенант (1845), в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 13.04.1855; капитан-лейтенант (1854) 41-го фл. эк.; орд. св. Владимира 4-й ст. с бантом (1854), св. Станислава 2-й ст. (1856); вице-адмирал в отс. (1885).
7. **Вишневецкий Федор Онуфриевич** (11.11.1796–01.09.1870)*. Подполковник (1841), командир отдельной Севастопольской карантинной роты; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 28 августа 1855; в марте 1855 сопровождал транспорт с ранеными в Николаев; полковник Корпуса карантинной стражи в отс. (1868).
8. **Горенко Антон Андреевич** (07.08.1818, Николаев–26.04.1891).* Подпоручик (1851) 2-й половины 4-го ластового эк.; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 17.06.1855 на приморской Николаевской батарее начальником 1-го отделения среднего этажа; орд.

- св. Анны 3-й ст. с бантом (1855); полковник по адмиралтейству в отс. (1887); дед выдающегося русского поэта А.А. Ахматовой.
9. **Грамматиков Николай Иванович** (1808?–02.04.1859). Капитан-лейтенант (1847), ассессор комиссии военного суда в Севастополе; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 27.08.1855; орд. св. Станислава 3-й ст. с мечами (1856); подполковник по адмиралтейству (1856).
 10. **Грачёв Филипп Яковлевич** (1818?–30.12.1903). Кондуктор КМА, прапорщик (28.05.1855) по арсенальным ротам; орд. св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1856); подпоручик по арсенальным ротам в отс.
 11. **Григорьев Иван Петрович** (26.09.1818–28.10.1904). Прапорщик (1850) ККИ, в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; заведовал инженерным депо; подпоручик (1855); орд. св. Анны 4-й ст. «За храбрость» (1855), св. Анны 3-й ст. с мечами (1856); полковник в отставке (1887).
 12. **Гудима Павел Степанович** (1804?–23.08.1870).* Майор (1851) по адмиралтейству, командир портовой № 28 роты; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855, командовал правым фасом батареи на 4-м бастионе; дважды контужен; подполковник за отличие (06.12.1854); начальник портовых рот в Севастополе (1855); орд. св. Анны 3 ст. с бантом (1854); полковник по ластовым эк. в отс. (1859).
 13. **Даценко Василий Андреевич** (1841–02.01.1901, Николаев).* Юнга Черноморского флота, в Синопском бою был при своём отце на фрегате «Кагул»; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 23.08.1855, находился вместе с отцом на 4-м бастионе; 23.08.1855 ранен; штабс-капитан КИМ в отс.
 14. **Дергачев Василий Иванович** (1814–12.02.1876).* Майор (1852) по адмиралтейству, член Кораблестроительного учетного комитета в Севастополе; был причислен к 18-му рабочего эк.; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; подполковник отс. (1859).
 15. **Дефабр Иосиф Антонович** (1794?–08.01.1861). Полковник КМА (1850); старший артиллерийский офицер эскадры в Синопском сражении, 04.10.1854 назначен на Дунайскую флотилию старшим артиллерийским офицером; орд. св. Анны 2-й ст. с Императорской короной (1853), в сентябре 1854 в гарнизоне Севастополя, с октября 1854 старший артиллерийский офицер на Дунайской флотилии; генерал-майор КМА в отс. (1859).
 16. **Диммерт Николай Степанович** (?–09.07.1886). Подпоручик КИМСЧ Севастопольской инженерной команды; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; поручик (1855); генерал-майор в отс. (1879).
 17. **Добровольский Родион Филиппович** (1827?–25.05.1876). Кондуктор КМА в Синопском сражении; прапорщик (1853) КМА; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855, контужен; подпоручик (1855); знак отличия Военного орд. св. Георгия (1853), орд. св. Анны 3 ст. с бантом (1855), св. Анны 4 ст. «За храбрость» (1855), св. Станислава 3 ст. с мечами (1856); поручик в отс. (1860).
 18. **Железнов Григорий Иванович** (?–05.11.1853).* Лейтенант; убит на пароходо-фрегате «Владимир» во время боя с турецким пароходом «Первас Бахри».
 19. **Закревский Павел Алексеевич** (1801?–13.02.1859).* Майор (1854), командир портовой № 29 роты; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855, ранен на 4-м бастионе; орд. св. Владимира 4-й ст. с бантом (1855), св. Анны 2-й ст. (1855); подполковник по ластовым эк. в отс. (1859).
 20. **Злобин Иван Ильич** (1814–08.05.1881).* Прапорщик (1840) ККИ; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; 06.07.1855 ранен на 2-м бастионе; награждён мечами на орден св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость» (09.04.1856); поручик в отс. (1863).
 21. **Иванов Георгий Никитич** (26.11.1816–26.02.1897). Прапорщик (1846) КФШ; в Синопском сражении на линейном корабле «Ростислав»; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; 21.10.1854 контужен в голову; подпоручик (1855); орд. св. Анны 4-й ст. «За храбрость» (1853), орд. св. Станислава 3-й ст. с мечами (1856); подполковник КФШ в отс.

22. **Иванов Петр Сергеевич** (1828?–23.03.1860). Кондуктор КМА, в гарнизоне Севастополя в 1854–1855 на 3-м бастионе, пять раз ранен и контужен; знак отличия Военного ордена св. Георгия (1854); прапорщик (04.05.1855) КМА.
23. **Ивков Авенир Алексеевич** (23.12.1816, Смоленская губ.–17.03.1889).* Лейтенант (1841) 33-го фл.; в гарнизоне Севастополя с 13 сентября 1854 по середину мая 1855; принял в командование 3-й бастион после шести убитых и раненых командиров; тяжело контужен; с 19.10.1854 находился на излечении, в середине мая 1855 вернулся в Севастополь, но вскоре был отправлен для лечения в Николаев; капитан-лейтенант (1854); орд. св. Владимира 4-й ст. с бантом (1854), св. Георгия 4-й ст. (06.12.1854); вице-адмирал в отс. (1883).
24. **Калтаев Дмитрий Кузьмич** (1808–28.07.1880). Прапорщик (1853) по арсенальным ротам КМА; и. о. оружейного мастера в Севастополе; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; подпоручик (1856); поручик в отс. (1860).
25. **Кардашевич Владимир Васильевич** (1831?–21.04.1887). Прапорщик КФШ (04.05.1855); медаль «За защиту Севастополя» (1855); подпоручик КФШ в отс.
26. **Катаев Василий Фролович** (1816?–17.12.1897). Подпоручик 17-го рабочего эк., в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; поручик (1855); орд. св. Анны 3 ст. (1855), св. Станислава 3-й ст. с мечами (1856); майор по адмиралтейству в отс. (1872).
27. **Кемпфе Федор Карлович** (1830?–12.04.1883).* Кондуктор КФШ; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; прапорщик (1855); штабс-капитан КИМ в отс. (1872).
28. **Ключников Александр Андреевич** (1800, Херсонская губ.–03.01.1865).* Капитан 1-го р. (1852), капитан над Севастопольским портом (1852); в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; золотая сабля «За храбрость» (1855); контр-адмирал (1858).
29. **Кондараки Аристид Евстафиевич** (1830, Симферополь–21.02.1876). Кондуктор (1853) КФШ, в гарнизоне Севастополя в 1854–1855 на Малаховом кургане и Волыньском редуте, производил доставку и замену поврежденных орудий; знак отличия Военного ордена св. Георгия (1854); прапорщик (1855); подпоручик в отс. (1863).
30. **Коновалов Максим Ильич** (1804–30.09.1869). Штабс-капитан (1853) 17-го рабочего эк.; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 27.08.1855; контужен; орд. св. Анны 3-й ст. с бантом (1855); майор по ластовым эк. в отс. (1861).
31. **Корольков Николай Иванович** (12.04.1832–27.05.1902).* Кондуктор КФШ; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; прапорщик (старшинство с 06.06.1855); подполковник в отс. (1894).
32. **Костомаров Павел Иванович** (13.01.1831, Орловская губ.–22.05.1881).* Мичман (1851) 29-го фл. эк.; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 27.08.1855; орд. св. Анны 4 ст. «за храбрость», св. Анны 3-й ст. с мечами (1855), св. Станислава 3-й ст. с мечами (1856); капитан 1-го р. (1881).
33. **Кузин Павел Григорьевич** (1826–02.03.1902). Кондуктор КМА в Синопском сражении; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; прапорщик (06.07.1855), знак отличия Военного ордена (1853); орд. св. Анны 4-й ст. «За храбрость» (1856), поручик в отс.
34. **Ловягин Александр Николаевич** (01.11.1838–20.10.1901). В гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 28.08.1855; в службе с 1856; мичман (1859); генерал-майор по адмиралтейству в отс.
35. **Луговской Иван Павлович** (1812–02.03.1894).* Капитан (1852) КМА; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 27.08.1855 на приморской батарее № 8 и 7-м бастионе; контужен; орд. св. Анны 3-й ст. с бантом (1855), св. Владимира 4-й ст. с бантом; генерал-майор КМА в отс. (1871).
36. **Львов Егор (Георгий) Герасимович** (1818?–10.06.1880). Прапорщик (1854) арсенальной № 7 роты КМА; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; ранен и контужен на 2-м отделении; подпоручик (1855), поручик (1855); орд. св. Анны 4-й ст. «За храбрость» (1855), св. Станислава 3-й ст. с мечами (1856); орд. св. Владимира 4-й ст. с бантом (1855), св. Анны 3-й ст. с бантом (1855); подполковник арсенальных рот КМА в отс. (1860).

37. **Марков Николай Никандрович** (1804?–02.07.1871). Капитан (1850) КМА; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; орд. св. Владимира 4-й ст. с бантом (1855), св. Анны 3-й ст. с бантом (1855); подполковник в отс. (1860).
38. **Мартыно (Мартино) Петр Эммануилович** (1818?–13.10.1884). Лейтенант (1843); в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 27.08.1855; капитан-лейтенант (1856); капитан 2-го р. в отс. (25.01.1860).
39. **Мессер Александр Павлович** (16.01.1832–28.11.1908).* Мичман (30.03.1852); в 1854 был при защите крепости Свеаборг от нападения англо-французского флота, в 1855 – при защите Кронштадта в отряде гребной флотилии; контр-адмирал в отс. (25.01.1887).
40. **Моргунов Григорий Михайлович** (1794–16.06.1872). Шкипер 33 фл. эк.; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; капитан по адмиралтейству (1855); орд. Св. Стан. 3 ст. с мечами (1856), майор по ластовым эк. в отс. (1859).
41. **Морозов Семен Яковлевич** (1836, Таврическая губ.–02.08.1904). Юнкер Школы флотских юнкеров (1854); в гарнизоне Севастополя с 13.09 по 12.10.1854; мичман (1855) 39-го фл. эк.; повторно в гарнизоне с 12.07 по 27.08.1855; капитан 1-го р. в отс. (1886).
42. **Морозов Яков Андреевич** (1806?–10.04.1868). Подполковник (1853) КМА; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 19.07.1855; командовал приморской Николаевской батареей (с 04.01.1854), находился на 4-м и 3-и отделениях; ранен на 3-м бастионе (19.07.1855); орд. св. Владимира 4-й ст. с бантом (06.12.1854); полковник (1857) КМА.
43. **Моффет Вениамин Гамельтонович** (? – после 1883).* Лейтенант (14.04.1840); в 1853–1855 командовал пароходом «Андия» на одесском и николаевском рейдах; 10.04.1854 был при бомбардировке Одессы англо-французской эскадрой; капитан-лейтенант (30.01.1855); орд. Св. Анны 3 степ. с бантом (1854); капитан 1 р. в отс. (13.05.1868).
44. **Мошкалов Гавриил Павлович** (1821, Таврическая губ.–17.01.1883). Прапорщик КФШ (13.09.1845); в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; подпоручик (20.04.1855); орд. Св. Станислава 3-й ст. с мечами за мужество при бомбардировании Северной стороны и производство работ по ее укреплению (02.12.1855); орд. св. Анны 4-й ст. «За храбрость» (26.10.1855); полковник КФШ в отс. (1879).
45. **Назаров Василий Петрович** (1813, Таврическая губ.–25.02.1870). Прапорщик (1845) КФШ; в гарнизоне Севастополя 13.09.1854 по 27.08.1855; подпоручик (20.04.1855); находился на батареях Городской стороны; орд. св. Анны 4-й ст. «За храбрость» (26.10.1855); поручик в отс. (1858).
46. **Назаров Павел Петрович** (1822, Таврическая губ.–30.10.1898). Прапорщик (1854) лабораторной № 2-й роты КМА; участвовал в Альминском сражении; в гарнизоне Севастополя 13.09.1854 по 27.08.1855; находился на люнете Белкина, дважды контужен; подпоручик (26.10.1855); орд. св. Анны 3-й ст. с бантом (1854), св. Анны 4-й ст. «за храбрость» (1855); штабс-капитан арсенальных рот КМА в отс. (1861).
47. **Некрасов Константин Иосифович** (1825?–17.02.1862). Кондуктор КИМСЧ в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; прапорщик (19.08.1855) военно-рабочей № 9 роты; подпоручик КИМСЧ в отс.
48. **Никитин Петр Агеевич** (1801?, Херсонская губ.–10.02.1865). Поручик (19.04.1853) 17-го рабочего эк.; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 27.08.1855; штабс-капитан (26.08.1856); орд. св. Анны 4-й ст. «За храбрость» (30.03.1855); капитан по ластовым эк. в отс. (1861).
49. **Одинцов Александр Анисимович** (1819?–11.03.1896). Кондуктор КМА в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; прапорщик (04.05.1855) по арсенальным ротам КМА; подпоручик в отс. (1861).
50. **Панкевич Николай Данилович** (1801?–30.12.1886).* Капитан (1840) по адмиралтейству, в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 28.08.1855; экипажмейстер в Севастопольском порте; контужен (24.08.1855); майор (22.06.1855); подполковник по адмиралтейству в отс. (1863).
51. **Подгорный Иван Федорович** (1819?–15.03.1897). Прапорщик (1841) КФШ; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; подпоручик (1854); штабс-капитан в отс. (1864).

52. **Пономарев Ефрем Степанович** (1790–30.04.1865). Штабс-капитан (1853), командир № 20 арестантской роты; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; орд. св. Анны 4-й ст. «За храбрость» (1855); капитан (26.08.1856); майор по ластовым эк. в отс. (1859).
53. **Попандопуло Иван Григорьевич** (20.04.1823, Николаев–31.10.1891, Одесса). За отличие в бою с пароходом «Первас-Бахри» произведен в капитан-лейтенанты (05.11.1853); в гарнизоне Севастополя 13.09 по 11.10.1854 и с 15.04 по 27.08.1855, командовал морским батальоном, затем 5-м бастионом; тяжело контужен; командир п/ф «Одесса» на севастопольском рейде; золотая полусабля с надписью «За храбрость» (10.12.1854), орд. св. Анны 2-й ст. (1855), св. Станислава 2-й ст. с мечами (26.10.1855); вице-адмирал в отс. (1886).
54. **Протопопов Павел Дмитриевич** (1809?–19.07.1871).* Капитан 2-го р. (30.03.1852) 29-го фл. эк., командир п/х «Крым»; за отличие в Синопском сражении орд. св. Анны 2-й ст. (1853); в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; капитан 1-го р. (06.12.1854); находился на передовых редутах Корабельной стороны, ранен и дважды контужен; св. Владимира 4-й ст. с мечами (1856); генерал-майор в отс. (30.08.1856).
55. **Пулевич Константин Арсеньевич** (1837–17.10.1905). Юнкер Черноморской юнкерской школы (1853), гардемарин (1855), мичман 2-го Учебного Морского эк. (1856). Уволен от службы за болезнью лейтенантом (27.02.1856); мед. «За защиту Севастополя» (1855), орд. св. Анны 3 ст. (1856); судья (06.03.1895), затем председатель Севастопольского морского суда (02.07.1901), генерал-лейтенант в отс. (27.05.1902).
56. **Ратч Федор Иванович** (1791–09.03.1878). Генерал-майор (05.05.1848), командир 2-й бригады ластовых эк. Черноморского флота; в гарнизоне Севастополя в 1854; с 1855 член аудиториата при штабе заведующего морской частью в Николаеве; медаль «За защиту Севастополя» (1855); генерал-лейтенант в отс. (28.12.1859).
57. **Редькин Андрей Михайлович** (1812?–05.01.1870). Прапорщик (1848) ККИ, в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; подпоручик (1855), поручик (1855); орд. св. Анны 4 ст. «За храбрость» (1855); штабс-капитан в отс. (1860).
58. **Репе Алексей Петрович** (1812?–24.02.1858).* Лейтенант (1847) 39-го фл. эк.; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 02.09.1855; сражался на 3-м бастионе, контужен (07.10.1854); 10.05.1855 переведен на Северную сторону на батарею Карташевского; орд. св. Анны 3-й ст. с бантом (1855).
59. **Роголя Иван Григорьевич** (20.01.1838–10.05.1885). Гардемарин (10.05.1855). В 1855 на пароходо-фрегатах «Грозящий» и «Гремящий» был при защите Кронштадта от англо-французского флота; кап. 1 р. в отс.
60. **Родионов Евдоким Родионович** (1790?(1792?), Костромская губ.–03.05.1874). Капитан (1853), командир портовой № 32 роты; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 28.08.1855 на батареях Городской стороны; майор (1855); орд. св. Анны 3-й ст. с бантом (1854); подполковник по ластовым эк. в отс. (01.03.1861).
61. **Рожнов Степан Иванович** (27.12.1800, Херсонская губ.–07.04.1884). Штабс-капитан (1849) ККИ, в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; капитан (1855), орд. св. Анны 3-й ст. с бантом (1855), св. Станислава 2-й ст. с короной и мечами (1856); генерал-майор в отставке (1876).
62. **Рыбаков Авксентий (Аксентий) Алексеевич** (1821?–08.09.1893). Прапорщик по Черноморским рабочим эк. (30.01.1856); знак отличия военного ордена (1854), «За защиту Севастополя» (1855); подпоручик по рабочим эк. в отс.
63. **Савельев Иван Иларионович** (07.04.1824–17.02.1888). Лейтенант (1847) 40-го фл. эк.; на линейном корабле «Императрица Мария» в Синопском сражении; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855 на 3-м бастионе; ранен и контужен; капитан-лейтенант (26.08.1856); орд. св. Владимира 4-й ст. с бантом (1853); золотая полусабля с надписью «За храбрость» (1854); контр-адмирал в отс. (25.02.1874).
64. **Семенов Куприян (Киприян) Семенович** (?–1858).* Цейхвахтер 10-го кл.; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; штабс-капитан (04.05.1855) по арсенальным ротам; 06.07.1855 ранен на 2-м бастионе; орд. св. Анны 4-й ст. «За храбрость» (1855), св. Анны 3-й ст. с бантом (1855).

65. **Скарятин Аполлон Дмитриевич** (1832-22.06.1854).* Мичман (07.08.1849). Тяжело ранен 03.06.1854 на пароходе «Владимир» во время боя с французским пароходом; скончался в Севастопольском морском госпитале.
66. **Скарятин Николай Дмитриевич** (28.02.1827, Тамбов–28.12.1888, Москва). Лейтенант (1851) 40-го фл. эк.; участвовал в Альминском сражении; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 05.06.1855; командовал батареями № 13 и 57 (Скарятина) у Театральной площади, батареями на 2-м бастионе и Малаховом кургане, был комендантом Селенгинского редута; ранен и четыре раза контужен; орд. св. Владимира 4-й ст. с бантом (1854), св. Георгия 4-й ст. (11.05.1855), золотая сабля с надписью «За храбрость» (1855); капитан 2-го р. в отс. (1865).
67. **Стройников Александр Семенович** (13.08.1824, Севастополь–22.05.1886). Лейтенант (23.04.1850), адъютант 5-й бригады 5-й флотской дивизии; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854; ранен в голову 18.10.1854, затем переведен в Николаев; контр-адмирал в отс. (02.08.1882).
68. **Стройников Николай Семенович** (23.08.1814, Севастополь–14.04.1872).* Капитан-лейтенант (1847) 30 фл. эк., командир фрегата «Кагул»; в гарнизоне Севастополя 13.09.1854 по 27.08.1855; строил батареи между 4-м и 5-м бастионами, командовал батареями правого фланга 2-го отделения; ранен в голову и контужен в плечо; капитан 2-го р. за отличие (06.12.1854); заведовал «городовыми батареями» и баррикадами; орд. св. Владимира 4-й ст. с бантом (1854), св. Анны 2-й ст. (1854), св. Анны 2-й ст. с Императорской короной и мечами (1855); контр-адмирал (01.01.1868).
69. **Сухин Константин Николаевич** (1827, Полтавская губ.–29.11.1868).* Лейтенант (1853) 39-го фл. эк.; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 04.09.1855, ранен и контужен на Корниловском бастионе; орд. св. Владимира 4 ст. с бантом (1854), св. Анны 3 ст. с бантом (1855), св. Станислава 2 ст. с мечами (1856); капитан-лейтенант (01.02.1863).
70. **Тарасов Константин Васильевич** (1826?–25.03.1903). Кондуктор КИМСЧ, прапорщик (19.08.1855) военно-рабочих рот; медаль «За защиту Севастополя» (1855); подпоручик в отс.
71. **Федоров Павел Денисович** (1820?–05.09.1892). Прапорщик (1851) КМА; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; подпоручик (26.10.1855) по арсенальным ротам КМА; орд. св. Анны 4 ст. «За храбрость» (1855), св. Анны 3 ст. с мечами (1855); поручик в отс. (1860).
72. **Федотов Александр Тимофеевич** (1829?–26.04.1891). Квартирмейстер 38-го фл. эк.; в гарнизоне Севастополя в 1854–1855; прапорщик (25.05.1855) 4-го ластового эк.; орд. св. Анны 4 ст. «За храбрость» (1856); капитан в отс. (1881).
73. **Ханджогло Иван Спиридонович** (05.08.1825, Балаклава–11.11.1870).* Лейтенант (1852) 42-го фл. эк.; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 28.08.1855; орд. св. Анны 3-й ст. с бантом (06.12.1854); капитан-лейтенант (18.04.1860).
74. **Харичков Александр Васильевич** (1824?–07.10.1867). Лейтенант (30.03.1852); в 1855 на пароходе «Колхида» находился при бомбардировании неприятельским флотом Керчи, и при отступлении к Бердянску; затем при бомбардировке Таганрога состоял в составе гарнизона города; капитан-лейтенант в отставке (28.08.1859).
75. **Хомутов Лев Филиппович** (22.11.1810–20.07.1884). Капитан-лейтенант (1844) 31-го фл. эк., командир транспорта «Дунай»; в гарнизоне Севастополя с 13.09.1854 по 27.08.1855 на 6-м бастионе; капитан 2-го р. за отличие (06.12.1854); капитан 1-го р. (26.08.1856); орд. св. Анны 2-й ст. (1855), св. Станислава 2-й ст. с Императорской короной и мечами (26.10.1855); генерал-майор в отс. (1863).

ВИЛЬГЕЛЬМИН РУВЬЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ

СИДОРОВИЧ Е.С.

Институт истории Украины
Национальной академии наук Украины (г. Киев)

В первой половине XIX в. Российская империя начала становиться европейским государством в экономическом плане, что в значительной мере стало возможным благодаря деятельности иностранных переселенцев, которые внедряли новые методы в развитии промышленности и сельского хозяйства. Этот процесс коснулась и юго-западную часть царского государства.

Российское правительство, наряду с другими западноевропейцами, привлекало французских аристократов к развитию ряда отраслей хозяйства Новороссийского края. Среди них особое место занимал промышленник, землевладелец, коммерции советник Вильгельмин (Гильом) Рувье (1756-1815 гг.). Он был первым аристократом, внедрившим новшества в овцеводство и виноделие Таврической губернии.

В настоящей статье изучаются основные направления деятельности В. Рувье на юге современной Украины в первой четверти XIX в. Основное внимание уделяется деятельности коммерции советника Рувье по развитию в сельского хозяйства и промышленности Новороссийского края с 1802 по 1815 годы – от периода приезда В. Рувье на юг России до его смерти.

Ученые разных историографических периодов (дореволюционного, советского, современного), исследуя социально-экономическую историю Украины и России, традиционно обращали особое внимание на личность коммерции советника. *Дореволюционный* этап представлен достаточно большим количеством работ, в которых анализировалась деятельность этого человека. В. Андросов, рассматривая экономическое развитие России, особо выделял влияние В. Рувье на становление виноделия в начале XIX в. [1]. Академик П. Кеппен описывал роль коммерции советника в выращивании виноградников в долине Текис на Крымском полуострове [11]. Академик Д. Багалий изучал роль В. Рувье в развитии овцеводства Новороссийского края [2]. Писатель и издатель А. Скальковский оценивал называл В. Рувье выдающимся овцеводом своего времени [20].

Советские историки также уделили В. Рувье должное внимание. О. Нестеренко, изучая предприятия Северного Причерноморья первой половины XIX в., особо отмечал мериносо-вые заводы В. Рувье [13]. Е. Дружинина подробно описывала овчарни В. Рувье [8-9].

Современная историография представлена работами ведущих историков, рассматривающих личность В. Рувье через призму его экономической деятельности на юге современной Украины. Это - труды А. Машкина [12], О. Иваненко [10], П. Герлиги [6].

Источниковая база настоящего исследования представлена материалами Государственных архивов Одесской и Херсонской областей (далее – ГАОО и ГАХО), а также нормативными актами Полного собрания законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) [14-18]. Выявленные мною источники позволяют конкретизировать и расширить наработки вышеперечисленных ученых, и полнее изучить деятельность В. Рувье в Новороссии в первой четверти XIX в.

Начало XIX в. связано с относительно массовым переселением французской аристократии на Юг России; российское правительство активно задействовала эти категорию иммигрантов в хозяйственном освоении Новороссийского края [19]. Одним из первых, кто принял участие в этом процессе, был коммерции советник Вильгельмин Рувье, который дал толчок даже к основанию целой французской династии в России – рода Вассалов [23].

Документы, хранящиеся в ГАОО и ГАХО, позволяют проследить рост земельных владений В. Рувье в Днепровском уезде Таврической губернии. Французская аристокра-

тия, приезжавшая в Новороссию, с конца XVIII в. получала от властей земельные пожалования [21,22]. Не был исключением и В. Рувье: 1807 году он получил земли острова Джарылгач. В отчете губернского землемера значилось: *«Предместнику Вашего Сиятельства дан Высочайший рескрипт 27 июля 1806 года, чтобы коммерции советник Рувье, который заключил с правительством условия о заведении овцеводства иностранной породы, согласно представлению бывшего тогда Таврического гражданского губернатора и желанию его Рувье, отвести в Днепровском уезде землю, известную под названием Коса Джаралгач и в прилегающих к ней участках № 94 и 95, где вообще удобной 25, и не удобной 5106 десятин земли с саженьями, а 27 июля 1807 года высочайшие подтвержден доклад министра внутренних дел, чтоб взамен 5000 десятин назначенных к отдаче Рувье еще в нагорной стороне Крыма, дать ему 10000 десятин в степи за Перекопом. В 1801 году Министр Внутренних дел уведомил меня, что из тех земель первые 25 десятин утвержденный за ним Рувье и что не получив остальных 10 за разными встречавшимися препятствиями, он избрал наконец в Днепровском уезде участок № 60, известный в количестве 12 тыс. десятин, но чему сообщено от меня предместнику вашего Сиятельства и предложено Таврической казенной экспедицией учинить распоряжение к отделению для Рувье тех 10 тыс. десятин из сего участка, а после просил Рувье оставить его на землях в участках № 106 и 107, отведенных уже ему местным начальством в число тех 10 тыс. десятин, и предместник вашего Сиятельства полагал, что в сем случае лучше сие количество оставить за Рувье в оных участках, дабы не было от него претензий, если заставлен свои на другую землю, вследствие чего предписано от меня Таврической казенной экспедиции оставить Рувье в безупрежденном владении землями в № 106 и № 107 по докладу, Высочайше подтвержденному 1807 года ему отведенных, а равно и тех, кои по Высочайшему указу на имя предместника вашего сиятельства... Казенная экспедиция представила министерству финансов описание и... из коих видно, что коммерции советнику Рувье вместо следующего по Высочайшему повелению 26 июля 1806 года отвода 25 тысяч десятин в Косе Джаралгач и в участках № 94 и 95, отведено в той косе, известной под № 62, да из участков № 79, 80, 94, 95, 96 и 106, всего удобной 31558, неудобной 3220 десятин, а вместе 10 тыс. по докладу в 1807 году, определенных дано ему Рувье в участках № 96, 106, 107 и 108, всего удобной 11274 и неудобной 1618 десятин...»* [17, л. 18-19].

В то же время, В. Рувье владел островом Тендра. Площадь его земли составляла: *«... а всего во всей окружной меже две тысячи сто тридцать четыре десятины девятьсот тридцать одна сажень, за исключением неудобных мест осталось одной удобной земли тысяча семьсот тридцать восемь десятин четыреста девяносто восемь квадратных сажень...»* [14, л. 1]. Эта территория после его смерти перешла жене – Кларе Рувье (Одинет). В одном из документов ГАОО по этому поводу было значится: *«... 16 апреля 1820 года получено правительством прошение вдовы коммерции советника Рувье Клары, в коем изъявила: что по Высочайшему... в 26 день июня 1807 года докладу господина министра внутренних дел... пожалован во владение покойному мужу ее коммерции советнику Рувье для разведения овцеводства... состоящий при Черном море остров Тендра... вдова Рувье приобрела... право пожизненного владения...»* [16, л. 5,11]. Другие его земли, а именно остров Джарылгач, село Софиевка, Кларовка, Черноморье, были разделены между его дочками и зятьями: Рене Вассал, Карл Потье и Пьер Мари стали владельцами имений В. Рувье [15, 19].

Таким образом, архивные документы государственных архивов предоставляют ведомости относительно имений В. Рувье в Новороссийском крае, что дает возможность называть его крупным (по меркам региона) землевладельцем.

Значительную роль В. Рувье сыграл в развитии виноградарства Таврической губернии. В. Андросов отмечал, что климатические и географические условия позволял выгодно развивать этот промысел [1]. В 1804 году российское правительство поручило коммерции советнику привезти лучшие виноградные лозы из Европы, а также нанять в Новороссию виноделов из числа его соотечественников, что и было им сделано [18]. Академик П. Кеппен писал по этому поводу: *«Не смею умолчать здесь о достопримечательном предложении Коммерции Советника Рувье (Rouvier), изъявившего в конце 1802 года желание населить купленную им в Крыму долику Текис французскими виноградарями, которые, по*

примеру жителей Марселя, могли бы заниматься и рыбными ловлями, и виноделиями, и разведением оливковых деревьев, коих насаждение в Провансе всегда соединено с насаждением виноградных лоз... Коммерции Советник Рувье, в исходе 1803 года вызвал из Франции для сего училища (Судацкое училище виноделия) двух виноградарей и одного купора. Чрез него же выписаны были из Франции виноградные лозы и несколько моделей лучших прессов, на что и отпущено от казны 4 тыс. рублей» [11, с. 87, 90].

Результат его деятельности в развитии виноделия принес свои плоды: «...в 1804 году заведены в Крыму, а в 1808 году близ Кизляра, виноградные училища, из коих при первом в 1813 году было уже до 53 тыс. виноградных лоз и, в продолжение 20 летнего существования сада, получено 5440 ведер...» [1, с. 99].

Особое место Вильгельмин Рувье занимал среди овцеводов Новороссийского края [2]. Российское правительство поддерживало его деятельность в развитии этой отрасли животноводства. В 1803 году коммерции советник получил 100 тыс. рублей ассигнациями, 40 тысяч десятин земли в Днепровском уезде [4-5, 12], а также «...казенный транспорт для перевозки овец из Испании морем, с обязательством завести на каждой десятине по одной испанской овце и возвратит через десять лет весь капитал с процентами...» [3, с. 155-156].

Однако успех в этом деле сопутствовал французу далеко не сразу. В 1808 году его завод прибыл инспектировать петербургский чиновник А.А. Жеребцов, который так оценил овчарни В. Рувье: «Заведение овцеводства господина коммерции советника Рувье, в урочище Текие в двадцати верстах от Симферополя и за Перекопом в урочище Джаралгач состоящее, весьма малозначуще до сих пор. При осмотре моем нашел я в первом баранов гишпанских 6, овец той же породы – 200; ягнят, от них родившихся, одногодков – 400, двухгодовалых – 15. Овец вологских 2007, от них родилось в нынешнем году 600». В отношении ухода за овцами дело обстояло почти так же плохо, как и в крестьянских хозяйствах, что следовало, очевидно, объяснить недостатком рабочей силы у Рувье. «А из хозяйственных для сего строений, – продолжал Жеребцов, – ничего, кроме одного старого сарая, нет. В последнем же 52 барана, которые от гишпанских в Крыму произошли, от них ягнят 366. Вологских 7028, от коих молодых 3632; настоящих же мериносов породы не отыскал я ни одного. Все овцы пасутся в степях без малейшего разбора, и ни для сбережения оных в зимнее время, ни для отделения больных от здоровых, ни одной породы от другой никакого заведения не сделано» [8, с. 243].

Российский историк Е.И. Дружинина отмечала, что ситуация на предприятии В. Рувье улучшилась к 1811 году: «Уже в 1811 году он имел, согласно отчету губернатора, 18895 овец, в том числе: испанских (трех поколений) – 8254, цыгайских (первое поколение) – 4833, вологских – 5801. Кроме того, у предпринимателя было 1509 коз и небольшое число волов и лошадей, которые использовались в качестве тягловой силы. К концу 1812 года Рувье не хватало 1,5 тыс. овец до нормы, которую ему полагалось иметь в данном году (25 тыс.). Однако бедствия, разразившиеся над Южной Украиной в 1812-1813 годах, сказались и на его хозяйстве. Вместо 30 тыс. овец у него осталось к концу 1813 года только 19206 овец, да и те, по словам губернатора, находились «в болезнях, без хорошего присмотра и без надежного в нужное время убежища». Через год, когда Рувье должен был иметь 36 тыс. овец, у него было только 20 тыс.» [Та же, с. 244].

Тем не менее, подтверждением того, что его предприятие было одним из лучших в Новороссии, был отчет графа А.Ф. Ланжерона министру внутренних дел В.П. Кочубею. В этом документе были перечислены основные овчарни южного региона Российской империи, среди которых новороссийский генерал-губернатор отдельно отметил завод В. Рувье: «Один Рувье имел до 37 тыс. штук овец отличной породы и в 1820 году получил за шерсть до 112 тыс. рублей дохода...» [20, с. 291].

В. Рувье пытался развивать овцеводство и на территории Крымского полуострова. Офицер генерального штаба А. Шмидт писал по этому поводу: «В следующем 1805 году заключены были условия с иностранцем Рувье, на основании коих он получил от правительства в ссуду до 100 тыс. рублей ассигнациями и в хозяйственное распоряжение 30 тыс. десятин земли, с тем, что он должен был завести в Крыму стадо мериносов, выпи-

санных прямо из Испании, размножить оное до 100 тыс. голов, а вместе с тем, содержать до 100 учеников, для обучения их овчарному искусству...» [24, с. 223-224].

Таким образом, хозяйственная деятельность В. Рувье в Новороссийском крае развивалась в трех направлениях:

- Освоение необжитых территорий Днепровского уезда Таврической губернии;
- Развитие виноделия в Новороссийском крае;
- Развитие овцеводства в Крыму и Северной Таврии.

Источники и литература.

1. Андросов В. Хозяйственная статистика России. М., 1827. 302 с.
2. Багалий Д.И. Колонизация новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. К., 1889. 120 с.
3. Вернер К.А. Памятная книжка Таврической губернии. Т. 9. Симферополь, 1889. 19 с.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том 11. Ч.1. Херсонская губерния. СПб., 1849. 341 с.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том 11. Ч.2. Таврическая губерния. СПб., 1849. 260 с.
6. Герлігі П. Одеса. Історія міста, 1794-1914. К., 1999. 382 с.
7. Горлов И. Обозрение экономической статистики России. СПб, 1849. 345 с.
8. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800-1825 гг. М., 1970. 385 с.
9. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825-1860 гг. М.: Наука, 1981. 216 с.
10. Иваненко О.А. Українсько-французькі зв'язки: наука, освіта, мистецтво (кінець XVIII - початок XX ст.). К., 2009. 320 с.
11. Кеппен П. О виноделии и винной торговле в России. СПб, 1832. 300 с.
12. Машкін О. М. Іноземці в соціально-економічному житті України кінця XVIII - першої половини XIX ст. К., 2008. 450 с.
13. Нестеренко О.О. Розвиток промисловості на Україні. К., 1959. 400 с.
14. План острова Тендра К.І. Рувье (1819) // Государственный архив Херсонской области (далее – ГАХО). Ф.302. Оп.1. Д.758.
15. План земли села Черноморье // ГАХО. Ф.302. Оп.1. Д.824.
16. По жалобе коммерции советника Рувье на рыбных промышленников, записывающихся на остров Тендра (1822 г.) // Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф.1. Оп.219. Д.2.
17. По прошению помещика полковника Куликовского об пожаловании ему под заселение крестьян и обзаведение овцеводства 11 десятин земли, здесь и об пожаловании земли коммерции советнику Рувье (1806 г.) // ГАОО. Ф.1. Оп. 219. Д.1.
18. Полное Собрание законов Российской империи. Т. 28. С. 317-319.
19. Сидорович Є.С. Вплив окремих французьких емігрантів та їх родин на економічний розвиток Новоросійського краю в першій половині XIX ст. // Гілея: науковий вісник: Збірник наукових праць. 2012. Вип. 56. С. 171-175.
20. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730-1823 гг. Ч. 2. 1796-1823 гг. Одесса, 1838. 349 с.
21. Указы Вознесенского наместнического правления, рапорты землемеров об отводе земель герцогу Полиньяку и графу Мюссе (1795-1796) // ГАХО. Ф.14. Оп.1. Д.273.
22. Указ Херсонского правления и ордера Ольвиопольскому уездному землемеру об отводе земельных дач иностранным поселенцам: князю де Полиньяку 12 тыс. десятин земли (1797-1800) // ГАХО. Ф.14. Оп.1., Д.336.
23. Фон-Резона А.К. Некрологи. Вассал В.Р. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1894. Т.17 (Ч. 4.). С. 9-11
24. Шмидт А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Херсонская губерния. Ч.2. СПб, 1863. 989 с.

ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «БАТУРИНСКОЙ РЕЗНЕ» 1708 ГОДА И ПРОБЛЕМА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

СТАВИЦКИЙ А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

С 90-х гг. XX в. украинские археологи на средства, предоставленные украинскими организациями Канады (Канадским институтом украинских исследований, Научным обществом им. Тараса Шевченко, Понтификальным институтом средневековых исследований в Торонто [9]), пытаются обнаружить вещественные доказательства т.н. «Батуринской резни» (якобы последовавшей за взятием Батурина войсками князя А.Д. Меншикова в ходе Северной войны 2 ноября 1708 г.) т.е. следы массовых захоронений. Казалось бы, сделать это было несложно, т.к., согласно «Истории Русов»¹, «*тела убитых христиан и младенцев бросили на улицах и за городом, "не погребая их"*» [6, с. 206-207], а все крепостные рвы были завалены трупами. Предполагалось обнаружить 15-20 тысяч скелетов.

Напомню, что в истинности «Истории русов» и добросовестности ее автора сомневались многие известные исследователи, в частности, Г.Ф. Карпов [8] и Н.И. Костомаров.²

Но в результате дящихся уже 15 лет регулярных и целенаправленных усилий совместной канадско-украинской экспедиции на месте разрушенной крепости археологи никаких массовых захоронений не обнаружили. В Батурине было найдено около полутора сотен скелетов. Некоторые из них действительно походили на то, что предполагалось найти: «*погребение ребенка без гроба*», «*череп подростка в сгоревшем жилище*», «*останки женщины 20-30 лет с расколотым саблей черепом*», «*череп с пулевым отверстием в затылке подростка 9-12 лет, несколько десятков засыпанных пеплом скелетиков детей 1-5 лет*» [15]. Несмотря на неожиданно скромный результат, исследователями сделан вывод: «*резня была тотальной, и в Батурине не осталось никого*» [10].

В качестве доказательства геноцида, в частности, предъявляются скелеты людей, судя по условиям их захоронения, погибших от пожара. Но, учитывая, что в Батурине дома и в XVIII в., и ранее были преимущественно деревянными, трудно надеяться, что за более чем двести лет не было других больших пожаров, кроме пожара 1708 года, с человеческими жертвами. Действительно, за время своего существования город полностью сгорал трижды: в 1655, 1708 и 1723 годах, не считая локальных пожаров, в которых также могли гибнуть люди. В частности, согласно данным А.М. Лазаревского, в 1655 году, как писал об этом тогда наказной гетман Иван Золотаренко, «*містечко Батуринь, попущеніємъ Божіимъ, все сгоріло*» [11, с. 109]. И тот пожар не был для города ни первым, ни последним.

Однако данный факт не учитывается. В статье «Новые ужасные факты Батуринской трагедии находят археологи» [14]³ говорится: «*Дослідження істориків доводять, що це жертви кривавої розправи армії Петра I. 300 років тому за одну ніч царські солдати винищили 16-тисячне місто. Це були родичі козаків, що підтримали гетьмана Івана Мазепу. Археологи відкрили вже 70 поховань. Дорослих чоловіків там немає, лише жінки та діти*».

В дальнейшем раскопки были продолжены. Соответственно, увеличивалось количество вскрытых могил. Однако даже 170 найденных индивидуальных захоронений не по-

¹ История «Руси или Малой России» написана в виде политического памфлета в конце XVIII или начале XIX века на территории Украины. Предполагаемый автор – архиепископ Белорусский Георгий Конисский; большая часть историков ставят авторство Георгия Конисского под сомнение. Многими историками «История русов» признана недостоверным источником (прим. ред).

² Н. И. Костомаров существенно пересмотрел своё отношение к «Истории Русов» во многом в результате критических взглядов на неё Г.Ф. Карпова и долгой полемики между ними [4].

³ Данная статья, впервые опубликованная на сайте телеканала ICTV, быстро с него исчезла, но цитаты из нее появились во множестве других Интернет-публикаций.

зволяют подтвердить версию о 16 тысячах убитых в одну ночь. С учётом естественной смертности, характерной для XVIII в., особенно среди детей, количество найденных в крепости скелетов не превышает численности умиравших в Батурине за год-два. Кроме того, ввиду ангажированного характера проводимых исследований, археологи в данном случае изучают не город, где десятки лет до штурма жили и умирали люди, а целенаправленно ищут место массовой резни. Поэтому, каждую раскопанную могилу, где бы её ни находили, они в первую очередь соотносят с резнёй, психологически не будучи готовыми к чему-то другому.

Видимо, поэтому один из руководителей раскопок заявил: *«Російський цар направив свої війська на гетманську столицю Батурин. Сили були нерівні і місцеві мешканці сховалися у неприступній фортеці. Та зрадник показав росіянам таємний хід. Фортецю спалили і зрівняли із землею, а 16 тисяч мирних жителів жорстоко вбили. Їхні тіла поховали у мерзлу землю, тож усі відкриті могили неглибокі, земля тут перемішана зі битою цеглою та попелом»*. В данном случае археолог следует содержанию текста «Истории Русов», не пытаясь его критически осмыслить. Тем более странно, что называется цифра – 16 тысяч только мирных жителей. А ведь ещё были казаки и сердюки¹. Значит всего по его «расчётам» должно было погибнуть не менее двадцати двух – двадцати трёх тысяч.

Однако где их останки? Кто и куда их спрятал? Неужели драгуны Меншикова постарались скрыть следы своего преступления и им это удалось? Или потом их закапывали люди Мазепы? Почему тогда об этом не писали свидетели, упоминая лишь о разрушениях? Ведь, если бы шведы и «мазепинцы», придя в Батурин, увидели то, что описал автор «Истории Русов», их бы поразили не руины Батурина, а горы трупов повсюду, а также распятые, повешенные, колесованные, четвертованные и посаженные на кол тела командиров подразделений сердюков. Почему археологи находят останки только женщин и детей? Получается, что мужчины их бросили, сбежав из крепости? Или драгуны всех казнённых и зарезанных сортировали по половозрастному признаку? И почему сердюков археологи упорно называют казаками? Ведь это далеко не одно и то же.

Кроме того, неясно, как А.Д. Меншикову удалось за несколько часов, которые оставались у него до прихода находившихся в четырёх верстах от Батурина шведов², зверски истребить всех жителей, устроив им «нечувану різанину», ведь, если верить текстам, на которые ссылаются археологи из канадско-украинской экспедиции, ими были завалены рвы, дома, улицы.

Кроме того, возникает еще один «неудобный» вопрос. Если Мазепе и его людям надо было бы похоронить двадцать с лишним тысяч изрубленных и обгорелых трупов, причем, в индивидуальных захоронениях в мёрзлой земле, пусть и неглубоких, какие сейчас находят в Батурине археологи, сколько на это понадобилось бы человеко-часов? Вероятно, это отняло бы все их силы и время и не позволило продолжать участие в войне, чего на самом деле не произошло.

В качестве доказательства истинности своих выводов археологи используют «стратиграфический» довод: *«Всі ці поховання не можна списати на інші події, оскільки вони опущені у шар пожежі 1708 року»*. Толщина слоя определяется в 0,5 метра [9]. Однако захоронения в этом слое могли быть сделаны и гораздо позже 1708 г. Захоронения датируются, в первую очередь, по сопутствующему инвентарю, а такого рода доказательства не предъявлены. Поэтому, научный сотрудник Канадского института украинских исследований В. Мезенцев пытается объяснить отсутствие массовых захоронений следующим образом: *«Ми не маємо нашими дослідями підраховувати кожну людину, але переконатись, що масові поховання були. Однак «Історія русів» свідчить, що багато трупів було потоплено у Сеймі»*. При этом ссылается на «Историю Русов», написанную спустя много лет после 1708 г. Однако, данный источник такого сообщения не содержит [6, с. 206-207].

¹ Сердюки – личная гвардия гетмана, которая формировалась не только из казаков, но и из иностранцев (прим. ред.).

² Из письма Петра от 1.11.1708 г., которое было отправлено Меншикову за день до штурма резиденции гетмана, следует, что *«неприятель перебирается в четырёх милях от Батурина»* [16, ч. 1, с. 268.].

Об этом написано в Лизогубовской летописи: «многожъ въ Сеймѣ потонуло людей, утѣкаючи чрезъ ледъ еще не крѣпкій» [20, с. 189]¹.

Не обнаружив реальных массовых захоронений, участники раскопок, тем не менее, демонстрируют уверенность в их существовании: «На самом деле вокруг некогда главного храма гетманской столицы - собора Живоначальной Троицы захоронений сотни» [9]. Это пока что ничем не доказанное суждение они объявляют «фактом» и полагают, что «этот факт достоверно свидетельствует» о массовых убийствах, совершенных солдатами А.Д. Меншикова.

Археолог В. Коваленко утверждает: «Батури́н перестав бути білою плямою історії, бо після розкопок ніяких сумнівів у жорстокій різанині немає. Дві третини скелетів, знайдених на цвинтарі цитаделі, належить молодим жінкам та дітям. Значна частина черепів потрощена шаблями і кулями. Козаки вірили в неприступність фортеці і, коли йшли на з'єднання з військами Карла XII, залишили тут свої родини. Якби ж не зрадник... Уже після побойща Мазепа з полками повернувся у Батури́н. За свідченнями літописців, козаки плачучи рили шаблями вже змерзлу землю і ховали своїх кривних...» [9].

Таким образом, по В. Коваленко, получается, что драгуны Меншикова столкнулись в Батурине исключительно с женщинами и детьми, а не с мужчинами. Потому археологи и находят в основном скелеты «молодых женщин». И снова упоминаются не сердюки, а казаки. Хотя охраняли крепость именно сердюки². Под «предателем», видимо, подразумевается полковник Иван Нос: «в последнюю минуту в московском лагере появился старшина Прилукского полка И. Нос» [10]. Замечу, что данное утверждение противоречит даже «Истории Русов», в соответствии с которой в лагерь Меншикова явился не лично полковник Нос, а старшина Соломаха («Полковникъ Прилуцкій, Носъ, несогласный также, какъ и другіе полки, на предприятия Мазепины и гнушавшийся его вѣроломствомъ... выслалъ ночью изъ города Старшину своего, прозваніемъ Соломаха») [6, с. 206]).

При этом, И. Мазепа В. Коваленко не считает предателем, выводя его действия за рамки моральных оценок: «В политике нет понятия предательства. И в современной украинской политике не все едины в своих интересах. Тогда тоже было так. Всегда каждый отстаивал свои интересы. Так и Мазепа. Для Петра он был предателем, для Карла – партнером» [9].

Участники раскопок уверены, что из 170 обнаруженных ими останков не менее половины – жертвы «батуринской резни»: «Ученые откопали около 170 останков, и половина из них – точно жертвы трагедии» [9]. В доказательство этого приводится следующий тезис: «Захоронения все однотипные – ямы неглубокие, в них есть пепел от горелых зданий и щебенка разрушенных домов. У многих наглядные следы травм. Найдены также захоронения более ранних времен. Они находятся под слоем пепла. А над ними семейные захоронения, как правило, женщины с одним или двумя детьми. Не часты же ситуации, чтобы вся семья умирала в один день!... Есть тела лежащие лицом в землю, что противоречит православным канонам. Все это свидетельствует о массовых смертях» [9].

Полагаю, что индивидуальные захоронения, даже совершенные не по православным канонам, не могут служить доказательствами массовых убийств и геноцида. Таковыми являются только захоронения массовые. Однако их не обнаружено.

Другим важным аргументом в пользу соотнесения обнаруженных останков с «батуринской резней» является обнаружение на части (!) из них следов насильственной смерти: «кістяки двох забитих мешканців» в подвале сгоревшего дома или «багато кісток (збереглось сім черепів) дорослих та дітей» в южном предместье Батурина [12]. При этом да-

¹ «Лизогубовская летопись» - «Летописец, или Описание краткое знатнейших действ и случаев» - украинская летопись, составленная в 1742 г.. Содержит сведения о событиях с начала XVI в. до 1737 г.. Основными источниками для Лизогубовской летописи послужили предшествующие украинские летописи и фамильные записки семейства Лизогубов (о событиях с 90-х гг. XVII в. по 1737 г.). В ней выделяется описание заслуг рода Лизогубов, особенно генерального обозного Якова Лизогуба, который и считается автором летописи. Отражая взгляды украинской казацкой старшины, он отстаивает идею автономии Украины. – Советская историческая энциклопедия (прим. ред).

² Напомню, что такая подмена позволяет утверждать, вопреки исторической действительности, идею «казацкой революции» против империи.

же не обсуждается возможность гибели людей вследствие столкновений казаков в период Руины, столкновений между казаками и сердюками, убийств на бытовой почве и т.д. Все признаки насильственной смерти априори приписываются «батуринской резне».

Несмотря на явную политическую ангажированность выводов исследователей, они это всячески отрицают, заявляя: «Наука – одно дело, политика – иное» [9]. При этом от политических выводов удержаться не могут. Вот, в частности, что заявил профессор Торонтского университета В. Мезенцев: «*Это в XXI веке называют военным преступлением. Таким образом, российские войска хотели запугать всех сторонников Мазепы. Это была также месть... по нашим данным, в 1708 году в Батуристине было около двадцати тысяч населения. Часть разбежалась во время атаки, а погибло, наверное, 11-14 тысяч батуристов*»¹ [9].

Судя по цитируемой мною статье, криминалистической экспертизы останков не проводилось, говорится лишь, что «*вскоре будут приглашены медики, которые осмотрят останки и дадут заключения о роде травм, что впоследствии даст возможность установить причины смерти*» [9]. Хотя сами исследователи «определились» в этих причинах заблаговременно. При этом на вопрос, а есть ли среди похороненных здесь русские солдаты, профессор В. Коваленко отвечает: «*Даже если их останки где-то и есть, то они, вряд ли признаются, кто они такие*» [9].

В. Коваленко вынужден признать, что «*места погребения большинства погибших защитников батуринской крепости неизвестны*» [10]. Отмечу, что специалисты по выявлению и раскопкам захоронений Отечественной войны 1812 года рекомендуют учитывать, что «*на месте массовых погребений возникали провалы земли, где выросли кусты и деревья...*», а также предлагают искать «*на месте сожжённых деревень либо в верховьях оврагов*» [13]. Сообщений о том, что нечто подобное удалось выявить при раскопках Батурина, нет. Поэтому, не имея возможности говорить на языке фактов, археологи прибегают к доводам эмоционального характера: «*Со слезами и невыразимой тоской казаки похоронили своих родных, кого удалось узнать среди тысяч истерзанных тел*» [10], - утверждает В. Коваленко. Рассказы археологов, представляющие собой не опирающийся на факты вымысел, подхватывают журналисты, берущие у них интервью. Автор многократно цитированной здесь статьи Т. Катриченко пишет: «*Историки сейчас в один голос рассказывают о кровавой резне «до ноги», называя это катастрофой и даже геноцидом. Этот же факт пытаются отрицать некоторые российские специалисты, а особенно журналисты*» [9].

Выводы участников украинско-канадской экспедиции (опираясь на объективные данные их же раскопок) оспаривает писатель Олесь Бузина: «*Раскопки в Батуристине не показывают никаких следов яростного штурма и больших потерь осаждавших, о которых так живописно рассказывал сочинитель «Истории Русов». Если бы они были, в Батуристине осталось бы много трупов, которые легко опознаются по остаткам форменной обуви, прекрасно сохраняющейся в болотистом грунте, медным пуговицам, русским нательным крестам и оружейному лому. Но никаких братских могил солдат Меншикова под крепостью не обнаружено до сих пор*» [3].

Нелогичность исследовательских усилий археологов заключается в том, что захоронения российских солдат, которых якобы полегло при штурме Батурина 2 или даже 3 тысячи, они не ищут вовсе и, соответственно, не находят.

Поскольку становится ясно, что наука пока бессильна обнаружить доказательства «батуринской резни», их отсутствие пытаются заменить «художественным» осмыслением. Кинорежиссер Ю.Г. Ильенко, в частности, заявил: «*На раскопках Батурина не нашли ни одного скелета, потому что все жители были вырезаны, распяты, прикреплены к плотам и пуцены по водам Сейма, Десны и Днепра для запугивания*» [18].

Однако данное утверждение также нельзя признать вероятным, учитывая количество усилий и времени, которые необходимо было потратить на реализацию вышеуказанных «ужасных» мероприятий. Получается, что солдаты Меншикова, захватив город,

¹ Обращаю внимание, что археолог путает население с наёмной мазепинской гвардией (теми самыми сердюками), и всех их записывает в «сторонники Мазепы», считая, что батуристы однозначно разделяли планы и взгляды гетмана. Однако никакими данными на этот счёт историки не располагают.

должны были сначала казнить всех жителей, затем собрать в разрушенном городе все трупы и переместить их к реке Сейм. Десна и Днепр находятся значительно дальше, поэтому, для доставки трупов туда понадобились бы еще большие усилия. Кроме того, следовало заготовить большое количество бревен, изготовить из них тысячи (!) плотов, прибить к ним тела убитых и спустить вниз по реке. Однако Батурин находится не в лесистой местности. Соответственно, проблема заготовки десятков тысяч древесных стволов представляется неразрешимой. Учитывая, что, по данным «Истории Русов», казаки хоронили трупы в «мерзлой» земле, река уже тоже могла начать покрываться льдом¹. В таких погодных условиях лесосплав и вовсе невозможен. Учитывая, что «летучий отряд» А.Д. Меншикова пробыл в Батурине всего один день (2 ноября 1708 года Батурин был взят, а 3 ноября «летучий отряд» его уже покинул), предложенная Ю.Г. Ильенко реконструкция событий является полностью невероятной.

Из всего вышеизложенного следует неизбежный вывод: так называемой «батуринской резни» просто не было. По данным Лизогубовской летописи, Меншиков не только приказал прекратить истреблять противника после победного штурма, но и велел дать местным жителям подтверждавшие их лояльность власти охранные грамоты: *«однакъ за вытрубленіемъ не мертвить, много еще явилося у князя Меншикова, который дать велѣлъ имъ писаніе, чтобъ никто ихъ не занималъ»* [20, с. 189]. Такой подход согласуется с известной по переписке Меншикова с царём линии на союз власти с народом против шведских захватчиков. Напомню, в частности, что, помимо прямых указаний со стороны Петра I и подчинённого непосредственно ему русского командования не допускать бесчинств и произвола со стороны солдат по отношению к малороссам, сам Меншиков за неделю до штурма Батурина писал царю: *«за благо вашей милости советую, что при таком злом случае надлежит весьма здешний простой народ утвердить всякими обнадеживаніями»* [16, ч. 2, с. 864]. Из этого следует, что русский царь и его ближайшее окружение ясно и чётко понимали важность не устрашающих мер по отношению к местному населению, а наоборот, максимально терпимых и гуманных. Поэтому, многие попавшие в плен сердюки не были казнены на месте, как следует из описания «мазепинцев», но позже были отпущены на поруки сохранивших верность русскому царю родственников, как это было, скажем, с сердюками И. Олениченко, Ф. Гоменко, М. Подсочиным и другими, включая временно отправленных в Москву и Санкт-Петербург [1, с. 134-135].

Кроме того, о том, что жители не были перебиты, свидетельствует тот факт, что после изданного 8 декабря 1708 года гетманского универсала, опровергающего наветы Мазепы, И. Скоропадский выдал 22 декабря 1708 года батуринскому атаману Даниле Харевскому другой универсал, который разрешал батуринцам вновь селиться в городе. И, как пишет историк А.С. Каревин, *«"вырезанные" разрешением воспользовались»* [7].

Не случайно, ссылаясь на опись Батурина 1726 года, украинский историк А.М. Лазаревский писал: *«Разбѣжавшіеся батуринцы, вернувшись на родное пепелище, стали селиться около города, на предмѣстьяхъ, которыя не были окончательно разорены»,* подводя итог, что жители бывшей гетманской столицы *«при Батуринѣ, на предмѣстѣ, послѣ разоренія, на погорѣлихъ и на пустыхъ мѣстахъ поселились вновь по указу покойного гетмана Скоропадского, которій указъ покойнимъ атаманомъ батуринскимъ Даниломъ Харевскимъ публѣкованъ; а иніе живутъ и въ старыхъ домахъ, которіе отъ разоренія уцѣлѣли»* [11, с. 112-113]. Согласно этой описи, в Батурине уже находилось 428 дворов [4, с. 113], что, естественно, было меньше, чем до разорения города. Но с учётом потери Батуриным политического и экономического значения с переносом гетманской столицы в Глухов, ничего удивительного в этом нет.

Профессор Э. Понарин, анализируя данные цитированных выше источников, пришел к заключению: *«То, что батуринские посады (часть города за пределами крепости) были вновь заселены практически сразу же по окончании этих трагических событий, еще раз заставляет усомниться в достоверности сообщений о батуринском избиении»* [17].

¹ В 1708 году, по воспоминаниям, шведов, на Руси была очень суровая зима. Поэтому потери от морозов в шведской армии едва ли не превышали потери в боях и сражениях

Домыслы о кровожадности русской армии опровергает изданный 20 июля 1706 года (перед походом в Польшу) по инициативе А.Д. Меншикова нормативный документ – «Артикул краткий». В основном, он предназначался для драгунской конницы и должен был способствовать укреплению дисциплины и росту её боеспособности. В нём не только запрещалось обсуждать приказы, отставать от рот, покидать посты и спать на караулах, держать блудниц, играть в кости, распевать «скверные песни», затевать свары и тайные сходки, но и категорически указывалось щадить при штурмах женщин и детей, *«разве что от генеральства для причины какой, иное что приказано будет»* [5, с. 327-337]. Тогда поход в западную Польшу закончился блестящей победой 18 октября 1706 года при Калише над объединённой шведско-польской армией.

Однако заключение о малочисленности жертв в Батурине не означает, что жертв среди мирного населения не было совсем. Тем более что обстрел посада сердюками, в случае, если в нём оставались местные жители, мог оказаться для них весьма губительным. Безусловно также, что Батури́нская крепость была полностью разрушена и сожжена, пороха для этого в её погребах было достаточно, и вполне вероятно, что с руководителями обороны А.Д. Меншиков расправился беспощадно, как с врагами и изменниками. А история бежавшего из Батурина полковника Д. Чечеля, которого выдали украинские крестьяне русским властям, это наглядно подтверждает. Но массовой резни мирного населения не было. Поэтому, вслед за Г. Ле Боном (Лебоном) остаётся констатировать, что в данном случае мы имеем дело с такими «фактами» истории, к которым *«следует относиться как к произведениям чистой фантазии, фантастическим рассказам о фактах, наблюдавшихся плохо и сопровождавшихся объяснениями, сделанными позднее»* [19, с. 147].

Источники и литература.

1. Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. Образы и трагедия гетмана Мазепы. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. 208 с.
2. Батурин: ліпимо класику [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://tour-cn.com.ua/publ/55-1-0-199>
3. Бузина О. Истории от Бузины: Батури́нский позор мазепинцев [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/news/12089877.html>
4. Викторов Ю.Г. Забытая полемика // Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти В.И. Злобина. М.: КНОРУС, 2009. С. 105-112.
5. Вольнской Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. СПб., 1912. Вып. 1. Кн. 2. С. 327-337.
6. Истoрiя Русoвь или Малoй Россii. М., 1846. 257 с.
7. Каревин А. Выдумка старого гетмана. Необычный взгляд на «Батури́нскую резню» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://svandrej.at.ua/news/2009-08-29-16>
8. Карпов Г.Ф. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8 января 1654 – 30 мая 1672 года. М.: Тип. Грачева, 1870. 191 с.
9. Катриченко Т. «Скелеты» Батурина [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://glavred.info/archive/2008/07/18/162533-6.html>
10. Коваленко Ю. Последний свидетель Батури́нской трагедии [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.hlukhiv.com.ua/articles/hetman_capital/poslednii_svidetel_baturinskoi_tragedii.html
11. Лазаревский А.М. Исторический очерк Батурина // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. К., 1892. Кн. VI. Отд. II. С. 105-122.
12. Мезенцев В. Археологічні дослідження мазепиної столиці у 2007 р. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.novasich.org.ua/index.php?go=News&in=view&id=3705>
13. Можяев А. До особого распорядження [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://strana.ru/journal/15920582>
14. Нові жахливі історичні факти Батури́нської трагедії знаходять археологи [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ictv.ua/ukr/news_culture.php?news_id=71190
15. Павленко С. «Тот город со всем сожгли». Батури́нская трагедия 1708 г.: факты и домыслы [Электронный режим] // Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/192545/>
16. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. ч. 1, 2. М.-Л., 1948.
17. Понарин Э. Историческая действительность и националистическая мифология [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.edrus.org/content/view/55/62/>
18. Проторская Н. Юрий Ильенко: "Никакой Полтавской битвы не было" [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ng.ru/culture/2003-05-29/6_poltava.html
19. Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН, Изд-во КСП, 1998. 412 с.
20. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Типография Г. Т. Корчак-Новицкого. Киев, 1888. 324 с.

III

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

РОЛЬ КРЫМСКО-ТАТАРСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КРЫМУ

ГИБОВА Е.С.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Проблематика журналистских выступлений крымско-татарских СМИ представляет научный интерес для изучения периодических изданий в ранее неисследованном аспекте. Вопросы межкультурных взаимоотношений и перспективы развития этой сферы в Крыму все чаще становятся объектом для исследования. Сегодня особенно актуальна роль СМИ в развитии межэтнического диалога. Научной разработкой темы становления и развития этнических СМИ в Украине и, в частности, в Крыму посвящены труды Н. Яблоновской, С. Червонной, О. Обремко, С. Суглобина, К. Коростелиной. Анализ роли этнических СМИ в регулировании межнациональных отношений в Крыму в условиях общественно-политических преобразований раскрывает тему в новом ракурсе. Для исследования печатных изданий применяется методика Ирвинга Гофмана [2] – лингвистический анализ языковых средств и экспрессивности выражений, употребляемых в текстах СМИ.

Республиканским комитетом Автономной Республики Крым по делам межнациональных отношений ежегодно осуществляются дотации печатным изданиям крымских татар во исполнение Постановления Верховной Рады АРК с целью развития и свободного использования крымскотатарского языка [1, с. 4.]. Вместе с тем, уровень развития крымско-татарских СМИ в Крыму является недостаточным, не соответствует потенциалу и возможностям региона, поскольку эффективность и координация усилий государственных органов и СМИ в развитии межкультурного диалога в медиапространстве является низкой, вследствие недостаточного развития нормативно-правовой базы информационной сферы; имеется отставание во внедрении информационно-коммуникационных технологий.

Сегодня сложились предпосылки, которые требуют ускоренного развития информационного общества [3]. Крымско-татарский этнос в информационном пространстве представляют: телеканал АТР, информационно-аналитический журнал «Себат», периодические издания «Голос Крыма», «Йылдыз», «Авдет», «Полуостров», «Qırım», «Янъы Дюнъя». «Йылдыз», «Маариф Ишлери». Усилиями крымскотатарских журналистов и общественных деятелей, активистов национального движения глубокие традиции крымско-татарской национальной прессы представлены на страницах современных изданий. Поэтому, на территории современного Крыма наиболее актуальными среди этнической прессы остаются именно крымско-татарские издания. С началом перестройки крымско-татарские культурно-просветительские издания «Йылдыз», «Янъы Дюнъя», «Маариф

Ишлери» публикуют произведения Б. Чобан-заде, И. Гаспринского, А. Гирайбая, Ш. Бекторе, А. Лятиф-заде. Наиболее авторитетным крымско-татарским художественно-публицистическим и литературным журналом становится «Йылдыз». На его страницах публиковались произведения золотого фонда крымско-татарской литературы: стихи и поэмы Эшрефа Шемье-заде, повести Шамиля Алядина, Эмиля Амита, произведения Сабрие Эреджеповой. С 1998 по 2002 гг., при поддержке Фонда «Возрождение», издается детский журнал на крымско-татарском и украинском языках «Йылдызчык – Зірочка», приобщавший к межкультурному диалогу маленьких крымчан. Журнал публиковал стихи и небольшие очерки крымско-татарских и украинских писателей, народные крымско-татарские сказки и юмористические истории с переводом на украинский язык. В конце журнала помещались детские крымско-татарские и украинские песни с нотами, в рубрике «Яш кьалеплер» («Проба пера») дети могли опубликовать свои рассказы, «Словарик дружбы» знакомил детей со словами крымско-татарского и украинского языков.

Первым официальным крымско-татарским изданием стала газета «Къырым» (издается с июня 1989 г.). На пике развития крымско-татарского национального движения ее тираж достигал 19 тыс. экземпляров. Сегодня она издается в формате А3, в объеме 8 страниц. Положение редакции газеты в начале 90-х гг. XX в. было неоднозначным.

С одной стороны, факт государственной поддержки крымскотатарского издания, безусловно, способствовал легитимизации крымских татар в Крыму. Однако, вышеперечисленные газеты, по мнению С. Червонной далеко не всегда объективно отражали процесс адаптации крымских татар, оставляя за рамками статей его объективные трудности [11. с. 84]. Нельзя сказать, что в газете «Къырым» вообще не публиковались острые, критические материалы. В то же время своей толерантностью она внесла значительный вклад в процесс восстановления межнациональных и общественных отношений на полуострове. Издание выходит на двух языках – русском и крымско-татарском. Публикуются материалы о жизни крымских татар, их истории, этнографии, культуре, освещаются все политические движения. Долгое время газета выходила еженедельно тиражом 8 тыс. экземпляров. В последние годы «Къырым» издается тиражом в 4 тыс. экземпляров, выходит два раза в неделю.

Другим официальным крымско-татарским изданием в начале 90-х гг. стала газета Организации крымско-татарского национального движения (ОКНД) «Авдет» («Возвращение»). Первый номер вышел 15 июня 1990 г. газета фокусировала действия разных движений в единое национальное русло. Главный редактор Лиля Буджурова сделала ставку на остроту и агрессивность публикуемого материала. В скором времени газета стала официальной трибуной депутатов фракции «Курултай» и Меджлиса. Сегодня газета «Авдет» выходит на 4 полосах, на русском языке, тиражом в 10 тыс. экземпляров, издается благотворительным фондом «Крым», открытым при поддержке Меджлиса. В газете публикуются научные труды известных историков – И. Керима, В. Возгриня, О. Гайворонского, В. Ганкевича.

Повышение уровня изоляционизма и ксенофобии в СМИ нередко привлекает внимание государственных органов. Республиканский комитет по информации проводит регулярный мониторинг средств массовой информации автономии. В Республиканском комитете по информации разработаны информационные программы, одна из которых - «Межнациональное и межконфессиональное согласие на территории автономии». От того, насколько толерантно представлена информация в СМИ, зависят установки читательской аудитории, направляемой на мирное совместное существование или на усиление межнациональной напряженности [7, с. 2.]. Степень толерантности или интолерантности освещения в СМИ межнациональных отношений может интегрировать, а может дезинтегрировать полиэтничное население региона. В статье 46 Закона Украины «Об информации» говорится о *«недопустимости злоупотребления правом на информацию... информация не может быть использована для пропаганды жестокости, насилия, разжигания расовой, национальной, религиозной, вражды...»*. Поэтому, во главу угла ставится гражданская позиция и ответственность каждого журналиста, освещающего в СМИ проблемы межнациональных отношений.

Как свидетельствуют результаты вышеупомянутого мониторинга, отмечается тенденция к значительному увеличению количества публикаций, освещающих проблемы межнациональных отношений. Заголовки и содержания материалов зачастую носят политически не-

корректный характер. Для журналистских выступлений характерен высокий уровень экспрессивности, интолерантности и конфликтности.

Критерием сопоставления текстов является их тематическая принадлежность. В начале 2004 г. редакции газет «Голос Крыма» и «Авдет» стали объектом мониторинга из-за высокого уровня конфликтности в их публикациях. Из общего числа материалов, включенных в обзор в январе 2004 г., количество интолерантных публикаций составило 35% от общего числа, в феврале – 32,4%, в марте – 48, 9%, в апреле – 34, 3%. Мониторинг проводился по частоте использования в тексте статей определенных «ключевых слов».

Ключевое слово в данном случае – это нацеленное на общественное воздействие, часто зависимое от идеологии оценочное выражение, с которым связываются концепции, социальные значения. Семантические связи предложений можно хорошо определить с помощью концептов «фрейм» и «сценарий». Следует обращать на себя внимание следующие интолерантные материалы, в которых используются лингвистические средства политически некорректного характера:

1. «Судный день» («Авдет» от 15. 07.2004 г.)
2. «Сеансы гипноза в формате «Крымской правды»» («Авдет» от 09.06.2004 г.).
3. «Россия – мачеха» («Голос Крыма» от 18.11.2004 г.)
4. «Новый этнопорядок или великодержавный шовинизм» («Голос Крыма» 14 февраля 2004 г.).
5. «В Крыму власти устали от стабильности, поэтому провоцируют Крымских татар на акции гражданского неповиновения» («Голос Крыма» от 13.02.04 г.).
6. «Отчуждение Южного берега Крыма от крымских татар» («Голос Крыма» от 19.03.04).
7. «Блюстителем правопорядка избит крымский татарин» («Голос Крыма» от 16.04.04).
8. «Ваши мазанки не представляют ценности – так кричат в Крыму послевоенные переселенцы» («Голос Крыма» от 30.01.04).
9. «К 60-летию депортации: теперь мы не в депортации, а в резервации» (там же).
10. «Требую сатисфакции» (там же).
11. «Обидчиков бить или не бить?» («Голос Крыма» от 10.06.04).
12. ««Заведомо ложные сведения» – прикрытие от исторической правды и ответственности перед народом» («Авдет» от 31.03.04).
13. «Воссоединение» завершится выселением?» («Голос Крыма» от 30.04.04).
14. «На крымских татар продолжают лить грязь» («Голос Крыма» от 18.02.05).
15. «В Украине набирают обороты ксенофобия и расизм» («Авдет» от 09.03.09).
16. ««Голос Крыма» и язык вражды» («Голос Крыма» от 16.07.10).
17. «Одна большая ложь, которая покрывает много другой неправды» («Къырым» – «Qırım» от 08.05.10).

Подобные материалы не способствуют стабилизации межнациональных отношений, создают информационную напряженность. В то же время, ожидание адекватного отражения социокультурной ситуации в СМИ способствуют коммуникации в обществе. Здесь важно не противопоставлять интересы разных этнических групп, что представляет угрозу согласию в рамках социума. Межэтническая коммуникация выходит за рамки информационного пространства одного этноса и создает конфликтную ситуацию [4, с. 29-30]. Это можно проследить на примерах газетных материалов других этносов:

1. «Меджлис мятежный ищет бури» («Крымская правда» от 14.01.04).
2. «Братьями люди пока не стали» («Крымская правда» от 16.01.04).
3. «Может ли Украина реабилитировать нацистских преступников, чтобы задобрить Меджлис?» («Крымское время» от 25.02.04).
4. «Крым под пятой экстремистов» («Коммунист» от 23.02.08).

Эти заголовки носят некорректный характер. В то же время, наряду с интолерантными материалами, имеются положительные публикации, а использование двух языков (русского и национального) крымско-татарскими СМИ содействуют межэтнической коммуникации. Как пишет О. Обремко, «диалог культур можно понимать как социокультур-

ный механизм межэтнической коммуникации, ориентированный на активизацию интегративных процессов духовной и материальной жизни общества» [6, с.105]. Диалог культур акцентирует внимание на достижении взаимопонимания. В процессе достижения консенсуса велика роль информационного влияния. Динамику ценностей и интересов аудитории можно проанализировать на примере журналистских выступлений в СМИ как социального института в обеспечении диалоговых отношений в социуме. Как пишет В. Олешко, ситуация осложняется тем, что этничность, будучи значимой приватной сферой жизни человека, способна становиться влиятельным политическим ресурсом, поскольку может быстро сплотить и мобилизовать людей в социальные движения. Именно СМИ выводят этничность из приватной сферы в публичную и сообщают ей ту или иную, в том числе толерантную или интолерантную окраску [7, с.20-22].

С точки зрения организации диалога между этносами от «понимания» и «терпимости» до «уважения», «готовности принять» и далее до «согласия», «желания сотрудничать» – большая дистанция. Поэтому со всей важностью встает вопрос как о мере и степени проявления толерантности в межэтнических отношениях, так и об образцах конструктивных коммуникативных практик, об организации таких отношений СМИ.

Примером толерантных журналистских выступлений, способствующих укреплению межнационального согласия являются публикации о межнациональном согласии:

1. «Духовное возрождение» («Голос Крыма» от 27.01.01).
2. «Рука об руку» («Голос Крыма» от 15.05.2002).
3. «Культура крымскотатарского народа» («Голос Крыма» от 23.02. 01).
4. «Мы должны расширять свой кругозор» («Голос Крыма» от 30.05. 04).
5. «Никакой политической спекуляции, во главе только интересы Крыма» («Голос Крыма» от 18.06.04).
6. «Необходимость диалога» («Авдет»от 23. 02.04).
7. «Летопись эпохи возрождения» («Голос Крыма» от 26.11.04).
8. «В контексте межэтнического согласия» («Голос Крыма» от 19.07. 05).
9. «К вопросу о национальном единстве» («Голос Крыма» от 08.05.09).
10. «Крымские татары – определяющий фактор в отношениях между Украиной и Турцией» («Голос Крыма» от 24.05.06).
11. «Голос Крыма» - окно в мир объективной информации» («Голос Крыма» от 10.06.05).

Примеры толерантности демонстрируют публикации в СМИ других этносов:

1. «Учим толерантности» («Крымская газета» от 22.01.04).
2. «Соцветие национальных культур» («Крымские известия» от 30.01.04).
3. «Мусульмане Украины за духовность, справедливость, соблюдение закона» («Евпаторийская здравница» от 18.02.04).
4. «Национальная толерантность – приоритет для Крыма» («Крымская панорама» от 02.03.04).

По данным центра «Интеграции и развития», в апреле и мае 2010 г. редакция газеты «Голос Крыма» занимала восемь из десяти позиций в ежемесячном антирейтинге наиболее интолерантных газетных материалов. В данном случае изначальная цель этнических СМИ – развитие добрососедских отношений между всеми этносами Крыма в целом, а русским, крымско-татарским и украинским в частности – остается не достигнутой. В то время как на страницах этнической прессы разгораются нешуточные политические страсти, реальные социальные проблемы жизни национальных общин становятся объектом манипулирования.

Таким образом, практической реализацией концепции «Диалога культур в СМИ» в области межнациональных отношений могли бы стать:

1. Организация постоянного мониторинга СМИ Крыма;
2. С научному сообществу, в равной мере исследующего проблемы этнических отношений в регионе.

Развитие крымско-татарской прессы и журналистики – одно из важнейших условий для скорейшей регенерации крымских татар на их исторической родине. Главная проблема

крымско-татарской прессы – нерегулярное финансирование, низкий уровень языка, проблема распространения тиража, нехватка кадров. Крымско-татарская пресса, в свою очередь, выступает дополнительным катализатором решения проблем национального возрождения, а также признания государственного значения крымско-татарской этнокультурной традиции в Крыму благодаря восстановлению общенациональной исторической памяти.

Проблема использования «языка вражды» должна решаться комплексно. Уход от решения проблем этнических СМИ в Крыму фактически лишает нас возможности получать достоверную информацию о жизни многочисленной этнической группы региона. В то же время, литературно-художественные крымско-татарские издания «Йылдыз» и «Янъы дюнъя» приятно читать не только узкому кругу подписчиков, но и просто интересующимся крымско-татарской культурой жителям и гостям Крыма.

Источники и литература.

1. Балаян Б.С. Этническая пресса // Крымский диалог. 21.08.2004. №20-21.
2. Гофман И. Анализ фремов. М.: Институт социологии РАН Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 750 с.
3. Закон Украины «Об основных принципах развития информационного общества в Украине на 2007-2015 годы» от 09. 01. 2007 г. № 537-У.
4. Коростелина К.В. Система социальных идентичностей: опыт анализа этнической ситуации в Крыму. Симферополь: Доля, 2002.
5. Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в СМИ. М., 2002.
6. Межнациональное согласие – залог стабильности и благополучия Автономии // Евпаторийская здравница. 1.08.2012. № 141 (18676).
7. Обремко О.Г. Диалог культур как феномен межэтнической коммуникации // Молодежь XXI века: толерантность как способ мировосприятия. Н. Новгород, 2001.
8. Олешко В.Ф. Культура и средства массовой информации: характер взаимоотношений // Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы. М., 2001.
9. Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
10. Суглобін С. Преса етнічна // Етнічний довідник: У 3-х ч. Ч.1. Поняття та терміни. К., 2010.
11. Червонная С. Крымскотатарское национальное движение. Т. 1. История. М. 1997.
12. Яблоновская Н.В. Этническая пресса Крыма // Симферополь, КрымУчПедГИз. 2006. С. 223-230.
13. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: «Добросвет», «Книжный дом «Университет», 1998. С. 131-192.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1921-1923 ГГ.)

Кузьмина А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

15 ноября 1920 года в Севастополь вступила Красная Армия, в телеграмме В. И. Ленину К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный сообщали: «Среди рабочего населения огромный подъем и ликование по случаю освобождения Крыма от белогвардейцев» [Цит. по: 4]. Оценивая состояние военно-морского флота к моменту окончания гражданской войны, М.В. Фрунзе писал, что в общем ходе революции и гражданской войны РСФСР лишилась большей и лучшей части его материального состава, огромного большинства опытных и знающих командиров, игравших в жизни и работе флота еще большую роль, чем во всех других родах оружия, потеряла целый ряд морских баз и, наконец, основное ядро рядового краснофлотского состава [5].

Практически в ходе I мировой и гражданской войн, иностранной военной интервенции и «русского исхода» ноября 1920 г. Черноморский флот потерял почти все корабли, представлявшие какую-либо ценность. Часть из них революционные моряки по приказу В. И. Ленина затопили у Новороссийска, чтобы не отдавать в руки врага, некоторые погибли в боях. Большинство же кораблей были уведены белогвардейцами в иностранные порты [5].

Таким образом, к концу 1920 г. Морские Силы Черного моря не имели какого-либо боевого значения и были практически обескровлены. В таком же состоянии они находились и в последующие два года. В составе флота имелись преимущественно плохо вооруженные землечерпалки, тихоходные тральщики речного типа, несколько сторожевых катеров. Флот на Черном море пришлось создавать, по существу, заново в сложнейших условиях всеобъемлющей разрухи. Впервые об этом было заявлено на X съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 г.: «...в соответствии с общим положением и материальными ресурсами Советской республики, принять меры к возрождению и укреплению Красного военного Флота» [3, с. 571].

Это постановление коснулось и Севастополя. В мае 1921 года партийная организация города провела мобилизацию коммунистов-металлистов на Морской завод, т.к. из-за невыплаты зарплаты и остановки производства там практически не осталось персонала. Для подготовки квалифицированных рабочих было открыто фабрично-заводское училище. Уже к концу 1921 года выпуск продукции на предприятии достиг 70% довоенного уровня. К концу 1922 года для Черноморского флота были восстановлены 2 эсминца, 5 канонерок, 2 подводные лодки, несколько тральщиков и минных заградителей [4].

В качестве примера деятельности Севморзавода по восстановлению флота, рассмотрим историю двух судов, чья судьба наиболее непростая и интересная – эскадренного миноносца «Занте» («Незаможник») и крейсера «Память «Меркурия» («Коминтерн»).

Эсминцы «Занте» и «Корфу» решено было достроить в первую очередь, поскольку они находились в высокой степени готовности. В 1921 г. черноморские моряки перевели недостроенный «Корфу» из Николаева в Севастополь. Здесь были произведены предварительные ремонтные работы, а в ноябре 1922 г. корабль передали обратно для доделки Николаевскому заводу. Средств для достройки эсминца «Занте» не было. На его ремонт требовалось 30 млн. руб. в денежных знаках того времени. За помощью решили обратиться, как ни парадоксально, к беднейшему крестьянству Украины: 17 октября 1922 г. Всеукраинская центральная комиссия незаможных селян (ВЦКНС) вынесла решение о шефстве трудового крестьянства республики над восстановлением эскадренного миноносца «Занте» и присвоении ему нового наименования «Незаможный». Впоследствии, 29 апреля 1926 г., он был переименован в «Незаможник» (укр. «Бедняк») [4].

4 ноября 1922 г. ВЦКНС постановила провести среди бедноты Украины добровольный сбор 100 тыс. пудов хлеба в фонд средств на восстановление этого эсминца. В итоге было собрано 600 тыс. пудов хлеба и 390 тыс. руб. Отмечая огромную заслугу трудового крестьянства Украины в деле укрепления Военно-морских Сил Республики, экипаж эсминца телеграфировал III съезду ВЦКНС: *«Военные моряки эскадренного миноносца «Незаможный» Красного Черноморского Флота, принимая шефство незаможных селян Украины, искренне заверяют, что они стоят на страже интересов рабочих и крестьян. Сейчас Черноморский флот пребывает в стадии возрождения, и протянутая братская рука помощи незаможных селян нам особенно дорога. Нам радостно сознавать, что крестьянская беднота Украины своей помощью ускоряет дело возрождения Красного Черноморского Флота»* [Цит. по 5]. 7 ноября 1923 г., в дни празднования 6-й годовщины Октября, на достроенном рабочими Николаевского морского завода и экипажем корабля в короткий для того времени срок эскадренном миноносце «Незаможный», был торжественно поднят военно-морской флаг. Это был первый крупный корабль Морских Сил Черного моря, вступивший в строй в годы восстановления флота.

После V съезда РКСМ, принявшего решение о шефстве комсомола над флотом, шефами черноморцев стали комсомольские организации Урала, Украины, Белоруссии, Грузии и Киргизии. К концу 1922 года свыше 6,5 тыс. человек прибыли по комсомольским путевкам в Севастополь на Черноморский флот [5, с. 133]. Все рабочие Севастополя вносили средства на восстановление боевых кораблей. В январе 1923 года по решению ЦК РКП(б) в стране проводилась «неделя Красного флота».

Уже в 1922 г. начался постепенный ввод в строй катеров, эскадренных миноносцев, подводных лодок. Встал вопрос и о восстановлении крейсера «Память «Меркурия». Техническое состояние корабля было неудовлетворительным. При бегстве из Севастополя, как отмечают авторы книги «Крейсер «Коминтерн»», *«белогвардейцы вывели на нем из строя энергетическую установку, артиллерийское вооружение. Большая часть орудий и приборов управления артиллерийским огнем отсутствовала, котлы требовали замены трубок, четыре цилиндра главных машин были взорваны, часть электротехнического оборудования демонтирована, а часть — выведена из строя, трюмная система повреждена. Машинное отделение заполнено горами взорванного металла, а трюмы — водой»* [5; 2, с. 99].

Капитан 1 ранга в отставке П.И. Петров, прибывший в 1922 г. добровольцем на Черноморский флот, впоследствии писал: *«Мы увидели чудовищную картину злодеяний белогвардейцев и интервентов. На кораблях были взорваны главные машины, котлы и водонепроницаемые переборки. Все вспомогательные механизмы полуразрушены и покрыты ржавчиной. Прежде чем восстановить крейсер, нужно было вынести сотни тонн взорванного металла и тысячи тонн застоявшейся вонючей жижи»* [5].

Флот в целом, и крейсер «Память «Меркурия» в частности, испытывал колоссальные трудности в снабжении всеми видами довольствия. Корабль был укомплектован лишь частично. Команда жила в казарме, на крейсере несли вахту только наряды. Многие специалисты сомневались в возможности его восстановления [2, с. 99].

В канун 1923 г. морское командование Республики, отмечая заслуги моряков в пролетарской революции и строительстве РККФ, многим кораблям дало новые наименования. Учебное судно «Память «Меркурия» было переименовано в «Коминтерн».

Когда в Севастополе было получено это известие, на корабле прозвучал сигнал «Большой сбор». По нему вся команда, кроме дежурной службы, выстроилась на верхней палубе. Командир крейсера И.П. Шабельский перед строем зачитал приказ, а комиссар И.П. Бойцов произнес речь, в которой подчеркнул: *«...учебному кораблю дано гордое имя «Коминтерн». Он будет первым крупным боевым кораблем Красного Черноморского флота. На «Коминтерне» произведена пока только половина работ. Еще не дымят трубы крейсера, еще не вращаются его винты и не стреляют орудия. Но недалек тот день, когда крейсер «Коминтерн» под Красным флагом появится в водах Черного моря»* [Цит. по 5].

17 января 1923 г. на общем собрании коллектив Морского завода взял на себя социалистическое обязательство: *«Приложить все усилия, направленные к скорейшему оконча-*

нию ремонта крейсера «Коминтерн», а всем рабочим помнить, что каждая выпущенная морская единица гарантирует благополучие всех граждан Республики и в материальном отношении, и в политической устойчивости нашей страны. Общими усилиями, своим героическим революционным энтузиазмом даем обещание: «Коминтерн» выпустить из ремонта к 1 мая 1923 года» [4]. Однако, хотя командование флота настаивало, чтобы учебный корабль был введен в строй к началу летней кампании, администрация завода эти сроки считала нереальными. Вопрос о сроках восстановления корабля дважды рассматривался в Совете Труда и Оборона СССР. В результате всестороннего обсуждения СТО постановил, чтобы все работы по капитальному ремонту учебного судна «Коминтерн» были окончены не позднее 15 июня 1923 года. В соответствии с этим правительственным решением, в договоре указывались конкретные сроки ремонта по каждому виду работ [5].

Работы производились одновременно на всех объектах: на ремонте главных машин, котлов и других механизмов, установке фундаментов и подкреплений для палубных и казематных 130-мм орудий, переоборудовании погребов для артиллерийского боезапаса (по сравнению с прежними на корабле предполагалось установить совсем иные артиллерийские системы, при этом изменялось и их расположение) [2, с. 100].

30 апреля 1923 г. крейсер «Коминтерн» был переведен из учебных в боевые: теперь он становился кораблем 1 ранга. В тот же день выведен на рейд Северной бухты и поставлен на якорь. В канун Первомая завод, окончив капитальный ремонт, предъявил крейсер к ходовым испытаниям.

За успешное выполнение работ по восстановлению судов 19 ноября 1923 г. Севастопольский морской завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени УССР. Подводя определенный итог, можно заметить, что Севастопольский Морской завод сыграл важную роль как в восстановлении Черноморского флота и обеспечении обороноспособности стран, так и в развитии города Севастополя [1, с. 44].

Источники и литература.

1. История фабрик и заводов. Севастопольский Морской. Очерк. - Симферополь, «Таврия», 1976. 127 с.
2. Корабелы Севастополя. Л.: Судостроение, 1983. 227 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференции и пленумов ЦК Изд. 7-е. М., Госполитиздат, 1953, ч. I.
4. Степанов Ю. Г., Цветков И. Ф. Эскадренный миноносец «Новик». Л.: Судостроение, 1981. 224 с. // Сайт Военно-Морская Библиотека. Режим доступа: <http://navycollection.narod.ru/library/novik/contents.html>
5. Степанов М.Е., Спахов С.Ф. Крейсер «Коминтерн» / Лит. обработка А. С. Мареты [Электронный ресурс]. К.: Политиздат Украины, 1990. 187 с. // Режим доступа: http://ava.telenet.dn.ua/bookshelf/Spahov_S_F_Stepanov_M_E%20-%20Krejser_Komintern/index.html
6. Черноморский флот. Исторический очерк. М.: Воениздат, 1967. 344 с.

ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ СЕВАСТОПОЛЬСКИХ КАРАИМОВ В 20-Е ГОДЫ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА Г. СЕВАСТОПОЛЯ)

ТЕРЕЩУК Н.М.

Севастопольский городской Совет депутатов

В 20-е годы XX в. страной Советов был принят курс на ограничение возможности участия отдельных категорий граждан в политической жизни. В этот период самое широкое распространение получил институт т.н. «лишенчества». Согласно статье 65 (раздел IV, гл. 13) Конституции РСФСР 1918 года, не могли избирать и быть избранными те, кто относился к следующим категориям [15]:

- а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;*
- б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.;*
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;*
- г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;*
- д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома;*
- е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой;*
- ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором».*

Конституция Крымской ССР 1921 года (раздел IV, ст. 30) и Конституция РСФСР 1925 года (раздел IV, гл. 6, ст. 69) подтвердили ранее установленные ограничения [16, с. 256-262]. Лишение избирательных прав определенных категорий населения сегодня рассматривается историками в контексте карательной репрессивной политики государства и считается одной из форм репрессий. При этом данное действие справедливо увязывается с общей политической ситуацией в стране в указанный период времени.

В конце 1920-х гг. Севастополь представлял собой развивающуюся главную базу Черноморского флота молодого советского государства. Расширялся военный порт и морской завод, заметно возросло население города, в Севастополь перевели эскадры кораблей с Балтийского флота. Остро встал вопрос жилищного строительства, для чего необходимо было время. Между тем, прибывшие военнослужащие с семьями, общим числом около 11 тысяч человек, требовали предоставления жилья в кратчайшие сроки [22, с. 295]. Эта проблема частично была решена за счет группы «лишенцев», которым предписывалось выселиться из Севастополя в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1930 года [22, с.295].

Политика лишения избирательных прав была не просто открытой – она сопровождалась доведением до сведения населения отпечатанных типографским способом списков «лишенцев». Новое слово «лишенец» стремительно входило в обиход. «Лишенцев» выселяли из собственных домов, увольняли с работы, у многих из них конфисковывали имущество. В неуютную советской власти социальную прослойку попали служители культов и экономически активные представители населения. Всех, кто в 1920-е годы занимался торговлей, был коммерческим посредником, домовладельцем, ждала участь «лишенца». Борьба с «нетрудовым элементом» не зависела от национального состава населения. В число «лишенцев» попали представители всех этнических групп, проживавших в Севастополе и Севастопольском районе. Так, среди «враждебно» настроенной категории граждан в Севастополе оказались 492 еврея, 89 караимов и 68 крымчаков [1, с. 26]. Наиболее активные добивались восстановления в правах, но, как правило, таких было очень немного. По указанным группам восстановления сумели добиться 7, 11 и 8 процентов соответственно.

Серьезные исследования института «лишенчества» по различным регионам истории начали проводить только со второй половины 1990-х годов. Что касается Крыма, то среди немногочисленных работ по данной тематике (а также по истории караимских общин в 1920-х – 1940-х гг. в целом) [9, с. 376-397; 10, с. 87-94; 13, с. 73-76; 14, с. 74-81; 17; 18; 19, с. 182-198; 20, с. 106-109; 24, с. 257-262] следует выделить диссертацию Л.А. Серокуровой «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов» [21]. Эта работа наиболее полно отражает ситуацию с лишением избирательных прав, в том числе, и в среде караимов.

В задачи настоящей публикации не входит изучение института «лишенчества» в Крыму на основе общих законодательных и нормативно-правовых документов. Собранный материал имеет региональную привязку; он изучался, в основном, по персональным делам севастопольских «лишенцев», хранящимся в Государственном архиве г. Севастополя. Целью исследования является анализ материалов, касающихся одной этноконфессиональной группы населения Крымской АССР – караимов.

В ходе изучения архивных и других данных неожиданно выяснился один немаловажный факт: выявленные данные о караимах-«лишенцах» не совпадают с официальной статистикой, представленной в документах местных органов власти. Вместо указанных выше 89 репрессированных караимов их выявлено 106 чел. Кроме того, в официальной статистике почти в три раза было уменьшено число караимов, восстановленных в избирательных правах после их обращения в соответствующие инстанции. Таким образом, из общего количества первоначально репрессированных караимов-«лишенцев» каждый третий был фактически оправдан и реабилитирован. Среди восстановленных в правах число мужчин и женщин практически было одинаковым. Что касается возраста, то наибольшее количество наказанных лишением прав выпало на возрастную категорию от 50 до 60 лет, что вполне объяснимо, если принять во внимание социальный состав репрессированных. Прежде всего, это экономически активные люди с устоявшимися взглядами, давно и уверенно ведущие свое дело и не во всем согласные с политикой новой власти по отношению к частным предпринимателям. Наоборот, в возрастной категории до 20 лет «лишенцев» было всего двое, а в самой старшей – от 70 до 80 лет – только четверо.

Ознакомление с архивными делами караимов-«лишенцев» позволяет сделать вывод о том, что к большинству пострадавших была применена ст. 15-з «Инструкции ВЦИК о выборах» – лишение прав за торговую и посредническую деятельность. «Лишенцам» было чрезвычайно трудно доказать, что торговля велась не ради прибыли, а исключительно для обеспечения семьи. Так, например, севастопольский караим Исаак Вениаминович Кальфа, который ранее из-за бедности вынужден был оставить 3-й курс медицинского факультета одного из российских университетов, писал в своем объяснении: *«Будучи обременен большой семьей родных, из которых 3 инвалида, я вынужден был приняться временно, до подыскания службы, за мелочно-бакалейную торговлю на лотке на открытом воздухе»* [2, л. 3]. Его лишили избирательного права за то, что, имея бесплатный патент на торговлю, он варил домашнее повидло, изготавливал и продавал мороженое. Добиться восстановления в избирательных правах он смог только через ВЦИК РСФСР в 1930 году. Это – один из примеров ошибочного применения избирательного законодательства, когда комиссия не учла права инвалидов и разрешение торговли по бесплатному патенту, выдававшимся финансовыми органами для самообеспечения этой категории населения.

То, что часть «лишенцев» в результате апелляции была восстановлена в правах, объяснялось не гуманностью органов власти, а лишь тем, что некоторые из них, кто торговал по патенту в период НЭПа к моменту начала кампании по лишению избирательных прав, уже на протяжении не менее 5 лет как стали обычными тружениками. Причем часть из них работала по основному профилю – в госпредприятиях торговли.

Например, караим Лазарь Семенович Харсун начал трудовую деятельность в 14 лет, работая в Феодосии на табачной фабрике Стамболи с 1898 по 1911 годы. С 1911 года служил в Симферополе в музыкальном магазине Чорефа, что, по-видимому, в дальнейшем и повлияло на его профессиональную специализацию. Будучи призван в первую мировую войну в русскую армию, в 1915 году он был демобилизован как больной туберкулезом. До установления

советской власти в Севастополе, владел нотной-музыкальным магазином, а впоследствии состоял на службе в качестве писаря рабочей роты Севастопольской морской крепостной артиллерии, где прослужил с февраля по апрель 1921 года, а затем был уволен по решению ревкома в связи с достижением предельного для службы возраста. В 1920-е годы Л.С. Харсун работал продавцом нотной-музыкального отдела в Представительстве Госиздата РСФСР в Севастополе, на аналогичных должностях в Севастопольском отделе народного образования и в Центральном рабочем кооперативе «Труд». В 1928 году, в связи с ухудшением здоровья, уволился с работы и, испытывая материальные затруднения, вынужден был жить на доходы от своего дома, сдавая его внаем. На ходатайство о восстановлении в избирательных правах Л.С. Харсун трижды получал отказ. И лишь 23 апреля 1930 года, согласно постановлению специальной комиссии по устранению нарушений избирательного законодательства, он был исключен из списков лишенных избирательных прав как находившийся на протяжении продолжительного времени на государственной службе и имевший непродолжительное время незначительный доход от дома [3, л. 6].

Следующая группа – священнослужители. Следует сказать, что из этой группы практически никого в избирательных правах не восстанавливали. Минимальный шанс давало официальное и публичное отречение от сана. В Севастополе был единственный священник, караимский старший газзан Товий Симович Леви-Бабович (1879–1956), который от сана не отрекся. В 1928 году он проживал в центре города, вместе с матерью, тремя братьями и сестрой. На момент лишения избирательных прав был вдовцом. Несмотря на представленные Т.С. Леви-Бабовичем доказательства, что он является священником прихода общины, его все же лишили избирательных прав. 10 февраля 1930 года Президиум ВЦИК принял постановление, по которому местным органам власти разрешалось производить выселение из Севастополя лиц, лишенных избирательных прав. В персональном деле караимского газзана на опросном листе стояла размашистая резолюция «Выселить» и справка адресного стола о том, что Т.С. Леви-Бабович выбыл из Севастополя [4, л. 2,5].

В характеристике газзана караимской кенасы, данной ему властями, в частности, говорилось, что он – *«большой агитатор и всегда находится среди караимов, пользуется среди них большим авторитетом и уважением, (он) имеет высшее духовное образование, и считается ученым археологом <...> Они (караимы) находятся под его влиянием, благодаря чему не могут извне получить должное понятие о лжеучении своего ловкого, умного и корыстного проповедника»* [11, с. 191]. В своем заявлении, поданном в Особую комиссию Севастопольского горсовета, Т.С. Леви-Бабович доказывал необходимость существования в городе караимской кенасы и оставления его самого в Севастополе, как единственного священника караимского общества [4, л. 3]. Однако в этой просьбе газзану было отказано. Очевидно, его выселение послужило лишь поводом для закрытия кенасы и передачи ее в пользование госучреждению. После этого распоряжения властей и закрытия кенасы в Севастополе Т.С. Леви-Бабович в 1934 году покинул Крым. Из его писем к своим братьям, сестре и сыну, хранящихся сегодня в личном архиве Д.С. Гумуша в Севастополе, в караимском обществе «Фидан», становится известно, что Т.С. Леви-Бабович отправился сначала в Одессу, а затем в Грецию; последнее письмо было отправлено им из Каира. Там, в общине караимов Каира, изгнанный со своей родины священнослужитель был избран на должность гахама, и этот пост он занимал вплоть до смерти в 1956 году [8, с. 56-58].

Анализируя архивные документы, можно предположить, что, лишая население избирательных прав, власти смотрели на это довольно прагматично, ставя перед собой вполне конкретную цель – внести раскол между поколениями. Возможно, это делалось для того, чтобы уменьшить количество «лишенцев» более молодого поколения, которых еще можно было перевоспитать. Например, караим Кара Яков Маркович, которому в 1928 году было 19 лет, лишенный избирательных прав как иждивенец, в своем ходатайстве в избирательную комиссию при Севастопольском райисполкоме пояснял, что материально не зависит от своих родителей и имеет самостоятельные заработки. Он представил промысловый патент 1-го разряда, подтвердил документами, что работает как кустарь-одиночка, профессиональным фотографом, и указал, что состоит в товариществе «Фотоработник».

Я.М. Кара заявлял, что он, как член караимского клуба, исполняет в нем обязанности казначея и принимает активное участие в работе клубного драмкружка [5, л. 3]. 12 февраля 1929 года на заседании Севастопольской городской избирательной комиссии Яков Кара был исключен из списка «лишенцев» [5, л. 6].

Вообще, необходимо подчеркнуть, что активная общественная работа играла большую роль в создании положительной репутации, была несомненным плюсом для молодых людей. Представители старшего поколения в силу известных причин не могли принимать активного участия в общественной жизни, и потому, оказались в менее выигрышном положении. Практически невозможно было восстановиться в избирательных правах и женщинам. Они, как правило, занимались домашним хозяйством, не состояли в профсоюзе и не вели общественную работу. Доказать свою материальную независимость им было практически невозможно. Женщин восстанавливали в правах только в тех случаях, когда в них восстанавливали главу семьи.

Выявлялись случаи, когда работающие в госсистеме мужчины фактически оказывались иждивенцами своих жен-торговок. Так, караим Марк Яковлевич Кара был лишен избирательных прав именно как иждивенец жены. Однако в ходатайстве о восстановлении он сумел доказать, что материально от нее независим, имея сапожное ремесло, которому обучился у своего отца. Самостоятельный трудовой источник дохода послужил поводом для восстановления в избирательных правах [6, л. 13].

Из общего числа караимов только один был лишен избирательных прав за службу у белых. Борух Юфудович Тонгур, юрист по образованию, после окончания с отличием Севастопольского городского шестиклассного училища поступил в Новороссийский университет в Одессе и учился на средства, выделяемые ему кассой взаимопомощи студентов-караимов [7, л. 19]. Сохранился документ, свидетельствующий, что за период с 1908 по 1913 год его задолженность кассе составила 233 руб. По ходатайству одесского полицеймейстера перед университетом, ввиду тяжелого материального положения Б.Ю. Тонгура, он был освобожден *«от платы за право держания государственного экзамена»* [7, л. 33]. В 1916 году Борух Тонгур был мобилизован и служил в Севастопольской крепостной артиллерии. После занятия Крыма немцами был уволен с военной службы и занялся адвокатской практикой. В 1919 году был мобилизован белыми. После установления советской власти в Севастополе он служил в рядах Красной армии, и в 1922 году был демобилизован. По согласованию с ГПУ в Москве, был снят с учета и зачислен в запас административного состава РККА. Все эти сведения были документально подтверждены и представлены Б.Ю. Тонгуром в Севастопольскую городскую избирательную комиссию, которая 14 мая 1929 года восстановила его в избирательных правах. Но через два года он был арестован, и, постановлением «тройки», как бывший врангелевский офицер, Б.Ю. Тонгур на 5 лет был отправлен в ГУЛаг. Наказание отбывал в Беломорско-Балтийском исправительно-трудовом лагере. Из материалов дела видно, что после пересмотра дела в 1932 году он был освобожден и уехал в Одессу [7, л. 56].

Следует также сказать, что в избирательную кампанию 1928/1929 годов центральные исполнительные органы настаивали на соблюдении обязательной процедуры документального подтверждения основания к лишению прав.

Таким образом, на основании сохранившихся в делах ГАГС справок из финотдела, документов о выборке торгового патента, договоров о найме, справок о трудовом стаже можно проанализировать то имущественное положение «лишенцев», которое повлияло на ограничение гражданских прав. Анализ персональных дел караимов также позволяет сделать вывод о том, что в советской бюрократической системе часто наблюдалось довольно формальное отношение к процедуре применения к отдельным гражданам репрессий в виде лишения избирательных прав. Иначе не было бы столь большого количества дел «лишенцев», спустя некоторое время в этих правах восстановленных. Кроме того, хотелось бы отметить, что, применительно к Севастополю, лишение избирательных прав в значительной степени являлось задачей стратегического характера, нежели социального.

Источники и литература.

1. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС). Ф. Р-79. Оп. 2л, Д. 106.
2. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 1787.
3. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 2762.
4. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 345.
5. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 1856.
6. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 1693.
7. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 2661.
8. Баккал Е.Г., Белый О.Б. Некоторые исторические документы из архива караимского просветителя Давида Марковича Гумуша (1899–1980) // Материалы Двенадцатой Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Академическая серия. Выпуск 18. М., 2005. С. 56–68.
9. Белый О.Б. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 376–397.
10. Вакатова Е.Г. Лишение избирательных прав // Немцы в Крыму: очерки истории и культуры. Симферополь 2000. С. 87–94.
11. Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы. // В поисках утраченного единства. Сб. статей. Симферополь, 2005. С. 191.
12. Ельяшевич Б.С. Караимский Биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры»; Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2. С. 120.
13. Катунина Е.В. Деятельность уполномоченного совета по делам религиозных культов в Крыму в 1944–1946 годах // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 57, Т. 2. С. 73–76.
14. Катунина Е.В., Катунин Ю.А. Причины ликвидации религиозных общин караимов в 40–60-е гг. XX в. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 62. С. 74–81.
15. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.). Режим доступа: Сайт Конституции Российской Федерации. <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/13/#4500>.
16. Конституция Крымской ССР (ноябрь 1921 г.) // Крымская АССР (1921–1945). (Прилож.). Симферополь, 1990. С. 256–262; Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.). Режим доступа: Сайт Конституции Российской Федерации. http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508617/chapter/6/#46000.
17. Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму. Права голоса лишены. Симферополь, 1998;
18. Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В. Политические репрессии в Крыму (1920–1940 гг.). Симферополь, 2003.
19. Прохоров Д.А. Караимские общины Крыма в 1920–1930-х годах. К вопросу о развитии караимского народного образования в условиях национально-культурного строительства в Крымской АССР // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 17. С. 182–198.
20. Рибак І.В. Особливості радянської релігійної політики в Криму у другій половині 20-х років // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2002. № 36. С. 106–109.
21. Серокурова Л.А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов (1921–1936): Автореф. дис. канд. ист. наук / 07.00.02 Отечественная история; Москва, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2010. 23 с.
22. Серокурова Л.А. Проблема «лишенцев» в Севастопольском регионе в 1920–1930-е годы // Социальная история. Ежегодник. 2008. СПб., 2009. С. 295.
23. Терещук Н.М. Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы // В поисках утраченного единства. Сб. статей. Симферополь, 2005. С. 224.
24. Фесенко А.А. Лишение избирательных прав крымских татар в 20–30-е гг. XX столетия в г. Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое: Сборник научных статей сотрудников государственного архива г. Севастополя / Сост. В.В. Крестьянников. Севастополь, 2006. С. 257–262.

IV

НАУЧНОЕ

ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

КЕРЧЬ В ОПИСАНИИ МАРКИЗА ГАБРИЭЛЯ ДЕ КАСТЕЛЬНО

АВСЕНЁВА С.Н.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Габриэль де Кастьеьно

Габриэль, барон де Кастьеьно д'Орос (Рис. 1.) (1757–1826) – сын Пьера де Кастьеьно, капитана и кавалера Св. Людовика. Учился в коллеже Соррез в бенедиктинском аббатстве. После учебы стал адвокатом, затем – советником палаты дознания местного парламента. Оставался на этой должности до 1790 г., вплоть до упразднения парламента.

Кастьеьно активно участвовал в интеллектуальной жизни местного общества. В разгар Великой французской революции вместе с младшим братом покидает свой замок, а в 1791 г. и Францию. В 1797 г., по приглашению императора Павла I, он отправляется в Россию. В России стал известен как маркиз де Кастьеьно.

В 1798 г. он – цензор французских спектаклей при дворе императора. За это время опубликовал несколько литературных сочинений. После Реставрации Габриэль де Кастьеьно направился в Париж. Здесь он стал кавалером Св. Людовика и официально получил титул маркиза.

Значительным событием в жизни маркиза де Кастьеьно была публикация его труда по истории Новороссии. Три тома сочинения вышли в свет в 1820 г. в Париже (в 1827 г. книга была переиздана).

Первый том охватывает историю Северного Причерноморья в эпоху античности и средневековья, начиная от периода скифов вплоть до взятия Константинополя турками. Во втором томе повествование ведется до присоединения Крыма к России при Екатерине

II. Здесь содержится географическое описание Новороссии и изложены размышления автора о перспективах аграрного развития края.

Третий том посвящен историческим событиям, современником и свидетелем которых был сам автор. Главной целью сочинения было познакомить иностранцев с еще малоизвестными краями и предоставить необходимую информацию европейским негодичантам, заинтересованным в перспективах черноморской торговли.

Сочинение завершалось пространным описанием путешествия автора в Крым. Последние годы жизни маркиза проходили в однообразном уединении. Он не был женат, законных детей у него не было. Умер в 1826 г. [4, с. 15-26].

Описание путешествия по Керчи, совершенного между 1810 и 1812 гг., Габриэль де Кастельно приводит в третьем томе своего сочинения под названием «Опыт древней и современной истории Новороссии. Статистика провинций, ее составляющих. Основание Одессы: ее успехи, ее настоящее положение; подробное описание ее торговли. Путешествие в Крым в интересах сельского хозяйства и торговли. С картами, видами, планами и т.д.».

Вооружившись трудами Геродота, Плиния и Страбона, путешественник направился по южному побережью в Керчь. По пути описывает встретившееся ему грязевые вулканы¹. Описание их извержения и поведения вообще он приводит, опираясь на исследования П.С. Палласа: «... С Арабата я уехал и направился к дороге, ведущей из Кафы в Керчь, достигнув ее, я повернул направо в сторону холма Джау-Тепе², который был сформирован извержением грязи. Эти извержения не так уж часты здесь, и я не узнал, есть ли, за исключением острова Тамани и в окрестностях Керчи, примеры этого явления. Вулканы, столь многочисленные во всех частях мира, отсутствуют в новой России, и мы не знаем, что представляют эти взрывы грязи, и все же они широко распространены в той местности, где ранее было древнее Боспорское царство. Около Керчи и Тамани земля пригодная для добычи нефти³, и там много воронок выброса грязи и смешанного упругого газа. Эти извержения грязи сопровождаются звуком, похожим на гром. Столб огня поднимается как при извержении вулканов, но длится гораздо меньше и продолжает курить после взрыва, а из материала лопнувшего пузыря начинает готовиться новый взрыв. Вот какую мысль профессор Паллас выразил по поводу этих частых взрывов. На территории Тамани и Керчи возрастает вероятность того, что слой угля за многие века создал очень глубокие ожоги на этих землях, что может привести к тому, что остров Тамань покроется им совсем. Когда море вот-вот прорвется в полости сожженных слоев, естественно думать, что расширение осуществится путем уменьшения водяного пара, а также взаимодействия различных газов, верхние слои атмосферы разорвутся, и газы найдут пути проникнуть наружу; как только путь будет найден, эластичное расширение газов смешается с грязью (что может быть в результате сочетания угля, горючих сланцев и морской воды), смесь разбухнет и произойдет дальнейший рост залива, пока все не вернется к состоянию равновесия...» [7, р. 238-240].

Далее его внимание привлекли остатки «старых укреплений херсонеситов», описание которых дает возможность предположить, что речь идет об Узунларском вале⁴: «... Подъезжая к Керчи, около 26 километров от города, вы пересекаете старые укрепления

¹ Уникальная долина активных грязевых вулканов находится в 10 км от города Керчи, недалеко от побережья Азовского моря. Грязевые вулканы в Крыму расположены только на Керченском полуострове. Глубина их достаточно велика – до 6 км. А вот высота небольшая – 0,2-5 м. Обычно грязевые вулканы холодные. На Керченском полуострове таких вулканов больше 50. Но не все действующие.

² Джау-Тепе – самый крупный грязевой вулкан Крыма. Расположен на юго-западе Керченского полуострова, возле современного с. Вулкановка. Высота – 60 м, диаметр в основании превышает 500 м. В переводе с татарского Джау-Тепе означает «враг-вершина», «вражья гора». Такое название вулкан получил не случайно – в XVII в. катастрофическое извержение уничтожило селение на склоне горы. В XX в. извержение происходило шесть раз. Вулкан извергал потоки грязевой лавы также в 1909, 1914, 1925, 1927, 1937 и 1942 гг. [2, с. 132-146].

³ Разведки нефти много лет проводились на полуострове французской компанией. Небольшие количества ее встречены во многих местах, но больших скоплений, которые могли бы обеспечить правильную и продолжительную эксплуатацию, не найдено. Некоторые разведочные скважины достигали глубины 535 м [6, с. 9].

⁴ Узунларский (Аккосов) вал тянулся от Азовского моря (у с. Белинского) до северной оконечности Узунларского озера. Был возведен предположительно в IV или в начале III в. до н.э. [3, с. 142].

херсонеситов, которые отделяли Босфор, здесь была стена, которая имеет в своей основе чуть меньше 100 футов диаметра, а также ширину около 50. Направление этого укрепления почти прямое с севера на юг, начинается с Азовского моря, чуть выше деревни Ак-Коз¹, и заканчивается у Камыш-Буруна на озере Итар-Альчик²; это озеро находится на краю Черного моря, все коммуникации по суше между двумя государствами были прерваны во время войны...» [7, р. 240].

Затем, после некоторого продвижения по холмистой степи, появляется Керчь. Город, бывший некогда великим Пантикапеем и Боспором, по словам путешественника, совершенно незаслуженно предан забвению. Капельно прошел весь его, обнаружив лишь несколько старых зданий.

Здесь люди, в частности, торговцы, как он говорит, стоят окруженные многочисленными древними развалинами и будто не замечают их: «... Равнина продолжается короткое время, земля возвышается по приближении к Керчи и покрывается курганами, дальние из которых подвержены извержениям грязевых вулканов. По дороге встречается то растительность, то мы входим в ущелье, которые следуют по дороге и должны привести нас к проливу. Затем появляется Керчь, она находится на краю пролива. Это место когда-то носило такие известные имена, как Пантикапея, потом – Боспор. Эта древняя репутация была заменена очень жестоким забвением. Я обыскал весь город и увидел только отдельные старые здания. Крепость по-прежнему существует и надпись сообщает: “Мы добавили несколько укреплений”. Есть казармы для гарнизона и за несколько километров две батареи под названием Павловская³ и Александровская⁴, они являются истинной обороной пролива. На едином пространстве, окруженном холмами, я заметил рынок или базар, где были греческие рыбаки, которые, похоже, не замечали окружающих их развалин...» [7, р. 240-241].

Как и все его предшественники, побывавшие в городе ранее, Капельно не обходит вниманием многочисленные остатки древних сооружений, памятников, разбросанных повсюду: «... Вокруг Керчи много развалин, некоторые из них реальные, из мрамора, фрагменты колонн, стен, в частности, что на горе Митридат, некоторые выдуманные, как, например, могила этого царя Понта, и, я думаю, нужно вспомнить историю...» [7, р. 241].

Далее кратко освещаются события из жизни и деяний Митридата Великого, начиная с момента его предательства Фарнаком II, и затем говорится, что римское господство также оставило в городе заметный отпечаток: «... Митридат передал своему сыну Фарнаку послание с несколькими из его охранников в надежде вернуть его к исполнению своих обязанностей. Эти призывы стали бесполезны, и он прибегнул к яду, содержащемуся в эфесе ипаги, он подал его своим дочерям Ниссе и Митридате, предназначенным царю Кипра и Египта, две царевны умерли. Митридат, знакомый с противоядиями, увидел, что наступление смерти слишком медленно, и он приказал Бетоиту воткнуть ипагу ему в грудь. Фарнак был более чем отцеубийцей, потому что он еще и оскорбил окровавленное тело своего родителя и послал к Помпею. Тот показал себя щедрым и захоронил Митридата в гробнице отцов его, но он потерял свой благородный характер, отдав Фарнаку в царствование Понт. Римское господство также оставило след в Керчи или Пантикапее. Это признано, что он сегодня в руинах, они повсюду: остатки могил, стены, покрытые травой, количество которой продолжает увеличиваться по мере приближения к Еникале...» [7, р. 241-242].

Далее следует несколько слов о Ени-Кале и Боспорском проливе, переправляясь через который, Капельно отметил суровость здешних холодов и был вынужден согласиться со Страбоном, что пролив замерзает зимой: «... Это место [Ени-Кале], где канал имеет наи-

¹ Недалеко от нынешнего с. Романово.

² Озеро Узунларское.

³ Укрепления, построенные после занятия Керчи и Еникале русскими в 1771 г. на т.н. Павловском мысу [5, с. 162]. Батарея, расположенная в наиболее узкой части Керченского пролива, просуществовала до Крымской войны. Сейчас на ее месте расположены укрепления крепости «Керчь», возведенные после Крымской войны [3, с. 139-140].

⁴ Располагалась неподалеку от Павловской.

меньшую ширину. Крепость эта являет смешение различных структур, построенных из камня. Есть казармы, очень мало домов в хорошем состоянии. В этом районе мы находим много мрамора в руинах. Мы должны отметить богатство царей Боспора, которые населяли эту часть Крыма. Боспор, или пролив, отделяющий Европу от Азии, около 40 миль, тянется с севера от Азовского моря, на юге начинается от Черного моря. Его ширина колеблется, но в пяти милях от Еникале легко плавают на сторону Азии¹. Я говорил в контексте истории новой России, что военачальник Митридата выиграл морское сражение в том же месте, где он воевал с его же врагом на льду зимой². Мы уже отмечали, что холод здесь особенный, и мы вспомним свидетельства об этом Страбона, которые по своей необычности являются здесь очень актуальными. Эратосфен оставил нам надпись на бронзовой вазе в храме Асклепия³ в Пантикапее. Ваза лопнула от мороза, а надпись гласит следующее: «Если кто-то не хочет верить, что здесь холодно, он может быть уверен, увидев эту вазу. Священник Стратиус поставил ее здесь не в качестве подарка достойного бога, а как памятник чрезвычайным холодам». Я доложил в примечании к главе IV, при описании новой истории России, что был найден камень, на котором было выгравировано: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по льду...»⁴, что говорит о здеишних холодах еще с того времени. Никакие потрясения не тревожат эту часть пролива, хоть она и так близко от грязевых извержений и ширина ее такая же и сегодня...» [7, р. 242-244].

Отмечает путешественник обилие здесь различных пород рыб. Сожалеет о трудностях переправы через пролив, в связи с тем, что в месте наименьшего расстояния между берегами (от Ени-Кале) существуют сложности с транспортом и обслуживанием вообще. Но, приложив некоторые усилия, путешественник все-таки отправляется на Тамань: «... Боспор богат всеми видами рыбы, но в основном осетром, она солится, и греки, задействованные в этой отрасли, имеют хорошую торговлю. Было бы гораздо быстрее попасть из Европы в Азию, если отправляться из Еникале; путешествие длится только полтора часа в хороший ветер. Но нет здесь людей, населяющих ее, и не найти и лошадей, и мы, пройдя 20 миль, все же приступили к переезду из Керчи в Тамань...» [7, р. 244].

За период после присоединения Керчи в 1774 г. к России и до 30-х гг. XIX в. город, равно как и весь Керченский полуостров, посетило большое количество иностранных и российских путешественников, ученых, писателей и просто любителей древностей.

Преодолевая многочисленные трудности, опасности, дискомфорт, путешественники не останавливались, и один за другим прибывали на наш прекрасный полуостров, дабы воочию убедиться в его необычайных красотах и окунуться в загадочную атмосферу древностей.

Источники и литература.

1. Большая советская энциклопедия: М.: Наука, 1953. Т.20. 644 с.
2. Олиферов А.Н., Тимченко З.В. Реки и озера Крыма. Симферополь: Доля, 2005. С.132-146.
3. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году» / Под. ред. Э.Б. Петровой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 168 с.
4. Полевщикова Е.В. Неизвестное и известное о маркизе де Кастельно // Дерибасовская – Ришельевская: Одес. альманах. Одесса, 2005. Кн.23. С.15-26.
5. Санжаровец В.Ф. Из истории происхождения названий географических объектов керченского городского побережья // 175 лет Керченскому Музею древностей: Мат. междунар. конф. Керчь, 2001. С.161-166.
6. Энциклопедический словарь. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1895. Т. XV. 489 с.
7. Castelnau G. Essai sur l'Histoire ancienne et Moderne de la Nouvell Russie. Statistique des provinces guila composent. Fondation d'Odessa : ses progres. Sou etactuel ; details. Sor commerce. Voyage en Crimée, dans l'interet de l'agriculture et du commerce. Vol. 1-3. Paris, 1820. Vol. 3. 347 p.

¹ Протяженность пролива около 41 км, ширина – от 4 до 15 км. Берега частично низменные и заболоченные, с песчаными косами. Водообмен через пролив обусловлен в, основном ветрами и стоком вод Азовского моря [1, с. 564].

² И в наше время в суровые зимы Керченский залив полностью замерзает, что сильно сказывается на характере зимы здесь.

³ Храм Аполлону Врачу был возведен во второй четверти V в. до н.э. Его фрагменты обнаружены на восточном плато Пантикапейского городища.

⁴ Речь идет о «тмутараканском камне».

К ВОПРОСУ ОБ ИНОСТРАННЫХ КОНСУЛЬСТВАХ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

МАЛИНОВСКАЯ Е.С.

Филиал МГУ в городе Севастополе

С развитием в последние десятилетия торгово-экономических отношений с иностранными государствами, увеличением трудовой миграции в страны ближнего и дальнего зарубежья, наблюдается активизация деятельности иностранных представительств на юге Украины. После 1991 г. иностранные консульства были открыты в Одессе, Симферополе, Севастополе. В связи с этим большой интерес представляет процесс возникновения иностранных дипломатических представительств и опыт взаимодействия с ними местных властей, накопленный Российским государством в конце XIX – начале XX веков. Особенно интересна для исследователей деятельность консульств иностранных держав в годы I мировой и гражданской войн, протекавшая в условиях постоянно меняющейся политической и сложной экономической ситуации.

Рассматривая деятельность иностранных консульств в Таврической губернии, следует отметить, что исследования на данную тему практически отсутствуют и ограничиваются отдельными научными статьями, связанными с яркими персоналиями, по долгу службы исполнявшими консульские обязанности. Изучение данного вопроса за рубежом замыкается на принадлежность консульств тому или иному государству, сводится к перечислению городов, в которых располагались иностранные представительства, и публикации кратких данных об отдельных консулах. Отсутствие исследований данного вопроса в отечественной и зарубежной историографии показывает настоятельную необходимость обращения к архивным материалам, периодическим изданиям конца XIX – начала XX вв. Ряд дел, относящихся к интересующей нас теме, был обнаружен в фонде 26 (Канцелярия Таврического губернатора) Государственного архива в Автономной Республике Крым (ГААРК). Упоминания иностранных консульских представителей содержатся в метрических книгах севастопольских церквей из фондов ГААРК (Ф. 142) и Государственного архива г. Севастополя (ГАГС) (Ф. 30, 35). Важным источником сведений о деятельности консульских учреждений являются периодические издания, прежде всего, газета «Крымский вестник», издававшаяся в Севастополе, но публиковавшая материалы о событиях во всех городах Таврической губернии.

Говоря о консульской службе, нельзя не коснуться общих вопросов международных отношений. Справочные издания по истории дипломатии дают несколько вариантов трактовки термина «Консул», но в целом консул это – должностное лицо, которому поручено представляемым государством выполнение консульских функций в пределах соответствующего консульского округа на территории государства пребывания [51, с. 5-6].

Консульские функции от имени представляемого государства осуществляются специально открываемыми с согласия государства пребывания консульскими учреждениями.

Главы консульских учреждений, в зависимости от выполняемых функций, подразделялись на 4 класса: генеральный консул, консул, вице-консул и консульский агент. Каждому классу соответствовало определенное консульское учреждение – генеральное консульство, консульство, вице-консульство, консульское агентство. Кроме того, в зависимости от своих полномочий, консулы делились на штатных и почетных. Почетный (нештатный) консул по своему статусу был на ранг ниже штатного консула, функции его были ограничены. Тем не менее, в рассматриваемый период в торгово-промышленных центрах Российской империи именно институт почетного консульства получил наибольшее распространение.

Полномочия и обязанности консула регулируются так называемым консульским правом – совокупностью принципов и норм внутреннего законодательства государства и

международного права. Каждая страна определяет объём функций своих консульских представителей с учётом собственного законодательства и законодательства страны пребывания. Главным источником консульского права являются консульские конвенции, заключаемые отдельными государствами, а также положения договоров между странами о торговле и мореплавании, социальном обеспечении, оказании правовой помощи и т.п.

Открытие иностранных консульских представительств в Новороссийском крае имело внешнеполитические и экономические предпосылки и связано с активным развитием торговли в этом регионе. С присоединением Крыма к России встал вопрос об освоении новых территорий. Для привлечения людей предприимчивых Екатериной II 22 февраля 1784 г. был опубликован Манифест об открытии свободной торговли в городах Херсоне, Севастополе и Феодосии, предоставлено разрешение селиться в этих городах и вступать в российское подданство всем иностранцам дружественных с Россией держав [24, с. 711].

13 февраля 1798 года было объявлено об установлении на Таврическом полуострове порто-франко сроком на 30 лет с предоставлением поселяющимся там иностранцам ряда льгот и преимуществ «для вящего поощрения торговли на полуострове Крымском и для прочнейшего заселения и обзаведения городов и земель на сем полуострове» [24, с. 646]. При этом в Феодосии селились в основном греки, а в Евпатории – представители других государств. Исключением являлся Севастополь, возводившийся как военная крепость. Проживание в городе иностранцам было сразу запрещено. Однако порто-франко в Таврической области грозило существованию растущего Одесского порта, и было по ряду причин отменено уже в 1799 году. [53, с. 15-19]. Что касается Севастополя, назначенного главным военным портом на Черном море и базой Черноморского флота, то по указу от 23 февраля 1804 года, таможня в Севастополе была закрыта, и купеческие суда не могли производить здесь никакой торговли. [53, с. 695]. Несмотря на сменяющиеся друг друга запреты и разрешения на проживание и торговую деятельность, интерес иностранцев к региону сохранялся, их число увеличивалось с ростом Причерноморских портов.

Крымская война отрицательно сказалась на развитии экономики Таврической губернии. И хотя запрет держать на Черном море военный флот привел к сокращению военного влияния, дав путь к развитию торговли, для Севастополя, жизнь которого была тесно связана с флотом, последствия были весьма пагубны. Лишь после подписания Лондонского протокола началось оживление экономики города. Разрешение иностранцам жить в Севастополе последовало по окончании Крымской войны, 5 августа 1857 г. [24, с. 771]. С отменой нейтрализации Черного моря, в 1875 г. в Севастополе был открыт торговый порт, в это же время к городу была протянута ветка железной дороги, и началось бурное восстановление города, ставшего вскоре одним из главных экспортных пунктов на Черном море. Но победили военные интересы Российской империи. После объявления Севастополя главной базой Черноморского флота, в 1890 г. коммерческий порт был переведен в Феодосию.

Открытие новых предприятий, коммерческих портов, развитие транспортной системы полуострова резко увеличило количество иностранцев, в первую очередь, иностранных торговцев, специалистов разных отраслей, представителей частных фирм, вызвав необходимость открытия здесь консульских представительств. Расширение их сети в Российской империи после Крымской войны было тесно связано с заключением консульских конвенций с иностранными государствами. В 1874 г. Россия подписала такое соглашение с Германией, в 1874 г. с Францией, в 1875 г. с Италией. В 1876 г. были заключены конвенции об учреждении консульств с Испанией и Нидерландами. Они определяли правовое положение консулов и основные правила выполнения ими своих функций, главная из которых – защита прав и интересов представляемого им государства и его граждан.

Данные первой переписи населения Севастополя, проведенной Городской управой в 1886-1887 гг., показывают, что в городе в это время проживал 1221 иностранец. При этом подданные разных стран распределялись следующим образом: Австрия – 46 чел., Англия – 77 чел., Бельгия – 4 чел., Болгария – 12 чел., Греция – 159 чел., Италия – 23 чел., Персия – 38 чел., Германия – 94 чел., Румыния – 7 чел., Сербия – 2 чел., Турция – 691 чел., Франция – 30 чел., Швейцария – 12 чел., Швеция – 5 чел., прочие – 21 чел. [52, табл. XIV].

Интересы иностранных граждан и призваны были защищать дипломатические представители соответствующих стран. Для этого территория всей Российской Империи делилась на консульские округа, возглавляемые консулами, а наиболее важные – генеральными консулами. Таврическая губерния входила в Одесский консульский округ, созданный еще в начале XIX века. Именно здесь располагалось наибольшее число консульских представительств иностранных держав.

В Таврической губернии действовали иностранные дипломатические представители разных классов: консулы, вице-консулы и консульские агенты. Все они назначались главой консульского округа в подчиненные их надзору местности и отвечали за все действия по защите юридических и экономических интересов своего государства и его граждан [56, с. 63]. Утверждались консулы в своем звании Правительствующим Сенатом согласно Императорскому Указу. При этом Сенат предварительно рассматривал донесение министра иностранных дел о признании консула как «в означенном звании, так и об оказании помощи и правосудия в случае нужды и справедливых его требований» [13, л. 2]. Императорский указ о признании консула направлялся Таврическому губернатору, который, в свою очередь, извещал начальников полиции городов губернии. Сообщения о назначении дипломатических представителей всех рангов публиковались в центральных и местных газетах.

Консулы должны были информировать свои государства о фактах, имеющих политическое значение, а также заниматься распространением официальной информации о внешней и внутренней политике государств, которые они представляли. Это было бы невозможно без ведения учёта граждан представляемого государства, находящихся в пределах данного консульского округа.

Но зачастую иностранные правительства не довольствовались сведениями, предоставляемыми консулами. 23 марта (2 апреля) 1861 г. в Британской империи проводилась перепись населения, и Великобританский посланник в Петербурге обратился в Министерство иностранных дел Российской империи с ходатайством о получении сведений о числе подданных своей страны, которые будут находиться в России в этот день. По распоряжению Таврического губернатора, из всех уездов губернии поступили ведомости о наличии великобританских подданных. Их число, согласно сводному списку, составило 44 человека (24 мужчины и 20 женщин) [7, л. 69-69 об.]. Английский консул, капитан Роберт Карлович Клипертон, 33-х лет, проживал вместе с женой Аликс (29 лет) и годовалой дочерью Флорен в Феодосии. Трудно сказать, насколько точными были эти сведения. Например, информации о подданных Соединённых Королевств в Севастополе в сводном списке не содержится. Вместе с тем, из других документов известно о проживании в городе в это время английского подданного конопатных дел мастера Роберта Виллиса [8, л. 1-1 об.]. «Англископодданными» писались также его жена Луиза Ивановна Виллис, урождённая Вейт (02.09.1815?-24.11.1865) и их дети [15, л. 103 об.-104; 16, л. 24].

Стараясь наблюдать за точным исполнением торговых договоров и конвенций, консулы на местах всемерно способствовали развитию экономических отношений между странами, информируя об изменении торгового законодательства, тарифов, цен на продукты, проведении различных ярмарок и выставок. Так, севастопольское турецкое консульство сообщало читателям газеты «Крымский вестник», что оно извещено турецким министерством иностранных дел об открытии в скором времени в санджаке Бигке (Видка) у Дарданелл оттоманской сельскохозяйственной и индустриальной выставки. В ней предлагалось как русско-подданным, так и другим иностранцам принять участие, предоставив свои экспонаты [35].

В случае вооружённых конфликтов консулы были призваны выполнять ряд мобилизационных мероприятий своих правительств. Например, с началом I Балканской войны 1912 г. севастопольский греческий консул Апостолиди получил от правительства Греции распоряжение призвать на действительную военную службу всех, не явившихся греческоподданных рекрутов, а также лиц, освобожденных от воинской службы и пользующихся отсрочкой [39].

К сожалению, отрывочность имеющихся сведений, не позволяет узнать время открытия всех консульств на территории Таврической губернии и Севастопольского градоначальства, известны лишь даты создания отдельных из них.

Пожалуй, первое упоминание иностранного консула в Севастополе ещё до Крымской войны встречается в метрической книге Петропавловской церкви за 1845 г. Согласно метрической записи, у вице-консула Греции, бердянского 1-й гильдии купца Леонтия Ивановича Кукули и его жены Екатерины Мануйловны 4 июля 1845 года родилась дочь Надежда. Восприемниками при её крещении 12 августа были того же господина Кукули дети - сын Иван и дочь девица Анна [18, л. 300 об.-301]. Со времени основания Севастополя греки составляли значительную часть населения города и подавляющее большинство жителей Балаклавы. Наряду с принявшими российское подданство, были среди них подданные Англии, Турции, Греции. Несмотря на периодически повторяющиеся запреты проживания иностранцев в Севастополе, их присутствие прослеживается с первых лет существования города до 1930-х годов.

Самое раннее упоминание французского консульского агента в документах ГАГС было обнаружено севастопольским историком Н.М. Терещук. 14 января 1883 года Департамент внутренних сношений Министерства Иностранных дел уведомил севастопольцев, что *«Государь Император соизволил признавать французско-подданного Вакие французским консульским агентом»* [54, с. 283]. Появление представителя Франции в Севастополе стало возможным после наметившегося в начале 1880-х годов, впервые по окончании Крымской войны, франко-русского сближения.

17 октября 1889 года газета «Крымский вестник» сообщала об открытии в Ялте Императорского турецкого консульства. При этом отмечалось, что *«в виду массы турецко-подданных (особенно рабочих) в каждое данное время, имеющих пребывание в Ялте, открытие консульства является как нельзя более своевременным»* [28].

Практически в то же время, газета известила, что севастопольский турецкий вице-консул Ракканье-Эффенди, пробывший на этом послу почти 7 лет и оставивший о себе «добрую память», переводится в Николаев, а на смену ему уже прибыл новый вице-консул Икьядес-Эффенди [29].

С именем Ракканье-Эффенди связано любопытное дело, хранящееся в ГААРК. Не секрет, что в задачи штатных консулов входил сбор сведений не только экономического, политического, но и военного характера. В связи с этим, в Штаб Одесского военного округа поступило письмо Военного Министра о том, что, по некоторым сведениям, в конце августа 1887 года, когда на Черноморском флоте проходили большие манёвры, турецкий посол Шакир Паша, неизвестно с какой целью, приезжал их Петербурга в своё крымское имение. Военных интересовал вопрос, был ли учрежден за послом негласный надзор, каковы были причины его приезда, не обнаружено ли во время манёвров присутствия турецких или иных иностранных соглядатаев [9, л. 10-10 об.]. В ответном донесении Таврический губернатор сообщал, что Шакир Паша во время манёвров в конце августа текущего года на Черноморском побережье во вверенной ему губернии не был, а равно не было замечено присутствия турецких или других иностранных наблюдателей. Однако, при этом, он замечал, что в Ялтинском уезде проживает очень много турецко-подданных, которые незаметным образом могли ознакомиться как с ходом манёвров, так и со всем, что составляет интерес в том или ином отношении, и о наблюдениях своих сообщить проживающему в Севастополе и Евпатории одному из турецких вице-консулов, имея в виду Раканье-Эффенди [9, л. 4-5].

Любопытно, что тот же турецкий консул Раканье-Эффенди упоминался среди иностранных дипломатических представителей, приглашённых на торжества по случаю закладки в сентябре 1884 г. в Севастопольском адмиралтействе сухих доков и броненосцев «Чесма» и «Синоп» [55, с. 2].

По-видимому, не случайно в 1899 году вице-консульство Турции в Севастополе было трансформировано в более высокое по рангу Генеральное консульство. Возглавил его Исмаил Асим, вступивший в должность 21 сентября 1899 года [33].

Во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Таврической губернии действовали консульства как минимум 10 иностранных государств: Великобритании, Франции, Италии, Турции, Дании, Бельгии, Швеции, Греции, Норвегии. Известны случаи, когда один и тот же человек являлся консульским представителем нескольких государств

одновременно. Иногда один консул назначался на несколько губерний. Например, согласно указу Правительствующего Сената № 12316 от 04.12.1909 г., Император высочайше соизволил признать французского гражданина Фаустина Генриха Бридэ д'Отремона французским штатным консулом для губерний Бессарабской, Волынской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской и области Войска Донского с пребыванием в городе Одессе [12, л. 1].

При назначении консулов немаловажную роль играли их профессиональные и личные качества. Среди них было немало людей хорошо образованных. Многие занимались активной коммерческой деятельностью, будучи людьми состоятельными. Так, великобританский вице-консул в Феодосии швейцарский гражданин Вернер Эдвард Валлер фон Штюрлер, проживая в городе более 12 лет, имел собственную фирму по экспорту хлеба [14, л. 1]. Значительную торговлю имел в г. Бердянске и местный купец австрийскоподданный Евгений Драшкович, назначенный датским правительством своим вице-консулом [10, л. 1]. Консул Греции в Севастополе Николай Петрович Грипари был выпускником Коммерческого Института в Манчестере (Вильемло, Англия) [25, с. 22]. Контора семейной фирмы Грипари не только вела торговые операции, но и владела складом антрацита, паровой мельницей (бывшая Родоканаки). Согласно законодательству Российской империи, все иностранные граждане при покупке недвижимого имущества должны были получить специальное разрешение. 5 мая 1882 года Севастопольскому градоначальнику было направлено свидетельство на приобретение недвижимого имущества, выданное Таврическим губернатором на имя великобританского подданного Николая Грипари [1, л. 27]. Позднее Н.П. Грипари имел в собственности три дома в Севастополе, имение в Таврической губернии, 60 десятин земли и виноградник близ Севастополя, 50 десятин земли в Ай-Тодоре, большие земельные участки в Николаевском и Ставропольском уездах, в Волынской губернии [25, с. 22; 57, с. 31.]. В одном из его домов в Севастополе, на Новосильцевской площади, размещалось несколько контор иностранных дипломатических представительств.

Особенностью Севастополя, повлиявшей на открытие в городе иностранных консульств, было появление после Крымской войны в окрестностях города многочисленных воинских кладбищ иностранных государств. После ряда перезахоронений останков представителей союзных войск, погибших во время осады 1854-1856 гг. под Севастополем, оформились три основные иностранные кладбища – Английское, Французское и Итальянское. Что касается турецкого кладбища, то правительство Турции окончательно решило вопрос об устройстве собственного братского кладбища в Севастополе лишь в 1914 году. На него планировалось перенести останки воинов, павших в севастопольскую кампанию и погребенных на частной земле близ Балаклавы [40]. Местом для турецкого кладбища был избран участок близ французского кладбища, но начавшаяся I мировая война не позволила этим планам осуществиться.

Уход за иностранными воинскими некрополями находился в ведении консулов соответствующих стран. Например, французский консул Л.А. Ге заведовал Французским кладбищем и здесь же проживал [20, с. 39] (Рис. 1).

Захоронения на этих кладбищах продолжались и после Крымской войны. Так, на Английском кладбище была похоронена скончавшаяся 24 января 1894 г. Нина Александровна Морей, жена севастопольского великобританского вице-консула Александра Морей [19, л. 81об.-82]. Здесь же был погребен скончавшийся в Севастополе от воспаления лёгких 11(24) октября 1920 г. корреспондент газеты «Daily Telegraph», известный английский политик-консерватор и бизнесмен Клод Хэй (Claude George Drummond Hay), внук барона Рфлана, командовавшего в дни осады Севастополя английской армией и умершего здесь от холеры 28 июня 1856 г. [48, с. 1] (газета ошибочно сообщала, что К. Хэй был похоронен вместе с дедом, хотя тело барона Рфлана в 1856 г. было отправлено для погребения на родину). 3 марта 1915 г. на Французском кладбище торжественно похоронили французского консула Л.А. Ге [54, с. 283-286].

11 мая 1911 г. состоялось перенесение из Севастополя в Италию праха итальянских генералов ла Мармора и Монтевекио, погребенных на итальянском кладбище близ селения Комары [36]. В организации перезахоронения и приёме военной делегации, прибывшей на

итальянском крейсере, принимал участие и итальянский консульский агент в Севастополе Александр Венедиктович Мошетти (Рис. 2). За заслуги перед Итальянским королевством в августе 1912 года он был награждён крестом кавалера ордена Короны Италии [37].

Награждение иностранных консулов орденами и медалями, как иностранных государств, так и Российской империи, было распространённым явлением. Это не случайно, поскольку многие из иностранных дипломатических представителей внесли большой вклад в развитие городов, в которых жили и работали, активно участвуя в общественной жизни и пользуясь большим уважением жителей.

Так, турецкий вице-консул в Севастополе Ракканье Эффенди в 1890 году обратился к руководству города с вопросом о необходимости открытия магометанского кладбища [30]. В 1905 г. ходатайство об этом ещё одного турецкого консула в Севастополе – Нуреддин-бея завершились созданием рядом с комплексом национальных кладбищ (караимского и еврейского) мусульманского кладбища. В 1905 году пожертвования на обустройство кладбища, в том числе и от многочисленных мусульман-паломников, отправлявшихся в Мекку из Севастопольского порта, принимались в местном турецком консульстве [49, с. 3]. Здесь же севастопольское магометанское общество хранило свою кассу, всецело доверяя её консулу Мехмед Али бею.

Другой турецкий консул в Севастополе – Хакки-Бей Ибрагим, с разрешения Министра Внутренних Дел Российской империи, открыл в подведомственном ему районе сбор пожертвований в пользу благотворительной организации «Красного полумесяца» [38].

Среди множества консульских работников Севастополя можно выделить две особенно яркие личности. Первая из них – вице-консул Франции Луи Антонович Ге (Gay Luis Antoine) (Рис. 3). Офицер французской армии, отличившийся во время франко-прусской войны 1870 г., кавалер ордена Почетного легиона, он прожил в Севастополе около 30 лет, оставив по себе добрую память. Среди его благородных дел – возвращение в Севастополь из Парижа колокола Херсонесского монастыря, увезенного в качестве трофея после Крымской войны. Необычайно торжественные и многолюдные похороны французского консула Л.А. Ге на Французском кладбище, смотрителем которого он был долгие годы, стали выражением любви и уважения к этому человеку [54, с. 283-286].

Ещё одна незаурядная личность – Николай Петрович Грипари (Рис. 4). В 1879 г. он был назначен консулом Греции в Одессе. Позднее переехал в Севастополь, где состоял также Итальянским консульским агентом (с июня 1880 г.), Датским вице-консулом (с ноября 1889 г.), Шведско-Норвежским вице-консулом (с 15 ноября 1893 г.), Бельгийским вице-консулом (7 июня 1899) [25, с. 22]. 24 апреля 1890 г. Н.П. Грипари принял российское подданство. В городе он был хорошо известен как гласный Севастопольской городской думы, казначей и попечитель греческого училища, церковный староста греческой Трехсвятительской церкви, организатор и почетный председатель греческого благотворительного общества. Даже уехав в 1901 году из Севастополя в Барановку, где он приобрел крупнейший на юге России фарфоровый завод, Н.П. Грипари продолжал оказывать благотворительную помощь городу, не теряя с ним связь [23, с. 132-134]. В Адрес-календаре Севастопольского градоначальства на 1913 год именно он указан Греческим консулом в Севастополе [22, с. 110].

Из семейства Грипари вышло несколько дипломатических представителей, работавших в Таврической губернии. После отъезда Николая Петровича греческим консулом в Севастополе стал его брат Перикл Петрович. Один из братьев Грипари занимал должность вице-консула в Феодосии [23, с. 138]. Последним греческим генеральным консулом в Севастополе в 1920 году являлся, по-видимому, их племянник М.Г. Грипари [49, с. 2].

Начавшаяся I мировая война в корне изменила внешнеполитическую и экономическую обстановку в регионе. Еще более усложнилась ситуация после Февральской революции 1917 г. Пришедшее к власти Временное правительство, официально признанное иностранными государствами, пыталось наладить с ними экономическое сотрудничество. Но после революционных событий 1917 года, когда на территории Таврической губернии развернулась ожесточённая борьба за власть, положение иностранных представительств в регионе оказалось сложным. Постоянная смена правительств, военная интервенция ино-

странных держав, оказывавших материальную и моральную поддержку антибольшевистским силам, приводили к развитию как официального, так и неофициального взаимодействия дипломатических представительств иностранных государств с различными политическими группировками на Юге России.

В марте 1920 г. Правителем и Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) объявил себя барон Врангель. Пытаясь найти союзников в борьбе с большевистской Россией, правительство Врангеля стремилось наладить контакты и со странами Антанты, и с появившимися в ходе гражданской войны на окраинах Российской империи новыми государственными образованиями. В Севастополе продолжало действовать Великобританское консульство [47, с. 2]. 20 июля 1920 г. Франция де-факто признала правительство Врангеля. Незадолго до этого исполнять обязанности французского консула в Севастополе было поручено капитану Амальрику, возглавлявшему в то время крымское междусоюзническое паспортное контрольное бюро [41, с. 2].

Однако ещё в январе 1920 года Верховным советом Антанты, по инициативе Великобритании и Италии, было принято решение о прекращении блокады и возобновлении торговых отношений с Советской Россией. В этих условиях расширение отношений врангелевцев с молодыми государствами Прибалтики и Закавказья становилось особенно важным и создавало предпосылки для открытия новых иностранных представительств в Крыму.

По-видимому, именно при Врангеле в Севастополе появляется консульство Эстонской Республики (ул. Большая Морская, 71) [43, с. 2], начинает действовать Севастопольское агентство Крымского областного комитета граждан Народной Республики Литвы (ул. Новороссийская, 66) [44, с. 1]. Сотрудники этих дипломатических представительств занимались регистрацией желающих выехать на родину, выдачей паспортов и виз.

Особенностью этого периода стало открытие в Севастополе многочисленных военных миссий. Наряду с Британской военной миссией, действовавшей вплоть до эвакуации из Крыма войск Врангеля, и военными миссиями других стран Антанты, появляются военные представительства новых союзников правительства Врангеля.

Из публикаций «Крымского вестника» за 1920 год известно о существовании в городе в это время армянской военной миссии под руководством Сагательяна – представителя Армении при Правителе Юга России и Главнокомандующем Русской Армией [47, с. 2]. В его обязанности входил не только сбор пожертвований на нужды армянской армии, для чего при миссии был создан Центральный комитет, но и выполнение распоряжения правительства Армении об отправке на родину всех военнообязанных, подданных Армении, в возрасте от 18 до 35 лет.

Схожие задачи стояли и перед Латвийской военной миссией в Севастополе. По ходатайству представителя Латвии, был издан приказ от 2 мая 1920 г. № 3096, согласно которому около тысячи военных латышей, служивших во ВСЮР, отбыли на родину. Оставшимся заместителем начальника военной миссии Латвии в Севастополе Стенгревиц предлагал немедленно пройти регистрацию в миссии [44, с. 2].

С 1919 г. Польша находилась в состоянии войны с Советской Россией и остро нуждалась в военной помощи. Вместе с тем, некоторые польские круги настаивали на необходимости соглашения с русскими антибольшевистскими силами на основах отказа Польши от границ 1772 года и отказа России от границ 1914 года [45, с. 2]. А вскоре при Главнокомандующем Русской армией стала действовать польская военная миссия. По-видимому, в это время в Севастополе было открыто и польское консульство. Располагалось оно в доме № 8 по Екатерининской улице. Одним из основных аспектов его деятельности стала защита прав интернированных в годы I Мировой войны поляков.

В сентябре 1920 года на страницах газеты «Крымский вестник» появилось официальное сообщение польской военной миссии и консульства о проводимой этими органами общей регистрации всех без исключения польских граждан, проживающих на территории, занятой Русской армией. А таких в Крыму, с начала I мировой войны принявшем не один поток беженцев, скопилось достаточно много. Регистрация проходила с 18 по 25 сентября (по старому стилю) как в Севастополе, в помещении консульства, так и в других городах – Симферополе, Мелитополе, Феодосии, Керчи, Ялте. Из сотрудников, занимающихся проверкой правильно-

сти выдачи паспортов и оформлением документов, разрешающих дальнейшее пребывание на территории, занятой ВСЮР, упоминаются заместитель начальника польской военной миссии поручик Михальский и секретарь консульства М. Пиотровский [46, с.2].

Образцы документов, выдававшихся в 1919-1920 годах польским консульством в Севастополе, в частности, паспорта граждан Польши, отложившиеся в личных делах польских беженцев, лишь недавно были выявлены в фондах ГААРК и опубликованы Л.П. Кравцовой [26, с. 95-161].

В заключение мы попытались систематизировать сведения о консульских учреждениях Таврической губернии в конце XIX – начале XX в. и их сотрудниках, полученные из архивных документов и материалов периодических изданий (Приложение 1). Список не претендует на полноту, и будет пополняться новыми данными.

Как уже отмечалось, изучение работы иностранных консульств в Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв. только начинается. Исследования осложняются практически полным отсутствием научных публикаций по указанной тематике и отрывочностью данных архивов и периодических изданий. Пока их явно недостаточно для получения полной картины деятельности дипломатических представительств иностранных государств на территории Таврической губернии в указанное время. Особенно мало сведений о работе уполномоченных нейтральных государств по защите прав военнопленных и интернированных граждан в годы I мировой и Гражданской войны. Всё это показывает необходимость дальнейшей разработки этой темы и продолжения архивных изысканий.

Источники и литература.

1. О выдаче иностранцам свидетельств на приобретение недвижимого имущества // ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27639.
2. О назначении в г. Бердянск Бельгийским консулом Ивана Бонне // ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 25866.
3. О назначении Великобританским Вице-Консулом в г. Бердянск Гарвей Роберта Лове // ГААРК. Ф. 26. Оп.1. Д. 26564.
4. О назначении Доминика Палумбо Итальянским Вице-Консулом в Бердянске // ГААРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 852.
5. О назначении Петра Скуффо Греческим Консулом в Бердянск // ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27530.
6. О назначении Эдуарда Эрама Эфенди Вице-Консулом в Бердянск // ГААРК. Ф. 26. Оп.1. Д. 27017.
7. О предоставлении ведомостей о Великобританских подданных // ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 24222.
8. О разыскании представленных Великобританским подданным Вилисом документов на разорение дома его. 06.03.1861 г. // ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 24321.
9. О приезде в Крым турецкого посла Шакир Паши // ГААРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 2413.
10. О признании Драсковича датским вице-консулом в Бердянске (24.06.1869 г.) // ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 25140.
11. О степени достоверности слухов, относящихся до инструкции данной Итальянскому Консулу в Феодосии итальянским правительством // ГААРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 970.
12. По Высочайшему повелению о признании французского гражданина Фаустина Генриха Бридэ д'Отремона французским штатным консулом (22.12.1909 г.) // ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 25530.
13. По высочайшему повелению о назначении штатным Генеральным Консулом Аргентинской Республики гражданина Эрнеста Переса // ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 28284.
14. По рапорту Феодосийского полицмейстера о назначении на должность великобританского консула Вернера Фон-Штюллера (27.06.1909 г.) // ГААРК. Ф.26. Оп. 1. Д. 28283.
15. ГААРК. Ф. 142. Оп. 5. Д. 183. Л. 103 об.-104;
16. ГАГС. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАГС. Ф. 22. Оп. 1. Д. 119.
18. ГАГС. Ф. 35. Оп.1. Д. 1.
19. ГАГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 29.
20. Адрес-календарь на 1908 год. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. Севастополь: Издание типографии «Прогресс» А.Я. Гидалевича, 1908. 126 с.
21. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. Гор. Севастополь и гор. Балаклава. Севастополь: Типография И.Л. Неймана («Крымского вестника»), 1911. 339 с.
22. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1913 год. Гор. Севастополь и Балаклава. Севастополь: Типография И.Л. Неймана («Крымского вестника»), 1912. 216 с.
23. Браиловский Г.Э., Терещук Н.М. Благотворительная и общественная деятельность семьи Грипари: Материалы Государственного архива г. Севастополя и печатные издания 1880-1900-х гг. // Ведущие мастера фарфора Императорской России: Материалы семейных архивов и коллекций: Барановский фарфор в

- эпоху Грипари / сост.: Е.М. Тарханова (С.-Петербург), А. Грипари (Швейцария). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. С. 124-138.
24. Городские поселения в Российской империи. Т. 4. СПб., 1864. 805 с.
 25. Грипари А., Зафириоу-Грипари Д. Барановский фарфоровый завод и семейство Грипари: Материалы семейных архивов и коллекций // Ведущие мастера фарфора Императорской России: Материалы семейных архивов и коллекций: Барановский фарфор в эпоху Грипари / сост.: Е.М. Тарханова (С.-Петербург), А. Грипари (Швейцария). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. С. 14-29.
 26. Кравцова Л.П. Польские беженцы в Ялте (период первой мировой войны – 1920-е годы). Обзор документов Государственного архива в Автономной Республике Крым // Крымско-польский сборник научных работ. Том 6. Поляки в Крымской АССР (1821-1945): Сб. ст. и материалов. Симферополь: Универсум, 2007. С. 11-162.
 27. Крымский вестник. 1889, 14 октября.
 28. Крымский вестник. 1889, 17 октября.
 29. Крымский вестник. 1889, 29 октября.
 30. Крымский вестник. 1890, 1-31 мая.
 31. Крымский вестник. 1897, 21 апреля.
 32. Крымский вестник. 1897, 26 августа.
 33. Крымский вестник. 1899, 21 сентября.
 34. Крымский вестник. 1905, 5 апреля, № 89.
 35. Крымский вестник. 1910, 28 февраля.
 36. Крымский вестник. 1911, 28 апреля.
 37. Крымский вестник. 1912, 18 августа.
 38. Крымский вестник. 1912, 26 октября.
 39. Крымский вестник. 1912, 9 ноября.
 40. Крымский вестник. 1914, 22 мая.
 41. Крымский вестник. 1920, 12(25) июня, № 126 (9817).
 42. Крымский вестник. 1920, 14(27) июня, № 128 (9819).
 43. Крымский вестник. 1920, 26 июня (9 июля), № 138 (9829).
 44. Крымский вестник. 1920, 8(21) июля, № 148 (9839).
 45. Крымский вестник. 1920, 9(22) июля, № 149 (9840).
 46. Крымский вестник. 1920, 16 сентября, № 204 (9895).
 47. Крымский вестник. 1920, 9(22) октября, № 223 (9914).
 48. Крымский вестник. 1920, 13(26) октября, № 226 (9917).
 49. Крымский вестник. 1920, 2 мая, № 93 (9784).
 50. О севастопольском магометанском кладбище // Крымский вестник. 1905, 17 февраля, № 17. С. 3.
 51. Плотникова О.В. Консульские отношения и консульское право: Учебник для вузов. М., 1999. 328 с.
 52. Севастополь по переписи 1886 и 1887 гг. Отчёт о статистических исследованиях, произведённых в 1886-1887 гг. Севастопольским Городским Общественным Управлением. С приложением плана города Севастополя. Севастополь: Типо-литография Д.О. Харченко, 1888.
 53. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1838. Ч. II. 350 с.
 54. Терещук Н.М. Французский консул Л.А. Ге // Севастополь: взгляд в прошлое: сборник научных статей. Севастополь, 2006. С. 283-286.
 55. Хроника // Севастопольский справочный листок. 1884, 27 сентября, № 78. С. 1-2.
 56. Чередниченко Г. Иностранные консульства в Николаеве как культурно-историческое явление XIX-XX столетий // Краеведческий альманах (Миколаїв). 2004. № 1. С.61-67.
 57. Шавшин В.Г. Имя дома твоего. Киев-Севастополь, 2012. Книга II. 384 с.

Консульские учреждения в Таврической губернии в конце XIX – начале XX в. и их сотрудники (по архивным документам и материалам периодических изданий)

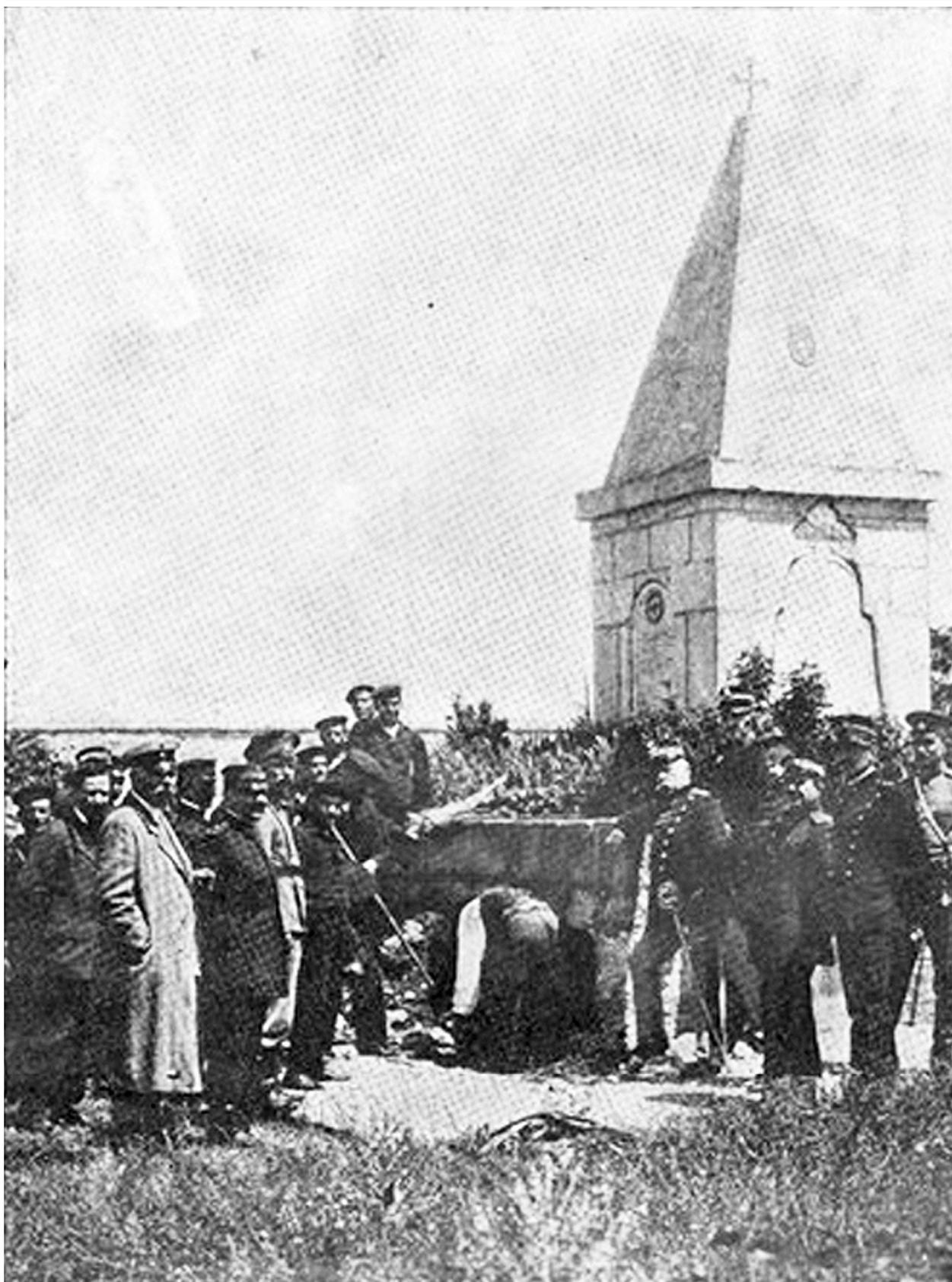
Ф.И.О. консульского представителя	Должность	Город пребывания	Годы
Драшкович Евгений, купец	Датский Вице-Консул [10, л. 1]	Бердянск	1869
Бонне Иван	Бельгийский консул [2, л. 1]	Бердянск	с декабря 1872
Палумбо Доминик	Итальянский Вице-Консул [4, л. 3-3 об.]	Бердянск	с 01.09.1875
Вагстаф	Великобританский Вице-Консул [3, л. 1]	Бердянск	?-ноябрь 1876 (переведён в Николаев)
Лове (Lowe) Гарвей Роберт	Великобританский Вице-Консул [3, л. 1, 7-7 об.]	Бердянск	с 11.01.1877
Скуффо Петр	Греческий Консул [5]	Бердянск	с 25.05.1881
Эфенди Эдуард Эрам	Турецкий вице-консул, бывший секретарь Турецкого посольства в Таганроге. [6, л. 6-6 об.]	Бердянск	с 15 мая 1879
?	Турецкий вице-консул [9, л. 4-5].	Евпатория	1887
Перес Эрнесто (Ernesro C. Perez)	Генеральный консул Аргентинской Республики для всех губерний и областей Европейской России и Великого княжества Финляндского [13, л. 3.]	Одесса	с 03.06.1909
д'Отремон Фаустин Генрих Бридэ	Французский штатный консул для губерний Бессарабской, Волынской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской и области Войска Донского [12, л. 1]	Одесса	1909
Бернар-Борманс Эмиль Львович	Бельгийский нештатный вице-консул [21, с. 84; 22, с. 110]	Севастополь	1911-1913
Гарфорд	Великобританский вице-консул [17, л. 3-4]	Севастополь	1883
Морей Александр	Великобританский вице-консул [19, л. 81 об.-82]	Севастополь	1894
Эрскин Роберт Давидович	Великобританский консул [20, с. 93]	Севастополь	1908
Лоудон Джон	Великобританский штатный вице-консул [21, с. 84; 22, с. 110]	Севастополь	1911-1913
?	Великобританское консульство [6 с. 2]	Севастополь	1919-1920
Грипари Николай Петрович	Греческий консул [25, с. 22; 22, с.110]	Одесса	1879-1880
	Греческий консул [25, с. 22; 22, с.110]	Севастополь	1880-1913
	Итальянский консульский агент [25, с. 22; 20, с. 93]	Севастополь	июнь 1880-1908

Ф.И.О. консульского представителя	Должность	Город пребывания	Годы
	Датский вице-консул [25, с. 22; 20, с. 93]	Севастополь	ноябрь 1889-1908
	Шведско-Норвежский Вице-Консул [25, с. 22]	Севастополь	с 15.11.1893
	Бельгийский Вице-Консул [25, с. 22; 20, с. 93]	Севастополь	с 07.06.1899-1908
Грипариди Перикл Петрович	Греческий консул [25, с. 22]	Севастополь	1901-?
Апостолиди Панаго Апостолович	Греческий вице-консул Заведующий Греческим консульством [20, с. 93; 21, с. 84; 22, с. 110]	Севастополь	1908-1913 1913
Апостолиди Панаго Апостолович	И.д. Датского вице-консула Датский вице-консул [20, с. 93; 21, с. 84]	Севастополь	1908 1911
Апостолиди Панаго Апостолович	И.д. Бельгийского вице-консула [20, с. 93]	Севастополь	1908
Грипариди М.Г.	Греческий генеральный консул [49, с. 2]	Севастополь	1920
Куртиди Х.Д.	Греческий консул [44, с. 2]	Севастополь	1920
Барье Петр-Эмануил Карлович, доктор права	Итальянский вице-консул [2]	Севастополь	1889
Мошетти Александр Венедиктович	Итальянский нештатный консульский агент [21, с. 84; 22, с. 110]	Севастополь	1911-1913
Ракканье-Эффенди	Турецкий вице-консул [30]	Севастополь	1882?-1889 (переведён в Николаев)
Икьядес-Эффенди	Турецкий вице-консул [29]	Севастополь	1889-?
Асим Исмаил	Генеральный консул Турции [33]	Севастополь	с 21.09.1899
Мехмед Али-Бей	Турецкий консул [20, с. 93]	Севастополь	1905-1908
Георгиадис Семен Фомич	Турецкий вице-консул [34, с.3; 20, с. 93]	Севастополь	1905-1908
Георгиадис Семен Фомич	Секретарь турецкого консульства [22, с. 110]	Севастополь	1911-1913
Хакки-Бей Ибрагим	Турецкий консул [38; 22, с. 110]	Севастополь	1911-1913
Иаман Эффенди	Первый секретарь Турецкого консульства [20, с. 93]	Севастополь	1908
Вакье	Французский консульский агент [54, с. 283]	Севастополь	14.01.1883
Ге Луи Антонович	Французский консульский агент [54, с. 284]	Севастополь	1885?-1894
Ге Луи Антонович	Французский консул [54, с. 283-286]	Севастополь	?-1915
Амальрик, капитан	И.о. французского консула, начальник крымского междоусобного паспортного контрольного бюро [41, с. 2]	Севастополь, ул. Чесменская, 34 (паспортное бюро)	1920
Пиотровский М.	Секретарь Польского консульства [46, с. 2]	Севастополь	1919-1920

Ф.И.О. консульского представителя	Должность	Город пребывания	Годы
?	Консульство Эстонской Республики [43, с. 2]	Севастополь, ул. Большая Морская, 71	1919-1920
?	Севастопольское агентство Крымского областного комитета граждан Народной Республики Литвы [44, с. 1]	Севастополь, ул. Новороссийская, 66	1919-1920
Клипертон Роберт Карлович, капитан	Великобританский консул [7, л. 69-69 об.]	Феодосия	1861
Рис, купец	Великобританский вице-консул [32]	Феодосия	1897
Карасарини Михаил	Великобританский Вице-Консул [14, л. 2]	Феодосия	?-июнь 1909
фон Штюлер Вернер Эдвард Вальтер	Великобританский нештатный Вице-Консул [14, л. 1]	Феодосия	с 24.08.1909
Дуранди	Итальянский консульский агент [11, л. 1-4]	Феодосия	1877
де-Бертрем Людвиг	Французский консульский агент [32]	Феодосия	1897
?	Императорское турецкое консульство [28]	Ялта	открыто 17.10.1889
Иностранные миссии в Севастополе в 1920 г.			
Грифин В.Е.	Сотрудник Американской миссии Красного Креста [42, с. 2; 44, с. 2]	Севастополь, Морское собрание (канцелярия миссии)	1919-1920
Сагательян	Руководитель армянской военной миссии, представитель Армении при Правителе Юга России и Главнокомандующем Русской Армией [47, с. 2]	Севастополь	1919-1920
?	Великобританская военная миссия [42, с. 2]	Севастополь	1919-1920
Стенгревиц	Заместитель начальника военной миссии Латвии. [44, с. 2]	Севастополь	1919-1920
Михальский, поручик	Начальник польской военной миссии [46, с. 2]	Севастополь	1919-1920

**Рис. 1. Французский консул Л.А. Ге (справа) на аллее Французского кладбища.
Почтовая открытка.**

**Рис. 2. Вскрытие склепа и перенесение останков генералов ла Мармора и ди-Монтевеккио на Итальянском кладбище.
Фото М.П. Мазура из журнала «Искры» 1911 г., № 21.**

Рис. 3. Французский консул Луи Антонович Ге.

Рис. 4. Греческий консул Н.П.Грипари. Из архива А.Грипари.

РАЗВИТИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО-ВОЕННО-МОРСКОГО ГОСПИТАЛЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ОЛЕНЧЕНКО С.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Историческая летопись медицинской службы Черноморского флота берет начало с рождения и становления первого флотского лечебного учреждения – Севастопольского морского госпиталя, ставшего в наше время военно-морским клиническим госпиталем им. Н.И. Пирогова. Развитие Севастопольского морского госпиталя со дня его основания неразрывно связано со строительством флота России на Черном море, рождением и развитием города Севастополя.

О деятельности военно-морского госпиталя первой половины XIX века и, в частности севастопольских врачей, сохранилось мало информации. Складывая воедино отрывки сведений из метрических книг, адрес-календарей, воспоминаний и уже написанных работ по этой теме, вырисовывается примерная картина работы госпиталя в период его становления.

«Согласно справке центрального государственного архива военно-морского флота РГА ВМФ № 168 от 17.03.1982 г. строительство и деятельность Севастопольского морского госпиталя началась сразу же после прибытия 2 мая 1783 г. русской эскадры в Ахтиарскую гавань» [21, с. 12]. Однако единодушного мнения о дате основания Севастопольского морского госпиталя нет. Так как существует две гипотезы: одна о том, что медицинский барак (прообраз госпиталя) в Сухарной балке существовал с ноября 1782 года, а другая – об основании госпиталя только в 1805 году.

Медицина XIX века вступает в период своего бурного развития. Укрепляются и расширяются знания в области анатомии, происходит тесная связь анатомии и физиологии. Все это ложится в основу новых направлений в медицине. Ширится количество новых открытий, появляется новый медицинский инструментарий. Мир узнал целую плеяду новых медицинских деятелей, в том числе и российских. Это К. Вольф, К. Бер, академик П.А. Загорский, И.В. Буяльский, Н.И. Пирогов, Е.Ф. Аристов и многие другие.

В это время начала активно развиваться анатомия. От нее ответвилась новая отрасль – патология. Появилась еще одна новая отрасль – гистология. С середины XIX века в медицинской науке стали использоваться микроскопы, что возвело обучение патологии на новый уровень – микроскопический. Значительные успехи были достигнуты в эпидемиологии.

Особое место занимает в этот период времени хирургия. Долгое время она оставалась на задворках медицинской науки и считалась ремеслом. Условия для ее развития появились лишь в XIX веке. До этого не было топографической анатомии. Она появилась только благодаря трудам медиков Э. Купера, Г. Томсона, А. Вельпо и русских медиков И.В. Буяльского и Н.И. Пирогова. Следующая проблема, которая была решена только в середине XIX века – обезболивание. В 1846 году был введен в оборот эфир, а через год хлороформ. До этого все операции проводились без наркоза. *«До XIX века за хирургией значился термин «карательная», так как решиться на операцию – значит пойти на добровольную муку, и многие больные предпочитали умирать от болезней. А тот, кто все-таки решался доверить себя хирургу, мог просто не вынести болевого шока и умереть на хирургическом столе»* [20, с. 42].

Единственный вопрос, так и не решенный до начала 50-х годов XIX века – проблема асептики и антисептики. *«По медицинской статистике, к началу XIX века около 60-80 % прооперированных умирало от заражения крови... Халатов не было, хирурги одевали*

фартуки или обвязывали живот полотенцем. Хирурги, как правило, мыли руки не до, а после операции...» [20, с. 42]. Проблема обеззараживания была решена только в 1863 году благодаря деятельности французского иммунолога Л. Пастера.

Наряду с хирургией, развивалась и терапевтическая практика. Было введено наблюдение больного у постели, тщательное обследование, ведение подробной истории болезни.

В этот период времени появились первые термометры, которые уже к концу XIX века приобрели современный вид.

XIX век стал золотым веком медицины. Она развивалась бурно, практически во всех направлениях. Симбиоз анатомии и физиологии, а также появление антисептики легли в основу развития хирургии. Как следствие появляется новый инструментарий, делаются первые шаги в области анестезиологии, закладываются основы эпидемиологии и гигиены, так необходимые в период роста инфекционных болезней. Создание регулярных Вооруженных сил привело к формированию новой науки – военной медицины.

Именно в этот период проходило становление Севастопольского военно-морского госпиталя. Из-за скудности дошедших до нас архивных документов, некоторые сведения о медицинском персонале первого Севастопольского госпиталя можно почерпнуть из метрик, которые отражают не только фамилию, имя, отчество, дату рождения, ухода из жизни, но и социальный статус человека, место его работы и занимаемую им должность. Также из метрических записей можно частично получить данные о его личной жизни: семье, родственниках, некоторых друзьях, вероисповедании и церковных обрядах, в которых он принимал участие (венчание, крещение детей, отпевание).

По данным метрических книг был выявлен 161 медицинский работник. Из них 64 человека относятся к руководящему медицинскому составу, а именно – 4 старших лекаря, 32 штаб-лекаря, и 38 лекарей.

Важная роль в работе медиков отводится среднему и учетному медицинскому персоналу. Большое значение имеет их тесная взаимосвязь с врачебным составом, преемственность в их работе, четкое понимание их значимости и осознание чувства долга и ответственности. По данным метрических книг насчитывается 80 служащих среднего персонала. В свою очередь они подразделяются на фельдшерский состав, фармацевтический персонал и учебный медицинский персонал.

«К 1790 году, по мере бурного роста флота, стало очевидно, что госпиталь значительно удален от центра города и корабельных причалов» [21, с. 13]. Появилась необходимость постройки нового здания, расположенного в не столь отдаленном месте и с большим тщанием.

Местом расположения нового здания госпиталя стал восточный берег Южной бухты, на Корабельной стороне Севастополя. О новом корпусе Севастопольского морского госпиталя упоминается в донесении Карцова Павлу I о результатах инспекторского смотра: *«Госпиталь по числу 300 человек больных выстроена в 2 этажа каменная по высоте берега в Южной бухте против города и при ней казармы для житья госпитальных служителей, бельем и прочими надобностями, больные пользуются и содержаться с рачением»* [24, с. 658].

Таким образом, флотские медики получили добротное по тому времени здание главного лечебного учреждения, которое выгодно отличалось от первого госпитального лазарета в Сухарной балке.

Из-за напряженной эпидемиологической обстановки на юге России медицинская администрация флота в 1812 году разработала и внедрила в действие «Положение о кордонах», «Правила порядка очищения городов и селений в местах, заразе подпавших» и «Правила для прекращения заразы» [19, с. 25].

К началу русско-турецкой войны (1828-1829 гг.) Севастополь уже был самым большим городом Крыма. Его население превышало 40 тысяч человек. К этому времени в Севастополе уже было свыше 2 000 каменных домов, построены новые морские флотские казармы на 10 тысяч человек, училище для юнг на 250 человек, училище для девочек, военный карантин рядом с Херсонесом и Севастопольский морской госпиталь [21, с. 13].

Описание госпиталя конца 20-х годов XIX века имеется в статье О.А. Зотовой «Севастопольский морской госпиталь в зеркале реформ морской госпитальной части»: *«Больные располагались в трех флигелях. Между двумя из них была построена церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Госпитальные службы находились в отдельных помещениях: кухня, аптека с лабораторией, прачечная и др. Весь комплекс был огорожен. К югу от него для главного лекаря и других медицинских чиновников были отведены дома... неподалеку располагалась мечеть, построенная по просьбе... матросов татарской национальности»* [17, с. 24].

Важной проблемой, с которой сталкивался Севастопольский морской госпиталь с 1829 года, является вопрос о переведении его из 3 в 4 класс. Данная проблема была решена только в 1834 году. На протяжении этих 5 лет госпиталь сталкивался с такими трудностями, как нехватка материалов, продовольствия, медикаментов и, в том числе, медицинского персонала. Все это было связано с тем, что Севастопольский морской госпиталь в тот период времени был переполнен больными. Стабильно количество больных превышало норму. 27 мая 1834 года Севастопольский госпиталь был переведен в четвертый класс. Теперь он был рассчитан на 1200 мест для нижних чинов и 20 мест для офицеров. В его штате значилось 12 врачей, а не 7, как было до этого.

В 1833 году Черноморский флот возглавил адмирал М.П. Лазарев. А главным врачом Севастопольского морского госпиталя в это время был Василий Гейнрих. Именно эти люди воплощали новые формы и методы медицинского обеспечения. Открывается женский лазарет, аптека и плавающий лазарет на 175 человек. Под руководством В. Гейнриха создавались изоляторы для лихорадящих больных, а также специальные отделения для лиц с глазными и венерическими болезнями. К важным нововведениям можно отнести появление медицинской документации, такой как история болезни, заполняемая на каждого больного на латинском языке. Впервые в госпитале была введена должность главного хирурга. С именем В. Гейнриха связано внедрение хлороформенного наркоза для обезболивания во время тяжелых хирургических операций.

Из-за наличия «горячечных больных» от таких заболеваний, как брюшной и сыпной тифы, холера и москитная лихорадка, в госпиталь ежегодно поступало до 15 тысяч больных. При этом смертность достигала огромных цифр: от тифа – 13%, от туберкулеза – 90,5 %, водянки на почве сердечно-сосудистой недостаточности – 67,5% [19, с. 57].

С 1834 по 1839 годы Севастопольский морской госпиталь расширялся. Был построен еще один флигель для офицеров. В 1840 году увеличена госпитальная служба: построен сарай для пожарных инструментов и отдельно – сарай для набивки тюфяков. В 1841 году увеличивают декохтурную – здание для приготовления декохта (отваров из лекарственных растений).

К середине 40-х годов XIX века Севастопольский морской госпиталь столкнулся с рядом проблем: количество больных достигало 1400 при норме 1200 человек; снабжение ориентировалось на четвертый класс, а значит, не хватало провианта, вещей, медикаментов и медицинского персонала; требовался капитальный ремонт и увеличение помещений. Были выделены деньги на постройку новых зданий Севастопольского морского госпиталя. Николаем I выдвигалась идея об объединении военного и морского госпиталей в единое медучреждение [17, с. 26].

В 1844 году представлен план строительства нового флигеля на 480 коек, разработанный инженерной командой. 11 апреля 1845 года проект был утвержден. В результате этого было поставлено несколько задач: построить отдельные флигели для больных военно-сухопутного ведомства; расширить существующие флигели; упразднить арестантский лазарет и освободить казармы.

В изучаемый период, госпиталь был практически единственным лечебным заведением в Севастополе: *«Медицинскую помощь населению Севастополя оказывали один городской врач и частнопрактикующие военные и морские врачи. Гражданскому населению, в том числе и детям, разрешалось лечиться в госпитале за небольшую плату»* [4, с. 13]. Если доказывалось, что больной не может лечиться в госпитале из-за несостоятельности, то за него платил Комитет общественного призрения Таврической губернии.

В 1828 году Севастопольский госпиталь был снабжен паровыми машинами для лечения больных хроническими ломотами и накожными сыпями. Они использовались для окуривания больных серными и другими парами без вреда для дыхательных органов. Это были первые шаги по внедрению физиотерапевтических методов лечения.

Инфекционные болезни, возникавшие на юге России в XIX веке, уносили много жизней военнослужащих и мирного населения. Они были основной проблемой, которую предстояло в срочном порядке решать медицинскому персоналу Севастопольского военно-морского госпиталя. Царское правительство не занималось в должной мере обустройством городских окраин Севастополя. Благоустроенный центр резко отличался от нищих слободок, где жило трудовое население. Особенно ярко это было заметно в Корабельной, Артиллерийской слободках и на «Хребте беззакония», расположенном на городском холме. *«Ветхие лачужки, мазанки, полупещеры служили жильем для рыбаков, семей солдат и матросов... Особенно грязным был «Хребет беззакония» - место притонов и кабаков»* [4, с. 8]. Санитарно-гигиенические проблемы флота и города сливались воедино. Главные из них – нехватка пресной воды и болезни, свирепствовавшие по всему северному берегу Черного моря: оспа, чума, сибирская язва, тиф и холера. *«Эпидемиологическая обстановка по чуме на юге России в конце 20-х годов XIX века была неблагоприятной для Севастополя»* [4, с. 8]. Это было связано с тем, что существовала угроза завоза заболевания с театра военных действий русско-турецкой войны 1828-1829 годов через матросов, раненых солдат и пленных. Учитывая сложившуюся обстановку, в России издается указ о введении строгого карантина во всех городах Причерноморья.

Ввиду отсутствия в Севастополе вышеназванных заболеваний, карантинный режим не препятствовал выезду и въезду в город, при условии соблюдения некоторых предосторожностей. Жителям было разрешено выгонять скот на пастбища. И фактически карантинный режим не мешал горожанам вести привычный образ жизни.

Так было вплоть до лета 1829 года, когда меры были значительно ужесточены. Это было связано с тем, что в Севастополь пришел корабль «Император Франц» с больными на борту, предположительно, чумой. Чуть позже пришли еще два таких же корабля. Окончательно диагноз «чума» установлен не был.

Из-за усиления мер безопасности сообщение слободок с внешним миром прекратилось. Остановился подвоз сельскохозяйственных продуктов, сена и дров. Быт молодого города был тогда еще плохо устроен, и большинство людей проживало в лачугах, где было сыро, тесно и холодно. В сложившихся обстоятельствах, жители были лишены возможности отапливать помещения из-за отсутствия дров. Больше всего карантинные мероприятия отразились на бедных слоях населения. Они голодали, так как были лишены своих источников пропитания – огородов, пастбищ, озер для рыбной ловли. Им было запрещено выпасать за городом скот. Горожане были вынуждены продавать его или сдавать на бойню. Стали резко расти рыночные цены и появились спекулянты, желающие заработать на испуганных жителях, пользуясь попустительством власти.

В городе была создана комиссия для погашения чумы. Многие медицинские работники приняли активное участие в карантинных мероприятиях. Это были не только врачи Севастопольского морского госпиталя, но и медики из администрации флота и порта. К примеру, штаб-лекарь Стефановский, главный доктор госпиталя Глаголев, лекарь Дворецкий и др. Случаев заболевания чумой зафиксировано так и не было. Однако всех заболевших любыми инфекциями помещали в чумной лазарет и обсерваторное отделение – изолятор для членов семьи больных. Для лазаретов выделяли полуразрушенные казармы и пещеры.

Город был разделен на 9 частей. Ими заведовали врачи и временный комиссар карантина, за которым закреплялся окурщик.

Важным механизмом контроля над населением была полицейская служба. Она имела особое значение, так как все карантинные мероприятия проводились насильственно, при активном участии комиссаров, полицейских, дозорных, окурщиков и мортусов. Окурщики под надзором врачей окуривали жилые помещения хлором.

В середине января 1830 года доктором Лангом была введена новая профилактическая мера, предназначенная как для больных, так и для здоровых – купание в бухте. Несмотря на зиму, данная процедура повторялась 3–4 раза в месяц. Купания продолжались вплоть до мая. Как следствие, резко повысился уровень простудных заболеваний со смертельным исходом. Обращение с больными было жестоким и бесчеловечным. Ярким тому примером может служить ситуация, произошедшая с командой фрегата «Эривань»: «... за одну неделю – не больше, из 80 человек больных, брошенных на фрегате «Скором», умерло 60 человек – остальные взяты потом в госпиталь» [12, с. 91].

Наибольший ужас и страх среди населения вызывали, так называемые «мортусы». На эту должность нанимались арестанты. Их функция заключалась в том, чтобы убирать мертвые тела и перемещать больных чумой в чумные отделения. Чтобы избежать заражения чумой, служащие одевали специальную одежду: кожаные куртки, шапки и перчатки, смазанные дегтем, маслом и рыбьим жиром.

Среди населения распространялось мнение о чуме как о «божьей каре». А виновником и носителем «этой заразы» считались женщины. Именно поэтому женщины подвергались всяческому издевательствам и унижениям. Т.Н. Веренкина описывает происходившее так: «Несколько женщин, умерших от родов, но признанных чумными, мортусы таскали через город в самом позорном положении... привязанных за голову и ногу к водоносу, держа за ноги мертворожденных младенцев. Мортусы, будучи пьяны, роняли их в грязь и вывозили тела умерших на одной телеге с дохлыми собаками» [4, с. 10].

С марта 1830 года карантинные правила были ужесточены еще сильнее. Было введено «всеобщее оцепление». Никто из жителей не имел право выходить из своих домов и дворов. На почве недоедания и голода стали развиваться различные болезни. Участились случаи голодной смерти. Такое «тюремное» положение продолжалось восемьдесят дней. Забота и внимание к больным не проявлялись совершенно. Их отправляли умирать в пещеры Инкермана, а иногда даже сжигали полуживыми в ямах. Срок карантина истек 27 мая 1830 года. Было открыто свободное перемещение между населенными пунктами и городом практически везде, кроме Корабельной слободки. Там оцепление оставили еще на семь дней, до 3 июня. Бытует мнение, что на самом деле власти хотели изолировать от населения наиболее опасные и подозрительные элементы, проживавшие именно в Корабельной слободке. В глазах начальства данная территория была рассадником мятежного духа. 3 июня 1830 года карантин в Корабельной слободке был продлен еще на 2 недели, что вызвало волну возмущений. Обстановка накалялась. Голод, многочисленные смерти из-за отсутствия квалифицированной помощи и неправильной диагностики заболевания, слухи о преднамеренном отравлении и заражении населения болезнями привело к восстанию [4, с. 36].

К этому моменту подготовка к восстанию продолжалась на Корабельной слободке уже довольно продолжительное время. Был избран военный совет, создано три вооруженные группы и даже было свое караульное охранение. 3 июня 1830 года прозвучал сигнал к восстанию. В нем приняли участие матросы флотских экипажей, мастеровые 17 и 18 рабочих экипажей, рабочие военного ведомства и все беднейшее население города. «Гнев народа был обращен, в первую очередь, на представителей государственной власти. Ворвавшись в дом генерал-губернатора Столытина, восставшие убили его. Были убиты «чумной комиссар» Степанов, инспектор Севастопольского военного карантина Стулли, избит адъютант военного губернатора – Радионов» [4, с. 10].

Сотня восставших пробилась в центр города. В жилых усадьбах и домах военного ведомства на улице Екатерининской начались погромы. В результате этих действий были убиты несколько чиновников, офицеров и купцов. В течение четырех дней, с 3 по 7 июня 1830 года, город фактически находился в руках восставших. 7 июня 1830 года восстание в Севастополе было подавлено с особой жестокостью при помощи стянутых в Севастополь войсковых частей из других районов Крыма. Была создана военно-судебная комиссия, главной целью которой было решение судьбы восставших. 1580 участников предстали перед судом. Семеро зачинщиков были публично казнены. Остальные приговорены к тяжелым телесным наказаниям. Затем началось массовое насильственное выселение жителей Корабельной

слободки в другие города империи. 4200 жителей Севастополя – матросы с женами и детьми – были выселены в Архангельскую и другие губернии [18, с. 215].

Действительно, занос чумы в Севастополь через матросов и пленных представлял реальную опасность. Однако, методы проведения некогда правильно спланированных мер по профилактике данной болезни, из-за жестокости и неразумности отдельных флотских и медицинских начальников, стали главной причиной «чумного бунта».

Конец XVIII – начало XIX веков был периодом становления Севастопольского военно-морского госпиталя. Сложность работы медиков в этот период времени была обусловлена отсутствием четкой организации в работе медицинского состава и «наивно-начальным» уровнем развития медицины (отсутствием достаточных знаний по нормальной анатомии и физиологии человека, систематизированных знаний по патологии человеческого организма и скудным фармакологическим арсеналом). Высокий уровень инфекционной патологии был обусловлен несовершенным уровнем канализации и утилизации отходов в Севастополе. Антибактериальные препараты на данном этапе развития медицины еще не были изобретены. Список антисептических препаратов был крайне скуден: отвар ромашки, шалфея и карболовая кислота. В результате этого, инфекционные заболевания уносили больше жизней, чем боевые действия. Дизентерия и холера убивали большее количество солдат, чем вражеские армии, а чума делала пустынными целые города и области. Медицинская помощь в изучаемый период носила «хосписный» характер.

В первой половине XIX в. Севастополь был удален от зон боевых действий. Сражения проходили в Средиземном море и Атлантическом океане. Из-за отсутствия потока раненных, патология больных, с которыми сталкивались севастопольские врачи была однообразной. Задачи, стоящие перед госпиталем, имели мирный характер, что препятствовало дальнейшему профессиональному росту медиков. Отсутствие «живой» работы заставляло командование медицинской службы флота создавать видимость бурной деятельности (издание указов, формуляров, усиление противоэпидемической работы). Наиболее ярко это видно в перегибах в борьбе с чумой в 1829-1830 годах. Несмотря на то, что чумы в Севастополе не было, чиновники довели работу по предупреждению этого заболевания до трагического фарса. Это и спровоцировало «Чумной бунт».

Из положительных моментов следует отметить содержание зданий и помещений госпиталя на приемлемом уровне, накопление инструментальной и медикаментозной базы, поддержание дисциплины сотрудников. Медицинский персонал госпиталя имел определенную градацию на руководящий, врачебный и вспомогательный состав. Каждый из них выполнял свои задачи.

Были открыты первые в Севастополе женское и глазное отделения.

Таким образом, «историческое затишье» в конце XVIII- начале XIX веков позволило сохранить и развить уже созданные отделения и направления в медицинской практике, отработать организацию снабжения медикаментами, продуктами, питьевой водой. А также развить методы антисептики, вести строительство новых корпусов, открывать новые отделения и развивать новые направления медицины.

Источники и литература.

1. Арутюнян В.Г. Зубарев А.А. Из истории адрес-календаря (1801-1825 гг.). Вестник морского врача № 5. Севастополь, 2008. С. 27-32.
2. Белевитин А.Б. Военная медицина (становление и развитие). СПб.: Военное издательство, 2007. 568 с.
3. Богданов А.Б. Забытый в Польше и России: шляхтич Августин Валявский – усмиритель чумы в Севастополе. Вестник морского врача № 5. Севастополь, 2008. С.64-66.
4. Веренкина Т.Н. Здравоохранение Севастополя. Севастополь: Ахтиар, 1997. 166 с.
5. Государственный архив города Севастополя (далее – ГАГС). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
6. ГАГС. Ф. 23. Оп. 1. Д. 3,7,9,11,12; Оп. 3. Д. 3. Л. 2; Д. 9. Л. 33; Д. 7. Л. 96.; Д. 11. Л. 55; Д. 12. Л. 125; Д. 5. Л. 43, Об. 57, Об. 64, 70., Об. 71, Об. 95.
7. ГАГС. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 776. Об. 77.
8. Закревский Н.И. Записки морского врача. Морской сборник № 2. СПб.: Академия наук, 1863. С. 223-239.
9. Закревский Н.И. Записки морского врача. Морской сборник №3. СПб.: Академия наук, 1861. С. 59-76.

10. Закревский Н.И. Записки морского врача. Морской сборник №3. СПб.: Академия наук, 1862. С. 168-181.
11. Закревский Н.И. Записки морского врача. Морской сборник №3. СПб.: Академия наук, 1863. С. 145-157.
12. Закревский Н.И. Записки морского врача. Морской сборник № 4. СПб.: Академия наук, 1904. С. 338-354.
13. Закревский Н.И. Записки морского врача. Морской сборник № 5. СПб.: Академия наук, 1855. С. 277-293.
14. Закревский Н.И. Записки морского врача. Морской сборник № 9. СПб.: Академия наук, 1861. С. 59-81.
15. Закревский Н.И. Записки морского врача. Морской сборник № 10. СПб.: Академия наук, 1861. С. 153-174.
16. Закревский Н.И. Записки морского врача. Морской сборник № 11. СПб.: Академия наук, 1862. С. 184-202.
17. Зотова О.А. Севастопольский морской госпиталь в зеркале реформ морской госпитальной части. Вестник морского врача № 10. Севастополь, 2010. С. 22-29.
18. Иванов В.Б. Севастополь. Историческая летопись 1783 - 2008 гг. Севастополь: ЧП Иванова, 2008. 481 с.
19. Кондратьев И.М. Севастопольский морской госпиталь. Документы, факты, воспоминания. Севастополь: Медгиз, 1964. 209 с.
20. Наумова Ю.А. Ранение, болезнь, смерть. М.: Модест Колеров, 2010. 319 с.
21. Осадчий А.С., Зубарев А.А. Из истории Севастопольского морского госпиталя. Вестник морского врача № 5. Севастополь, 2008. С. 12-19.
22. Сосин В.В. История военно-морской медицины русского и советского военно-морского флота. М.: Военное издательство, 1992. 160 с.
23. Терещук Н. Медицинские работники первой половины XIX века в метрических книгах государственного архива города Севастополя. Вестник морского врача № 5. Севастополь, 2008. С. 34-41.
24. Ушаков Ф.Ф. Документы. М.: Военмориздат, 1951. 867 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ПЕРЕПЕЛИЦА Л.В.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Об истории II мировой и Великой Отечественной войн написаны сотни научных исследований – от многотомных изданий, в которых всесторонне рассматриваются различные аспекты этой трагедии, до скромных публикаций, рассказывающих о жизни простого человека в условиях войны. Однако всё еще остаются проблемы, которые требуют более глубокого и всестороннего изучения, в частности, необходим более объективный анализ деятельности в годы войны Русской Православной церкви.

В период тяжелых испытаний для государства и народа Церковь играла консолидирующую роль, стояла на патриотических позициях и призывала народ к защите Отечества. Не смотря на то, что Церковь в годы советской власти понесла огромные материальные и людские потери, в час, когда над страной нависла угроза порабощения, служители церкви оказались в первых рядах для объединения народа в борьбе с врагом. Руководством страны были предприняты шаги по нормализации отношений между государством и Церковью, был созван Поместный Собор, создан Комитет по делам православия. Государство обратилось за помощью к церкви, зная, что, не смотря на годы гонения, Православная Церковь не утратит роли Защитницы Отечества.

Эта консолидирующая, объединяющая, прогрессивная роль Православной церкви, присущая ей прежде, является её особенностью и в настоящее время.

Особую значимость для выявления роли РПЦ в деле идейно-нравственного воспитания на героических традициях и примерах служения Родине имеет исследование опыта деятельности духовенства и мирян во время войны. В годы тяжелых испытаний служители церкви всегда вставали на патриотические позиции и призывали верующих к защите Отечества. Призывы и обращения руководства Московской Патриархии, активное участие в боевых операциях на фронтах Великой Отечественной войны, самоотверженная работа в тылу духовенства и мирян способствовали решению общей для всех советских людей задачи по разгрому оккупантов.

Историографический анализ трудов, посвященных деятельности РПЦ в годы войны, даёт возможность выделить два периода, существенно отличающихся друг от друга, и имеющих характерные особенности:

1. Период советской историографии с 1941 г. до второй половины 80-х годов;
2. Постсоветский период, начавшийся со второй половины 80-х годов и продолжающийся по настоящее время.

I. Первый период.

Как объект исторического исследования, деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны начинает рассматриваться во второй половине 50-х — первой половине 60-х гг. XX в.

Основное внимание советских исследований было сосредоточено на патриотической позиции Церкви в годы войны как центральном факторе, повлиявшем на нормализацию отношений Православной церкви с Советским государством. Рассматривая патриотическую деятельность церкви, официальные светские историки подчеркивали, что было бы ошибкой переоценивать ее значение в достижении победы. В советской историографии наука не отделена от государственной идеологии, поэтому, при изучении данного пласта литературы следует учитывать этот фактор.

Одна из работ, в которой анализировались государственно-церковные отношения во время войны, является труд Г.Г. Карпова, который с сентября 1943 по февраль 1960 гг. был председателем Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. Его книга "О Русской Православной церкви в Советском Союзе" [5] ценна тем, что в ней дается высокая оценка патриотической деятельности церкви. Говорится о не-свободном положении церкви в царской России, отмечается факт нормализации государственно-церковных отношений в советский период, а также представлен текст записки Г.Г. Карпова о приеме И.В. Сталиным Иерархов Русской Православной Церкви в сентябре 1943 г., где подробно описывается беседа митрополитов Сергия, Алексия и Николая со Сталиным: *«Данный прием был историческим событием для церкви и оставил у митрополитов Сергия, Алексия и Николая большие впечатления, которые были очевидны для всех, кто знал и видел в те дни Сергия и других»*. Однако автор значительно преувеличивает роль Советского государства в нормализации отношений с РПЦ, приукрашивает положение Церкви в военный период.

Большой интерес представляет работа Д.И. Сидорова «Защита Родины и религия» [21], в которой автор рассматривает вопрос о роли религии и церкви в защите Родины с альтернативной позиции. В главе «Победа социализма в СССР и отношение церковников и сектантов к защите Родины» Д.И. Сидоров рассматривает мотивы деятельности Церкви в ходе войны как естественное желание спастись от фашистского порабощения, осуждает пропаганду богословов, отрицает существование бога, рассматривает «преступную деятельность духовенства» на оккупированных территориях. Так, на Украине глава униатской церкви Шептицкий участвовал в организации фашистских воинских формирований, приветствовал немецкую армию, Поликарп Сикорский организовал автокефальную украинскую церковь для защиты фашизма. В Белоруссии священники во главе с Филофеем на съезде послали приветственную телеграмму Гитлеру с благодарностью за освобождение от «безбожников большевиков». Автор обращает внимание на лояльное отношение высшего руководства православной церкви по отношению к изменникам. Д.И. Сидоров считает, что советский народ без помощи мифических божественных сил, церковных молитв и пропаганды загробного счастья встал на защиту социалистического государства и победил фашистскую напасть.

Значительное место в изучении рассматриваемого вопроса занимает работа В.А. Куроедова «Религия и церковь в Советском государстве» [6], где автор сделал попытку нарисовать общую "позитивную" картину положения религии и Церкви в советской России, снабдив ее историческим экскурсом и некоторыми теоретическими выкладками об отношениях между Церковью и государством. В.А. Куроедов (1906-1994) – советский партийный и государственный деятель. С 1960 по 1965 гг. – председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, с 1965 по 1984 год – председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР. В своей работе Куроедов изложил все общепринятые в марксистско-ленинской теории и практике положения о религии, описал положение Церкви в Советском государстве как свободное. В качестве доказательства лояльного отношения государства к Церкви в годы Великой Отечественной войны использовал материалы речей митрополита Сергия. В главе "Неукоснительно соблюдать Конституцию СССР и законодательство о религиозных культурах" детально описал деятельность Совета по делам религий. Работа внешне учтивая по отношению к церкви, но в основе своей содержит идеологическую направленность.

Среди периодических изданий, выходивших в советский период и освещавших вопросы деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны, особое место занимает Журнал Московской Патриархии, который издается с 1931 г. по сей день. Публикует послания и распоряжения патриарха и Синода, сведения о жизни РПЦ и др. христианских церквей, статьи богословского и церковно-исторического характера, библиографию церковных изданий. В годы Великой Отечественной войны журнал был главным источником информации о деятельности Церкви для верующих. В журнале печатались официальные документы в виде обращений, докладов, писем, отчетов; доку-

менты, посвященные церковной жизни – назначения, проповеди, молитвы; статьи на актуальные темы и корреспонденции с места, а также объявления.

Внимания заслуживают официальные обращения. В № 1 за 1943 г. представлен доклад Митрополита Сергия «О деятельности Православной Церкви за два года отечественной войны» [11]. В нём митрополит определяет позицию Церкви к войне – *«то есть безусловно отрицательную ко всему, что носит на себе печать фашизма, печать враждебности к нашей стране»*, сообщил, что на устройство танковой колонны имени Дмитрия Донского уже собрано больше 8 миллионов рублей, и поставил задачу *«продолжать вместе со всем русским народом служить общему делу освобождения нашей родины от фашистского нашествия»*. В этом же номере представлен доклад митрополита Алексия на Соборе епископов 8 сентября 1943 г. «Долг христианина пред Церковью и родиной в эпоху отечественной войны», в котором немецкое нашествие сравнивается с войной 1812 года, задается ряд вопросов о долге в деле защиты Родины, о том *«Где же и как выковывается победа?»*, о воодушевлении и связи войска с народом, и о том, что *«и в дальнейшем всем нам следует неуклонно идти по этому пути святого воодушевления, подвига, молитвы, веры в неиссякаемую силу помощи Божией, ибо только этот путь ведет к победе»*.

Здесь же представлены ещё 2 документа. Первый – «Обращение Собора преосвященных архиереев Православной Русской Церкви к советскому правительству» [15]. И второй – «Осуждение изменников вере и отечеству» [18]. «Обращение Собора преосвященных архиереев Православной Русской Церкви к советскому правительству» представляет собой благодарность, высказанную главе Советского Правительства И.В. Сталину за *«сочувственные отношения к нуждам Русской Православной Церкви»* и благословение трудов Правительства для достижения победы.

Второй документ – «Осуждение изменников вере и отечеству» содержит порицание предателей и приспешников фашистов: *«Святая Православная Церковь, как русская, так и восточная, уже вынесла свое осуждение изменникам христианскому делу и предателям Церкви. И мы, сегодня, собравшиеся во имя Отца, Сына и Святаго Духа, подтверждаем это осуждение и постановляем: всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана. Аминь»*. Подписан 3 митрополитами, 11 архиепископами и 4 епископами.

Во втором номере Журнала Московской Патриархии от 1943 года в статье Митрополита Николая «Разрушение и смерть» [10] рассматривается вопрос о том, что принес с собою народам фашизм. Ответ дается однозначный: *«слезы и кровь, разрушение и смерть»*. Описывается поездка митрополита в качестве члена Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию немецких злодеяний по городам Смоленской области. Рассказывается о преступлениях фашистов и о возвращении жителей в освобожденные города.

Следующая статья в ЖМП № 2 от 1943 года посвящена сооружению на средства верующих общецерковной танковой колонны имени Дмитрия Донского. Митрополит Николай повествует о деятельности по сбору средств на строительство колонны, приводит точные данные о собранных средствах: *«города Москвы и Московской области, внесшие на это дело свыше 2 миллионов рублей. Наибольшие суммы внесены по Москве: Кафедральным Богоявленским собором и его духовенством 420900 р., верующими и духовенством церквей: Даниловского кладбища – 185 тыс., Нечаянной Радости 112 тыс., Знаменской в Переславской слободе – 100 тыс., Воскресенской в Брюсовском переулке 100 тыс. и др. На сооружение колонны танков большие суммы даны духовенством и верующими города Ленинграда (1000000 руб.)»*.

В ЖМП № 3 за 1943 год уделяется внимание положению на Украине в опубликованном «Обращении митрополита Николая к клиру и верующим жителям Украины» [16]. Митрополит осуждает деятельность примкнувших к фашистам священнослужителей, молиться о крепости духа украинского народа и поздравляет с 26-ой годовщиной Советского государства.

В журнале № 8 за 1944 год в статье Митрополита Николая «По страшным следам фашистского зверя» [13] описывается увиденное при посещении Крыма в качестве члена

Чрезвычайной Государственной комиссии. Митрополит описывает разрушенный Севастополь и Херсонес: *«Сердце заполняется холодом ужаса. Всюду одни руины. Нет почти ни одного дома. Памятники подверглись наибольшему разрушению. Известная панорама Севастопольской Обороны 1853–1856 гг. сожжена; памятник адмиралу Корнилову на Малаховом кургане увезен немцами в Германию, а пьедестал разрушен; памятник Тотлебену обезглавлен. Уничтожены почти все памятники и надмогильные плиты на Английском кладбище. Расхищены экспонаты Исторического музея. Доказательство бессмысленной и тупой немецкой злобы представляет сегодня Херсонес».*

Подводя итог обзору историографии первого периода, можно сделать вывод, что изучению вопросов деятельности Православной церкви в годы Великой Отечественной войны уделялось недостаточно внимания, а работы, которые издавались, были неразрывно связаны с идеологией государства и не всегда объективны.

II. Второй период.

Новый этап в отечественной историографии начался в условиях Перестройки. Произошедшие социально-политические изменения в стране побудили исследователей Великой Отечественной войны пересмотреть свои прежние оценки и концепции, заняться поиском новых подходов. В результате этого активизировалась исследовательская работа по изучению роли Церкви в событиях истории XX века, в том числе в период Великой Отечественной войны. Большинство современных историков в своих работах высоко оценивают патриотическую деятельность Церкви. Они убедительно доказывают, что она способствовала консолидации сил страны в противодействии врагу, укреплению морального духа народа.

Среди работ, посвященных положению религии и Церкви в военные годы, изданных в постсоветский период, следует отметить следующие: В. Цыпина «История Русской Православной Церкви», Д.В. Поспеловского «Русская православная церковь в XX веке», Ю.А. Катунин «Русская Православная церковь в годы Второй Мировой войны (1939-1945)», И. Власовского «Нарис історії Української Православної Церкви», Ю. Волошина «Українська православна церква в роки нацистської окупації (1941-1945 рр.)».

Наибольший интерес для нас представляет работа Ю.А. Катунина «Русская Православная церковь в годы Второй Мировой войны (1939 – 1945)» [4], а особенно – вторая глава «Православие Крыма в 1941-1945 гг.». В ней автор рассматривает характер и план нападения фашистских войск на Крым, программу эвакуации населения, захват Крыма и Симферополя оккупантами, формирование органов управления в Крыму, процесс восстановления церковью различных конфессий, причины, подвигнувшие оккупантов на это, проведение «санитарной зачистки» населения.

Автором анализируется ущерб, нанесенный культуре, здравоохранению, искусству и зданиям религиозного культа Крыма, деятельность группы «Крым», проведение агитационной работы на оккупированной территории, в том числе публикация периодических изданий с материалами в поддержку религии: *«Первые статьи, посвященные проблемам религии, были опубликованы в газете «Голос Крыма» в декабре 1941 года. Анализ некоторых публикаций, в которых крымскими идеологами-предателями была предпринята попытка использования религии в качестве мировоззрения, не только оправдывающего, но и поддерживающего нацизм. 25 декабря 1941 года в пятом номере газеты было напечатано 2 статьи: «О свободе религии» и «Единственная религия, которую признают большевики», посвященных проблемам религии и церкви в СССР. В них утверждалось, что в течение последних двадцати лет «большевики разрушали религию, уничтожали храмы, жестоко мучили, ссылали и расстреливали священнослужителей».*

Далее, на основе анализа архивных документов, автор рассматривает процесс открытия православных храмов в годы оккупации в различных районах Крыма: в Симферополе – 8, в Севастополе – 4, в Ялте – 4, в Саках – 5, в Бахчисарайском районе – 2, в Евпатории – 11, в Феодосии – 4, в Керчи – 3, в Судаке – 1. Подавляющее большинство открыто в 1942 году.

В заключительной части главы автор рассматривает реорганизацию системы органов управления церквями после освобождения Крыма и деятельность Совета по делам РПЦ в Крыму, перерегистрацию церковных общин; приводится список священнослужителей, находившихся в годы оккупации в Крыму, анализирует их возрастной ценз, делает вывод об отношении органов государственной власти после оккупации как терпимое и даже доброжелательное, подчеркивается, что возрождение религии в ходе оккупации происходило как четко спланированная акция немецких властей.

Изучению развития Православной Церкви на оккупированной территории Украины посвятили свои исследования украинские авторы – И. Власовский [2] и Ю. Волошин [3].

Ю. Волошин, в работе «Українська православна церква в роки нацистської окупації» выделяет три этапа во взаимоотношениях оккупационных властей и православной церкви на территории Украины.

Первый период, по мнению исследователя, продолжался с начала оккупации, до 1 июля 1942 г., когда было издано распоряжение рейхскомиссара Коха «О правовой деятельности религиозных организаций». В течение этого периода на территории Украины было открыто подавляющее число православных приходов.

Второй период – с момента издания распоряжения Коха до начала 1943 г. В это время оккупационные власти стали активно вмешиваться в деятельность религиозных организаций, действовавших на Украине. Для открытия церквей требовалось разрешение органов власти. На территории каждого генерал-губернаторства должны были действовать епископы, подчинявшиеся как иерархам церкви, так и генерал-губернатору.

Третий период – с января 1943 г. до окончания оккупации. В это время фашистский оккупационный режим полностью подчинил себе православную церковь на Украине. Ю. Волошин отмечает, что в это время значительная часть священников стала принимать участие в движении сопротивления, что, в свою очередь, вызвало волну репрессий в отношении церкви со стороны фашистов.

И. Власовский в работе «Нарис історії Української Православної Церкви» отмечал, что сложные отношения с православной церковью привели к тому, что вместо объединения «автономной» и «автокефальной» церквей в одну единую, немецкая власть создала на Украине в каждом из пяти генерал-губернаторств по 5 самостоятельных «автокефальных» и «автономных» епархий. Такие епархии были созданы в Житомирском, Волынь-Подольском, Киевском, Днепропетровском и Николаевском губернаторствах.

Патриарх Сергий

При изучении историографии истории Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны следует особо отметить труд Д.В. Поспеловского «Русская православная церковь в XX веке» [19]. Религиовед, профессор Д.В. Поспеловский исследует проблему религиозности населения в военное время и сущность новых взаимоотношений Церкви и Советского государства. Его труд отличается взвешенностью оценок, богатым фактическим материалом. Д. В. Поспеловский так оценивает направленное во все приходы «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» митрополита Сергия: *«Глава исторической национальной Церкви знал, как реагировать на нападение врага, и знал это лучше, чем Сталин, который неделю нигде не появлялся и только через десять дней после немецкого нападения решил выступить по радио. Взволнованным голосом Сталин обратился к народу со словами: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры!» и слова эти были подсказаны не марксистско-ленинской идеологией.*

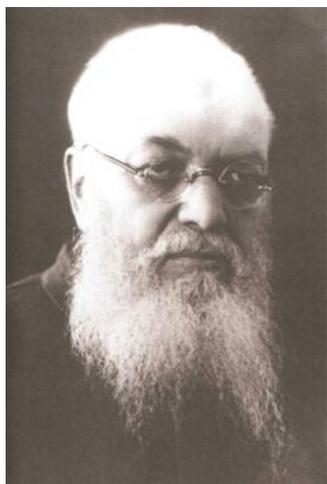
Митрополит же Сергей обратился к народу 22 июня 1941 г., в первый же день войны, в воскресенье, в день праздника Всех святых земли русской. Его пастырское послание было разослано по всем приходам, что, строго говоря, было нарушением закона, согласно которому запрещалась всякая церковная деятельность вне церковных стен; как и всякое вмешательство в государственные дела».

Большой интерес представляет работа протоиерея Владислава Ципина «История Русской Православной Церкви» [23].

Книга начинается описанием Поместного Собора 1917–1918 гг. и завершается решениями Архиерейского Собора 18–23 февраля 1997 года. Придерживаясь хронологического принципа, автор избирает деление на главы по времени служения первоиерархов Русской Православной Церкви, отступая от него только в главах 5 и 11, посвященных церковной истории русской эмиграции и зарубежных епархий, и в главе 12, в которой развитие духовного образования и науки представлено как единый исторический процесс.

Исходя из доступных сегодня материалов, автор описывает преимущественно историю епископата и высшего церковного управления, причем, как специалист в области церковного права, протоиерей Владислав уделяет большое внимание канонической и церковно-юридической стороне. В то же время, за пределами его исследования, ограниченно-го объемом издания, неизбежно остаются важнейшие стороны жизни Церкви – судьба монастырей, приходская жизнь и т.д., еще ждущие своих исследователей.

Помимо авторского текста, в книге представлены традиционные для настоящего издания справочно-библиографические материалы, с небольшими, однако, изменениями. Учитывая, что в 20–50-х гг. одной из форм гонений на Церковь было требование постоянных перемещений епископата на кафедрах, хронологический принцип составления списка архиереев по кафедрам был заменен на более простой — алфавитный. Список монастырей, составленный по времени их открытия, заменяется алфавитным списком действующих монастырей на 1 марта 1997 г.

Архиепископ Лука

В главе «Русская Православная Церковь при Местоблюстителе Патриаршего престола Митрополите Сергии (1936–1943)» автор уделяет внимание начальному этапу войны, реакции Сергия и Сталина на ее начало, завещанию митрополита, эвакуации, митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому), смягчению антицерковной политики правительства, разрешению на замещение вдовствующих кафедр и на новые епископские хиротонии. Еще одним актом советской власти, призванным продемонстрировать благосклонное отношение к православной Церкви и иным религиозным общинам, стало практически полное прекращение в периодической печати антирелигиозных нападок. Рассматриваются вопросы деятельности Церкви на оккупированной территории.

Большую значимость имеют работы о деятельности простых священнослужителей в годы войны. В Красной армии, как известно, не было полковых священников, но были священнослужители, надевшие гимнастерку и взявшие в руки оружие. Были священники, служившие в храмах на оккупированных территориях, но получившие славное звание «партизанских попов». Среди таких работ можно выделить статьи Вадима Якунина «Не прекращалась молитва о стране нашей, властех и воинстве ея...», в которых автор приводит воспоминания священников, служивших своему народу в годы испытаний.

Особого внимания заслуживает анализ работ посвященных жизнедеятельности Крымского архиепископа Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого в миру).

Прежде всего, это работа М. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» [20]. Работа состоит из 2 томов, создана автором посредством тщательного анализа документов и личных встреч с архиепископом Лукой. Две последние главы посвящены деятельности архиепископа во время Великой Отечественной войны и

жизни в Крыму - глава седьмая «Время соблазнов (1941-1946 гг.)» восьмая «Крым – земля курортная (1946-1961 гг.)».

В книге «Крымская епархия под началом Святителя Луки», составленной протоиреем о. Н.Доненко и С.Б. Филимоновым [7], на основе недавно рассекреченных документов из Государственного архива Автономной Республики Крым и архива Главного Управления Службы Безопасности Украины в Автономной Республике Крым, дается уникальная информация о жизни и трудах святителя-исповедника архиепископа Крымского Луки и истории руководимой им в 1946 – 1961 годах Крымской епархии.

В постсоветский период историко-исследовательская база по изучению проблемы деятельности Православной церкви в годы Великой Отечественной войны представлена достаточно разнопланово, освещаются как основные проблемы, так и спорные вопросы.

У современных исследователей не вызывает сомнения, что все послабления, полученные Православной Церковью в годы войны от государства, имели своей целью подключение её к политике. Но всё же, главное ее предназначение государство видело в выполнении функции связующего звена между СССР и остальным миром, защитника от обвинений в преследованиях за веру в Советском Союзе.

Комплексное изучение историографического материала позволяет получить наиболее полную и объективную картину деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны, ее роли и значения в достижении Победы и формировании международного престижа СССР.

Источники и литература.

1. Аруева Л.Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2009 345 с.
2. Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви. К., 1996. 150 с.
3. Волошин Ю. Українська православна церква в роки нацистської окупації (1941-1945 рр.). Полтава, 1997. 246 с.
4. Катунин Ю.А. Русская Православная церковь в годы Второй Мировой войны (1939 – 1945). Симферополь: Пирамида Крым, 2000. 245 с.
5. Карпов Г.Г. О Русской Православной церкви в Советском Союзе [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://krotov.info/acts/20/1940/19430904.html>
6. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М.: Политиздат, 1981. 89 с.
7. Крымская епархия под началом Святителя Луки / протоирей Доненко Н., Филимонов С.Б. Симферополь, 2010.
8. Крымская комиссия по истории Великой Отечественной войны // Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее ГААРК). Ф. П-156.
9. Крымская республиканская чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и нанесенных ими убытков гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крымской АССР // ГААРК. Ф. Р-1289.
10. Митрополит Николай Разрушение и смерть [Электронный ресурс] // Сайт «Журнал Московской Патриархии». 1943. № 2. Режим доступа: <http://www.jmp.ru/jmp/43/02-43/00-c.htm>
11. Митрополит Сергей. О деятельности Православной Церкви за два года отечественной войны [Электронный ресурс] // Сайт «Журнал Московской Патриархии». 1943. № 1. Режим доступа: <http://www.jmp.ru/jmp/43/01-43/04.htm>
12. Митрополит Алексей. Долг христианина пред Церковью и родиной в эпоху отечественной войны [Электронный ресурс] // Сайт «Журнал Московской Патриархии». 1943. № 1. Режим доступа: <http://www.jmp.ru/jmp/43/01-43/05.htm>
13. Митрополит Николай. По страшным следам фашистского зверя (Крым) [Электронный ресурс] // Сайт «Журнал Московской Патриархии». 1944. № 8. Режим доступа: <http://www.jmp.ru/jmp/44/08-44/03.htm>
14. Митрополит Николай. Речь перед благодарственным молебном в Кафедральном Богоявленском соборе г. Москвы 7 ноября 1944 года [Электронный ресурс] // Сайт «Журнал Московской Патриархии». 1944. № 11. Режим доступа: <http://www.jmp.ru/jmp/44/11-44/11.htm>
15. Обращение Собора преосвященных архиереев Православной Русской Церкви к советскому правительству [Электронный ресурс] // Сайт «Журнал Московской Патриархии». 1943. № 1. Режим доступа: <http://www.jmp.ru/jmp/43/01-43/06.htm>
16. Обращение митрополита Николая к клиру и верующим жителям Украины [Электронный ресурс] // Сайт «Журнал Московской Патриархии». 1943. № 3. Режим доступа: <http://www.jmp.ru/jmp/43/03-43/02.htm>
17. О религии и церкви: Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1981.

18. Осуждение изменников вере и отечеству [Электронный ресурс] // Сайт «Журнал Московской Патриархии». 1943. № 1. Режим доступа: <http://www.jmp.ru/jmp/43/01-43/08.htm>
19. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 230 с.
20. Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. М., 1980. 235 с.
21. Сидоров Д.И. Защита Родины и религия. М.: Воениздат, 1963. 74 с.
22. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 2005. 231 с.
23. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. М.: «Хроника», 1994. 569 с.

ВЛИЯНИЕ МЕР ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НА РАБОТУ УЗЛОВОЙ ПОЛИКЛИНИКИ СТАНЦИИ ДЖАНКОЙ В 1944 – 1953 ГОДАХ

Хоменко С.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Созданная Николаем I в 1843 г. железнодорожная медицина, как отдельная отрасль, по замыслу императора, предусматривала, что лечебные учреждения будут находиться под постоянным контролем вышестоящих лиц государства. В 1917 году указом В.И. Ленина была создана Врачебная коллегия при Наркомате путей и сообщений, а в 1941 году начало свою работу Главное врачебно-санитарное управление по распоряжению И.В. Сталина.

После окончания Великой Отечественной войны клиника внутренних болезней железнодорожной медицины продолжала оставаться на военном положении. Комплексное решение медико-социальных проблем железнодорожного транспорта являлось главным условием сохранения и улучшения состояния здоровья населения и продления средней продолжительности жизни граждан узловых железнодорожных станций. В Узловой поликлинике ст. Джанкой Приднепровской железной дороги (с 1935 по 1961 гг. Сталинской железной дороги) также реализовывались единые принципы военно-медицинской науки. Если трудовая дисциплина является неотъемлемым элементом трудового коллектива поликлиники и подчиняется этим принципам, то взаимодействие трудовых правоотношений с государственным регулированием в сфере здравоохранения всегда показывает истинную роль государства в отрасли железнодорожной медицины в том числе.

На примере изменения трудовой дисциплины Узловой поликлиники ст. Джанкой можно рассмотреть поэтапное развитие лечебно-профилактических учреждений на железной дороге в контексте истории отрасли железнодорожной медицины в целом.

Источниковой базой для изучения истории развития поликлиники служит ее архив, а именно - книги приказов по административно-хозяйственным вопросам и личному составу, которые отражали четкую регламентацию деятельности в области управления поликлиникой и оказания медицинской помощи.

Созданная во время войны терапевтическая служба армии уже не отвечала условиям мирного периода [2, с. 105-108]. Поэтому, военные части при железной дороге постепенно были преобразованы в амбулатории, поликлиники и больницы, в которых трудовое законодательство, однако, не предусматривало отмену военного положения. В таких условиях нельзя было избежать случаев нарушения трудовой дисциплины. Как проходила реорганизация, и какую роль продолжали играть дисциплинарные взыскания при этом – вопросы, на которые попытаюсь дать ответ.

1941 – 1953 годы – период в работе Узловой поликлиники, когда степень административной ответственности предусматривала в качестве высшей меры дисциплинарного взыскания арест [6, л. 10]. Структура железнодорожного здравоохранения сохранила столь суровое трудовое законодательство вплоть до 1953 года в некоторой степени «благодаря» И.В. Сталину. Таким образом, трудовая дисциплина либо содействовала развитию новых направлений в клинике внутренних болезней транспортной медицины, либо подрывала авторитет Узловой поликлиники.

В Джанкойской специализированной амбулатории изначально был небольшой штат сотрудников. Персонала хватало на первое время лишь для выполнения одной из главных задач железнодорожной медицины – разработки и внедрения санитарных и гигиенических стандартов условий труда и проведения медицинских осмотров.

Но со временем штат сотрудников увеличивался, так как уровень медицинского обслуживания не отвечал потребностям населения железнодорожного узла. Поэтому все сотрудники старались выполнять свою работу беспрекословно, чтобы «не попасть под три-

бунал». И чтобы предостеречь лечебное учреждение от дальнейших эксцессов, руководство решило усилить контроль над сотрудниками. Как следствие, с июля 1944 года сотрудники обязаны были отмечать свой приход на работу и уход в канцелярии делопроизводителя, отсутствие отметки считалось пропуском [5, л. 12]. Такая мера контроля была привычной для тех, кто уже работал в условиях военной медицины.

Первое нарушение трудовой дисциплины было зарегистрировано 2 февраля 1945 г., почти через год после реорганизации военной части в амбулаторию при железной дороге. Первый выговор с предупреждением был объявлен фельдшеру Ф.С. Дубинской за несвоевременное обслуживание вызовов [5, с. 28]. Высшая мера дисциплинарного взыскания оставалась той же – арест. В марте 1945 года к химизатору Лизун применена мера наказания в виде суда «за ложь на рабочем месте и отказ на приказ главного врача взять кровь у пациента» [5, л. 14]. Следующий «приговор» не заставил себя ждать, и был объявлен в мае 1945 года медсестре Трегубовой «за отсутствие дисциплины и хождение по городу в халате» [5, л. 16]. Служебные расследования никто проводить не хотел, так как это не было принято. В то время на железной дороге не столько беспокоились о медицинском персонале, сколько о материальном оснащении амбулаторий и больниц.

Понимание того, что наказание в виде содержания под стражей неэффективно, пришло спустя 4 месяца. После чего вышестоящее управление в г. Днепропетровске уволило главного врача. Возможно, это увольнение стало попыткой сохранить уже заслуженный авторитет амбулатории в лечебно-профилактической структуре.

Профилактическое направление в работе поликлиники приводило к многочисленным злоупотреблениям в период с февраля 1945 по начало 1946 года. Оно проявлялось в виде расхода большего количества материала и частых командировок. Однако качество обслуживания пациентов оставалось на высоте, несмотря на увеличение штата и лишние расходы.

Хорошо известно, что при ослаблении надзорных функций со стороны руководства возникают не только аварии и катастрофы различного характера, но и ухудшается санитарно-эпидемиологическая обстановка. Второй этап преобразования военной части начался именно так. В конце 1948 года, при смене руководства и лояльном отношении к сотрудникам, медицинский персонал позволял себе пренебрегать служебными обязанностями, понимая, что дисциплинарное наказание в виде ареста ушло в прошлое. Халатное отношение сотрудников привело к распространению острых респираторно-вирусных заболеваний, педикулеза и сыпного тифа [5, л. 85]. Систематические нарушения при соблюдении санитарных норм привели к тому, что теперь производился тщательный анализ роли социального фактора в болезни, повысился интерес к исследованию предболезненных состояний. Одновременно на железнодорожном транспорте начали обращать внимание на профессиональные патологии [8, л. 7].

Возможно, регулярные срывы в работе санитарно-эпидемиологической службы в некоторой степени обусловили развитие профилактического направления в медицине на железной дороге и появление санаторно-курортных учреждений: к 1960 году в Евпатории появились первые базы отдыха для железнодорожников.

Предотвращение болезней началось с банального, но самого важного приказа по поликлинике: наложен запрет на выход из помещения в белых халатах. Неточная формулировка меры наказания за данное нарушение трудовой дисциплины «...будут накладываться административные взыскания» привела к тому, что п. 3 приказа № 1 от 3 января 1950 года стал самым нарушаемым медицинскими работниками [6, л. 1]. В качестве профилактики сотрудника переводили на более низкую должность на определенный срок. Например, с должности патронажной медсестры – на должность обычного медрегистратора.

Смягчение трудового законодательства повлекло за собой очередное нововведение в отрасли железнодорожной медицины. Некоторым амбулаториям и поликлиникам на Сталинской железной дороге вменили карательные-исправительные функции, наряду с лечебно-профилактическими. Причинами к понижению в должности могли послужить «плохая работа», антисанитарное состояние рабочего места, несвоевременное и неполноценное обслуживание железнодорожников и их семей, причинение вреда их здоровью [6, л. 10,

12]. Частые переводы с одного места работы на другое стали обычным делом на железной дороге, но такая практика просуществовала недолго: чаще главные врачи ограничивались «строгим выговором».

В период, когда профилактическое направление в железнодорожной медицине возрастало, очень большое внимание уделялось оборудованию, которое обеспечивало работу врачей. Систематическое «разложение трудовой дисциплины» завхозами обеспечивало проведение инвентаризации по схеме: от бланков отчетности до денежных средств [6, с. 22, 46]. На железной дороге нельзя было допускать халатности сотрудников. Материальная база была главным элементом в обеспечении безопасности движения транспорта и правильном функционировании врачебных участков. Поэтому центральное руководство медицинской службы железной дороги принимает меры по ежегодной инвентаризации оборудования на врачебно-санитарных участках. Благодаря этому оснащенность амбулаторий и поликлиник оставалась на высоком уровне. Благодаря обеспечению благоприятной эпидемиологической обстановки, заболеваемость малярией к октябрю 1951 года снизилась [6, с. 46].

Третий период (1952-1953 гг.) закончился полной реорганизацией военных частей в гражданские поликлиники, амбулатории и врачебные участки при железной дороге. В это время дисциплинарные взыскания и нарушения трудовой дисциплины не играли важной роли в развитии железнодорожной медицины, а являлись лишь предметом принуждения к работе сотрудников со стороны администрации. Судя по характеру нарушения трудовой дисциплины, упор в работе поликлиник делался на исторически обусловленное и подчиненное линейному принципу обслуживание эксплуатационного персонала железных дорог. Многопрофильные лечебные учреждения предлагали оказать доврачебную помощь с последующей госпитализацией (при необходимости) в дорожных и центральных клинических больницах.

Из-за того что железнодорожная медицина не имеет четких административно-территориальных границ, было разрешено обслуживать население прилегающих территорий. Такая форма работы привела к тому, что сотрудники, злоупотребляя своим положением, вводили в оборот подложную документацию, вплоть до присвоения государственных денег. Например, медсестры позволяли себе самовольные отгулы, нарушение порядка патронажа детей на дому, врачи пренебрегали правилами выдачи больничных листов, а конюх иногда отсутствовал во время вывозов [7, с. 24, 28-29]. В целом, административные наказания полностью отображали поэтапное развитие как лечебно-профилактических учреждений на железной дороге, так и самой отрасли.

Таким образом, на каждом этапе постепенная реорганизация военной части имеет несколько особенностей. Во-первых, система железнодорожной медицины стала более открытой для пациентов. Во-вторых, изменение мер по укреплению трудовой дисциплины показало, что медицинскому персоналу не предоставляется возможность защитить свои права. При взаимодействии советской системы здравоохранения и общего правового регулирования труда зародилось и получило развитие профилактическое направление, которое приобрело устойчивое положение вплоть до сегодняшнего дня. На примере работы Узловой поликлиники можно проследить эволюцию профилактики от обычной идеи до самостоятельного научного направления.

Трудовая дисциплина предопределила историческое развитие железнодорожной медицины в условиях послевоенного времени.

Источники и литература.

1. Абдуева Ф.М. Железнодорожная медицина. Х., 2006. 68 с.
2. Бородулин В.И. История медицины России. Клиника внутренних болезней во II половине XIX – первой половине XX вв. М., 2011, 144 с.
3. Диба С.А. Галузева медицина – шляхи та перспективи розвитку // Медицина залізничного транспорту України. Київ, № 1, 2002. С. 5-9.
4. Егорова В.Н. Медицинская статистика на железнодорожном транспорте сегодня и завтра // Медицина залізничного транспорту України. Київ, № 1 2002. С. 74-76.

5. Поликлиника ст. Джанкой Приднепровской железной дороги, гор. Джанкой Крымской области. Приказы по административно-хозяйственным вопросам и личному составу за 1944-48 гг. 87 л.
6. Поликлиника ст. Джанкой Приднепровской железной дороги, гор. Джанкой Крымской области. Приказы по административно-хозяйственным вопросам и личному составу за 1950-51 гг. 49 л.
7. Поликлиника ст. Джанкой Приднепровской железной дороги, гор. Джанкой Крымской области. Приказы по административно-хозяйственным вопросам и личному составу за 1952-53 гг. 87 л.
8. Ткачук І.С. Медицина на залізничному транспорті України: діяльність в умовах реформування // Медицина залізничного транспорту України. Київ, № 1, 2012. С. 6-8.

**УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КИЕВСКОГО ПАТРИАРХАТА
КАК РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
В ОСВЕЩЕНИИ УКРАИНСКИХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

ЧИБИСОВА А.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Изучение внешних контактов и связей Украинской Православной Церкви Киевского патриархата (далее – УПЦ КП) с другими христианскими церквями и представителями нехристианских конфессий не являлось ранее предметом специального изучения. Нет в наличии также и полного аналитического исследования в целом о Киевском патриархате, лишь отдельные аспекты данной проблемы привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей по истории церкви. Именно на этих работах мы и остановимся ниже.

Все имеющиеся в новейшей историографии исследования по истории Киевского Патриархата условно делятся на две группы. В первую входят работы, носящие описательный характер [21], в которых отсутствует аналитика, лишь систематизирован фактический материал, а также предпринята попытка выявить причины и сущность межцерковных конфликтов на Украине. Вторая группа исследований посвящена государственно-церковным отношениям, роли влияния религии на общественные отношения и государственное строительство, вопросам возможности государственного регулирования сложившейся в церковной жизни Украины ситуации.

В то же время, все исследователи, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, делятся на приверженцев к одной из трех наиболее крупных украинских церквей – УАПЦ, УПЦ КП, УПЦ МП. Все работы носят в основном политизированный [20] и отчасти пропагандистский характер.

* * *

Среди причин возникшего на Украине в 90-е годы XX века внутрицерковного конфликта авторами выделяется в первую очередь проблема строительства Украиной независимого национального государства, проблема украино-российских отношений. В. Марчук в работе «Православие, нация, общество: духовно-ментальное единство Украины в свете церковных расколов (XX век)» [19] считает, что Церковь, будучи неотъемлемой частью общества, отражает в себе все царящие в нем настроения, а в основе внутриправославного конфликта на Украине лежит исключительно конфликт украинской и русской идентичностей, уходящий корнями в первую треть XX в. В основе конфликта – появление украинской государственности и активная деятельность украинского национального движения по формированию нации [19, с. 433]. Таким образом, проблема автокефалии украинской церкви покоится на том же фундаменте противопоставления русскости, что и все национальное украинское движение в целом [19, с. 435].

Идея о том, что создание «самостійної помісної Церкви» для Украины увязано в единый комплекс национально-сепаратистской программы, проходит также и через работы В.И. Петрушко [23; 24]. В.И. Петрушко считает, что украинская националистически настроенная интеллигенция стремится провести националистическую идеологию в «церковную ограду» [23, с. 172]. Поместная церковь – это некий атрибут, по мнению автора, независимой государственности, её идеологическая база. Поэтому, понимая, сколь огромное влияние способно украинское православие оказать на умы граждан Украины, националисты не могут оставить без влияния сферу церковной жизни.

Однако, наряду с описанными выше причинами церковных расколов на Украине, исследователями выделяются также и другие. Так Н. Новиченко отмечает, что причины

межконфессиональных и внутрицерковных противостояний Украины во многом обусловлены социально-политической и экономической ситуацией в стране. В тон ему и О.О. Смержевская связывает появление межцерковного конфликта на Украине с начавшейся в 90-х годах XX века экономической, культурной и политической глобализацией мира. Автор высказывает необходимость серьезного межконфессионального диалога в условиях сложившейся поликультурности мира для преодоления раскола, как проявления негативных тенденций глобализации [27].

А. Драбинко в работе «Православие в посттоталитарной Украине (вехи истории)» [3; 4], анализируя реалии обострившейся ситуации в украинском православии на рубеже XX–XXI веков, глубоко и всесторонне раскрывает всю подоплеку межправославных расколов, вызванных, по его мнению, политическими и, прежде всего, личными амбициями участвующих в них иерархов. Главным дестабилизирующим фактором, мешающим преодолению раскола и способствующим углублению кризисных явлений, А. Драбинко видит деятельность Филарета (Денисенко).

Существование УПЦ КП стало возможным, по мнению автора, благодаря «мутационным процессам в постсоветском украинском обществе» [4, с. 228], а существующая УПЦ КП не является ни полноценной религиозной, ни политической организацией, но при явном доминировании в ней политического начала над церковным.

В противовес А. Драбинко, Н. Кочан обвиняет власти в попытке подменить религиозно-церковные проблемы неполюженными церкви политическими, социальными и культурными проблемами. Также он считает, что патриарх Филарет (Денисенко) является единственным из иерархов, кто последовательно настаивает на необходимости активного участия государства в урегулировании конфликта.

О. Литвиненко рассматривает религиозную ситуацию в Украине с двух сторон [17]. С одной стороны, он видит расколы как духовный конфликт внутри государства, с другой – как политический конфликт, базирующийся на существующих контактах украинской церкви с политическими организациями Российской Федерации и пророссийскими организациями Украины (в случае с УПЦ МП), так и националистическими организациями Украины (в случае УПЦ КП). Таким образом, религиозный конфликт в Украине О. Литвиненко связывает с «политизацией религиозной жизни» [17, с. 4]. УПЦ КП – весьма политизированная организация, но она – проводник национально-государственного строительства в Украине. В противовес ей УПЦ МП, проводник интересов Московского Патриархата, выступает против сотворения в Украине единой поместной православной церкви, что явно мешает национальной консолидации украинцев (наряду с существующим большим количеством альтернативных религиозных христианских деноминаций). В этих условиях церковный раскол выступает негативным фактором, моделирующим политический раскол [17, с. 9].

В. Еленский в своих работах предпринимает попытки дать обзор религиозной ситуации в Украине, выявить приоритеты государственной политики в области церковной жизни и механизм гармонизации межцерковных и государственно-церковных отношений [6; 7]. Вместе с тем, им предприняты попытки решить проблему гуманитаризации государственной политики в области религии и церкви. Он описывает ход религиозного конфликта в Украине, пытается развить идею о том, что православный конфликт является, на самом деле, конфликтом между украинской и неукраинской идентичностями [7]. Что именно он вкладывает в понятие «неукраинская идентичность» из статьи не вполне ясно. Автор достаточно объективен в своих оценках, не пытается обвинить стороны, показывает точки зрения всех конфликтующих сторон. В качестве оценки на будущее делает предположение, что ни один из субъектов конфликта не обнаруживает заинтересованности в компромиссах и, по большому счету, – в объединении. Украинское государство такую заинтересованность, несомненно, имеет. Однако, у него, по мнению автора, недостаточных рычагов и соответствующей легитимности для решения вопроса.

Ключевая проблема, по мнению исследователя, состоит в том, что для урегулирования ситуации в Украине предполагается ликвидация параллельных церковных структур разных юрисдикций на одной территории. В. Еленский считает, что архиереям необходи-

мо гарантировать перспективы новой службы при их переходе из одной юрисдикции в другую [7, с. 26]. Поступательное движение к объединению снизу возможно лишь при активной поддержке органов государственной власти и государственном регулировании сложившегося конфликта. Объединение православных возможно только при условии создания автокефальной каноничной организации, но Московская Патриархия, которая может дать подобную автокефалию, ставит определенные условия объединения. Для достижения поставленных целей необходимо объединение и совместная деятельность всех православных церковных структур против натиска Московского Патриархата и Восточных Церквей, обоснование необходимости автокефалии. Необходимо создание также некоего межцерковного органа, который бы осуществлял регулирование ситуации. Еленский также придерживается точки зрения, что УПЦ-КП одна среди действующих церквей сберегла потенциал возможности для достижения статуса автокефалии и возможности выступить объединительным центром для всех осколков православия Украины [7, с. 19].

Предложения по урегулированию церковных конфликтов на Украине проходит также и через другие исследования, в большей мере через те, которые посвящены вопросам украинской модели церковно-государственных отношений, раскрывают особенности их политико-правовых проблем [1; 12], вопросы межцерковных отношений и их правового регулирования [2; 9; 13; 18].

Так, диссертация на соискание степени кандидата исторических наук С.М. Осиповского [22] посвящена конфессиональной ситуации в политическом процессе Украины и взаимодействию государственных и религиозных организаций в конце XX – начале XXI вв. Он характеризует государственно-церковные отношения в Украине на современном этапе социально-политического развития в контексте мирового опыта оптимизации взаимодействия государственных институтов и институтов гражданского общества [22, с. 3]. В исследовании автор раскрывает особенности процесса формирования украинской модели государственно-церковных отношений и формирования вариантов оптимальной политики государства в отношении религиозных организаций в условиях переходного периода. Основной вывод автора сводится к необходимости внести изменения в законодательство и, учитывая социальные, правовые, экономические условия развития украинского государства, выработать оптимальную модель государственно-церковных отношений. До конца не ясно, какую именно модель необходимо создать и каким критериям она будет отвечать. С.М. Осиповский считает необходимым оформить такую концепцию государственно-церковных отношений, которая позволила бы соединить свободу совести с возможностью для религиозных организаций активно включиться в процесс создания демократической системы и участвовать в политической жизни [22, с.16].

Выработка оптимальной модели государственно-церковных отношений возможна лишь при соблюдении определенных условий. Религиозная сфера не должна быть объектом прямого политического вмешательства. Государство должно иметь возможности влияния на межконфессиональные противоречия, оказывающие негативное влияние на общество. Ни одна религиозная организация не должна претендовать на роль государственной. Государство должно строго контролировать соответствие устава религиозной организации и практического характера его деятельности, уделяя значительное внимание незарегистрированным религиозным организациям. В то же время, государство обязано контролировать практическую деятельность религиозных организаций. В случае необходимости пресекать деятельность тех из них, которые выходят за собственно религиозные рамки. Традиционные, имеющие длительную историческую традицию и значительное число приверженцев и признанные мировыми религиозными центрами украинские религиозные организации могут пользоваться поддержкой государства, учитывая ту позитивную роль, какую они играют в постепенной консолидации общества.

О необходимости государственного вмешательства в вопрос преодоления межправославного раскола пишет также и Л. Филиппович. По ее мнению, государство и церковь имеют внутреннюю установку на диалог, но важно этот диалог проводить, в первую очередь, на уровне регионов, и лишь только в этом случае политика государства найдет поддержку граждан, которые хотят жить в независимом государстве, символом которого является для них независимая церковь.

Идея о необходимости создания независимой церкви независимого государства проходит и через все работы А. Колодного [14; 15; 16]. А. Колодный считает, что Украина «из-за векового пребывания в колониальной неволе» [13, с. 57] запоздало вышла на мировую арену. В то время как другие народы уже прошли процесс своей национальной самоидентификации и их этносам не угрожают процессы глобализации мира, то украинскому народу, прежде чем включаться во всеобщий процесс глобализации, необходимо прежде «из украинца с паспортом сформировать украинца с духом, наконец сделать Украину Украиной» [13, с. 51]. В этом процессе, по мнению А. Колодного, основную роль играет национальная религия и национальная церковь. Появление национальных украинских церквей является проявлением не только духовного возрождения украинского народа, но и эффективным фактором в строительстве украинского государства. А. Колодный считает, что объединения существующих христианских деноминаций на территории Украины не будет, ее ждет толерантизация межконфессиональных и межцерковных отношений [13, с. 52]. У УПЦ КП А. Колодный также не видит перспектив по причине того, что патриарх Филарет (Денисенко) не стремится подготовить себе преемника, что в дальнейшем, в случае ухода Филарета (Денисенко), отрицательно скажется на ситуации внутри Киевского Патриархата [13, с. 53].

Необходимость создания национальной церкви он объясняет возможностями данной структуры консолидировать общество на этапе национального строительства [11, с. 14]. Пути ее достижения остаются весьма туманными, но она крайне необходима в условиях национального расцвета. А. Колодный рассматривает палитру религий постсоветской Украины, особенности религиозного возрождения и религиозной жизни в разных конфессиях. Рассматривает особенности украинской модели государственно-церковных отношений, пути толерантизации межконфессиональных отношений, описывает проблему и тенденции нынешних религиозных процессов на украинской территории. По вопросу о государственно-церковных отношениях А. Колодный придерживается точки зрения о необходимости не допустить диктата государства по отношению к церкви [10]. Схожие идеи проходят и через работы других авторов.

В монографии С.И. Здиорука исследуются проблемы функционирования и развития системных общественно-религиозных отношений, наличие которых входит в стратегию гуманитарной политики и демократических реформ [8]. Автор осмысливает попытки Украины провести религиозно-церковную структуризацию украинского общества, влияние этно-конфессиональных факторов на национальную идентификацию, формирование методов и механизмов взаимодействия органов политической власти с религиозными организациями. Особого внимания в сложившихся условиях, по мнению С.И. Здиорука, заслуживает проблема стратегического выбора Украины, выбора того, в какой форме создавать демократическое общественно-государственное и церковно-религиозное устройство, в какой форме развивать церковно-государственные отношения [8, с. 25]. Сформированные отношения нового типа должны будут отвечать присущему украинцам представлению о взаимодействии граждан государства и светской и духовной власти, системе ценностных ориентаций украинской нации, а именно – ориентации на национально-государственное строительство независимого государства со своими автономными национальными религиозными организациями. Осуществление всех этих задач С.И. Здиорук видит в проведении эффективных демократических реформ во всех сферах общественной жизни.

Выше упоминалось, что исследователи оставляют будущее за различными церковными организациями Украины. Альтернатива невелика: это либо создание новой единой поместной церкви, возможно, с согласия Московского патриархата («при наличии целенаправленной политики религиозной пропаганды о единстве церкви объединение украинских церквей неизбежно, это лишь вопрос времени» [25]), либо развитие и укрепление существующего Киевского патриархата во главе с Филаретом (Денисенко). Так В. Черемис, на основе документов, имеющих фактов и, опираясь на интервьюирование свидетелей очевидцев событий, происходивших на Украине в 1991-1992 гг., детально разбирает и структурирует ход событий, приведших к образованию новой религиозно-политической

структуры – УПЦ КП [29]. Сам автор относится к направлению радикально настроенных исследователей, однозначно видя в Киевском патриархате единственно возможную религиозную структуру на территории Украины.

Митрополит Дмитрий (Рудюк) в рукописи кандидатской диссертации на соискание степени кандидата богословия [26] предпринимает попытку доказать, что в ходе исторического процесса, проходившего на протяжении нескольких веков, сложились все условия, в рамках которых украинская православная церковь не только имеет право на свою автокефалию, но и заслуживает ее более, чем кто-либо другой, имеет право претендовать на неё и отстаивать ее всеми возможными способами. Данная работа политически ангажирована, кроме того, современной истории УПЦ КП (единственно возможной православной деноминации независимой Украины) автор касается лишь косвенно в послесловии, однако, несмотря на это, сквозь всю диссертацию красной линией проходит мысль о том, что УПЦ КП имеет все права на автокефалию, и это только вопрос времени.

О.М. Сотник из трех крупных существующих на настоящий момент православных организаций Украины (УАПЦ, УПЦ МП, УПЦ КП) наиболее приспособленной и единственно возможной для существования на территории государства видит именно УПЦ КП. Свою точку зрения автор мотивирует тем, что УАПЦ, несмотря на ее столетнюю историю, является крайне малочисленным объединением; УПЦ МП принадлежит Российской поместной церкви, поэтому, не имеет никакого права присутствовать на землях Украины, УПЦ КП – единственная поместная украинская церковь, которая, получив статус автокефалии, во-первых, закрепит связи с западом, подчеркнув не только географическую, но и духовную приверженность Украины странам Запада (правда, наряду с этим утверждением, автор никак не мотивирует, чем именно УПЦ КП выгодно отличается от УАПЦ с точки зрения выстраивания отношений с Западом, кроме утверждения, что Киев – духовный центр одной из старейших церквей). Кроме того, О.М. Сотник наделяет УПЦ КП миссией защитить Украину от имперских посягательств России и содействовать распространению духовных ценностей православия за границей.

Вопрос «имперства» России достаточно болезнен для большинства современных украинских исследователей. О. Ткаченко считает необходимой связь между религиозной и политической жизнью Украины, союз которых позволил отстоять суверенитет государства в момент распада Советского Союза [27]. В настоящее время необходимо, по мнению автора, бороться со структурами московского православия, отвергающими самостоятельность украинской церкви и продвигающими в жизнь проекты колонизации Украины [4, с. 4].

Несмотря на то, что большинство исследователей придерживается точки зрения, что будущее украинского православия – в руках УПЦ КП либо новой поместной церкви, реже, но все-таки встречается в историографии идея о возможности УАПЦ возглавить и объединить вокруг себя православие Украины.

И. Яковенко [30] рассматривает УПЦ МП как образец традиционно-средневековой церкви [30, с. 63], ориентированной на модель универсальной империи, срастание с государством и адекватную наиболее традиционализованному сектору общества. По мнению И. Яковенко, УПЦ МП является той структурой, которая не в состоянии успешно развиваться в конкурентной среде и принципиально не готова к диалогу, нуждается в монополии, не может работать с модернизированными слоями общества, тяготеет к манихейскому прочтению любых противостоящих сил, нуждается в образе врага, формально ориентирована на обострение ситуации и кризисную мобилизацию. Интересно отметить, что и к УПЦ КП отношение автора схоже, он во многом видит ее похожей на Московский патриархат [30, с. 64]. И. Яковенко считает, что в УПЦ КП идут люди, не готовые быть в среде, отторгающей национальную государственность. УПЦ КП также ориентирована на власть, но, в отличие от УПЦ МП, любой ее деятельности мешает неканонический статус и непризнанность. Идеальный вариант украинского православия И. Яковенко видит в УАПЦ, возникшей на подъеме национально-освободительного движения. В ней отсутствуют универсально-имперские смыслы [30, с. 65], ей присуща ориентация в большей мере на европейские ценности. УАПЦ, по мнению автора, – самая модернизированная церковь, апеллирующая к автономизации личности, впитавшая в себя дух западноевропейской ци-

визации, ценности либеральной демократии, модели взаимоотношений государства и гражданского общества. Однако, несмотря на явно просматривающуюся в работе Яковенко симпатию к УАПЦ, он, не отступая от обычных для существующей историографии принципов, пишет о необходимости объединения всех православных деноминаций на Украине и создания единого патриархата, который будет превосходить по числу приходов Московский Патриархат, который, возможно, станет центром притяжения православного мира [30, с. 68].

Таким образом, в российской и украинской историографии прослеживается несколько тенденций в изучении причин, природы церковных расколов на Украине в новейшее время и путей их преодоления.

Среди причин внутрицерковного конфликта авторами выделяется, в первую очередь, проблема строительства независимого украинского государства и российско-украинских отношений. С другой стороны, истоки конфликта исследователи находят в социально-экономической ситуации на Украине в начале 90-х годов XX века. И вместе с тем, отмечают такую причину, как личностный фактор и амбиции участников описываемых событий.

В историографии раскол рассматривается двояко: как религиозный и духовный конфликт (в этом случае УПЦ КП выступает как религиозная организация), а с другой стороны – как политический конфликт, в основе которого лежит противостояние между российской и украинской идентичностями в рамках одного государственного образования. Здесь Киевский Патриархат видится уже как политическая структура. Хотя по факту мы наблюдаем, как церковный раскол выступает негативным фактором и моделирует раскол политический, о чем уже упоминалось выше.

Практически единогласно авторы сходятся во мнении о необходимости преодоления межправославного конфликта путем государственного вмешательства в религиозную сферу и преодоление церковных расколов административным путем. Разнятся точки зрения авторов о непосредственных методах, которыми должно действовать государство: создание очередной новой альтернативной религиозной структуры в виде канонической поместной церкви, создание организации или органа власти и наделение его правами по урегулированию религиозной ситуации или опора на одну из существующих религиозных структур в настоящее время (УПЦ МП, УПЦ КП, УАПЦ). Вопрос о том, на какую именно структуру опираться, остается открытым и дискуссионным.

Источники и литература.

1. Бондаренко В. Особливості української моделі державно-церковних відносин // Державно-церковні відносини в Україні у контексті сучасного європейського досвіду. К., 2004.
2. Грінер О. Взаємодія держави і церкви (релігійних організацій) на шляху становлення громадянського суспільства в Україні // Державно-церковна політика в Україні як фактор формування громадянського суспільства К., 2008.
3. Добош О. Розкол – патріотизм чи злочин? Почаїв, [Б.д.]
4. Драбинко А. Православие в посттоталитарной Украине (вехи истории). К., 2002.
5. Драбинко А. Чому розкольніцькі угруповання в Україні називаються неканонічними. К., 2007.
6. Єленський В. та інші. Релігійне життя в Україні: стан, проблеми, шляхи оптимізації. К., 1996.
7. Єленський В. Розлам // Людина і світ, 2000, № 6.
8. Здіорук С.І. Суспільно-релігійні відносини: виклики Україні XXI століття. К., 2005.
9. Климов В. Тенденції розвитку державно-церковної політики в Україні в контексті сучасних процесів урегулювання відносин між державами та церквами в Європі // Державно-церковна політика в Україні як фактор формування громадянського суспільства. К., 2008;
10. Колодний А. Історія релігії в Україні. Київ., 1999.
11. Колодний А. Ідея національної церкви в Україні // Українське релігієзнавство. 1997, № 6.
12. Колодний А. Концепція державно-церковних відносин в контексті демократизації суспільного життя // Державно-церковні відносини в Україні у контексті сучасного європейського досвіду. К., 2004.
13. Колодний А. Прогнози ближніх перспектив релігійного життя України // Державно-церковна політика в Україні як фактор формування громадянського суспільства. К., 2008.
14. Колодний А. Релігійне сьогодні України. К., 2009.
15. Колодний А. Релігія і національна самосвідомість. К., 1990.
16. Колодний А. Ідея національної церкви і національної релігії // Ідея національної церкви в Україні.

17. Литвиненко О. Християнські церкви України в контексті проблеми національної безпеки // Українське релігієзнавство, 1996, № 6.
18. Любчик В. Міжконфесійні відносини в Україні: факторі соціально-політичного впливу // Державно-церковна політика в Україні як фактор формування громадянського суспільства. Київ, 2008.
19. Марчуков А.В. Православие, нация, общество: духовно-ментальное единство Украины в свете церковных расколов (XX век) // Церковь в истории России. Сб. 7. М., 2007.
20. Могильницька Г. Хроніка великого ошуканства. Київ, 2009.
21. На основе прессы и других источников периодической печати В. Пащенко реконструирует события 90-х гг. XX века. Работа в больше мере носит описательный характер нежели аналитический и завершается прогнозом автора о возможном объединении христианских церквей Украины (на момент 2000 г между УПЦ КП и УАПЦ шли переговоры об объединении и о признании их Константинопольским Патриархатом).
22. Осиповський С.М. Формування моделі державно-церковних відношень в Україні: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сімферополь, 2006.
23. Петрушко В.И. Автокефалистские расколы в Украине в постсоветский период 1989-1997. М., 1998.
24. Петрушко В.И. О попытках создания Киевского патриархата украинскими униатами и раскольниками автокефалистами в XX веке. М., 2008.
25. Релігійна політика в Україні у 1960-1980-х гг. і сучасна практика міжконфесійних відносин. К., 2010.
26. Рудюк Д. Історично-канонічні основи автокефалії Української Православної Церкви: дисс на здобуття вченого ступеня кандидата богослов'я. Київ, 2000.
27. Смержевська О.О. Релігійно-церковне життя України (кінець XX – початок XXI ст). К.-Ніжін, 2011.
28. Ткаченко О. Деколонізація церковно-політичного життя в постсоветській Україні. Київ., 2010.
29. Черемис В. Голгофа українського православ'я. Київ, 1998.
30. Яковенко И. Украина: религиозно-цивилизационная составляющая политических конфликтов // Религия и конфликт. М., 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- ГИБОВА**
Екатерина Сергеевна
Аспирант кафедры политических наук и международных отношений Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
- ГОРЕЛОВ**
Вячеслав Николаевич
Кандидат физико-математических наук, докторант Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
- КРЕСТЬЯННИКОВ**
Валерий Васильевич
Исследователь, в 1998-2009 годах – директор Государственного архива г. Севастополя
- КУЗЬМИНА**
Анна Васильевна
Преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе
- ЛЯШУК**
Павел Михайлович
Ведущий научный сотрудник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя
- МАЛИНОВСКАЯ**
Ольга Ивановна
Методист КУ «Севастопольский городской национально-культурный центр»
- СИДОРОВИЧ**
Егор Сергеевич
Научный сотрудник Херсонского областного краеведческого музея, соискатель ученой степени кандидата исторических наук (Институт истории Украины НАН Украины)
- СТАВИЦКИЙ**
Андрей Владимирович
Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе
- ТЕРЕЩУК**
Наталья Михайловна
Заведующая архивом Севастопольского городского Совета депутатов
- ФИЛИМОНОВ**
Сергей Борисович
Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе

* * *

- АВСЕНЁВА**
Светлана Николаевна
Магистрант I года обучения исторического факультета ТНУ им. В.И. Вернадского (научн. руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ им. В.И. Вернадского **Петрова Элеонора Борисовна**)
- МАЛИНОВСКАЯ**
ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА
Студентка III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – ст. преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Лейбенсон Виталий Генрихович**)
- ОЛЕНЧЕНКО**
СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА
Студентка III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – ст. преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Лейбенсон Виталий Генрихович**)
- ПЕРЕПЕЛИЦА**
ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА
Студентка V курса исторического факультета ТНУ им. В.И. Вернадского (научн. руководитель – доктор исторических наук, зав. кафедрой российской истории ТНУ им. В.И. Вернадского **Филимонов Сергей Борисович**)
- ХОМЕНКО**
СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
Студент III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, зам. зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Хапаев Вадим Вадимович**)
- ЧИБISOVA**
АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
Студентка VI курса исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего зарубежья МГУ им. М.В. Ломоносова **Солопова Оксана Вячеславовна**)

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья» на X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2012 году / под общей редакцией **В.И. Кузицина**.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

С.Б. ФИЛИМОНОВ, В.В. ХАПАЕВ

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 15.03.13 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 13,5 п.л., уч. изд. л. 8,75
Распространяется через сеть Интернет**

